

Департамент культуры
города Москвы

Государственное бюджетное
учреждение культуры города Москвы
«Музейное объединение
«Музей Москвы»

Московия:

**материалы
и исследования
по истории
и археологии**

УДК 94(470-25)
ББК 63.3(2-2Мос)
М82

Ответственный редактор: М.В. Моисеев

Московия: Ежегодник научных работ
Музея Москвы. — М.: изд., 2015. — 160 с.

Настоящий сборник трудов посвящен различным сторонам истории Москвы. Специальное внимание уделено проблемам истории столицы в Смутное время. Представлены публикации археологических коллекций Музея Москвы. Данное издание предназначено для специалистов-историков, краеведов, студентов, а также людей, интересующихся прошлым нашего города.

1. Статьи

А. А. Полюлях (Музей Москвы)
Факторы возникновения и характер
развития мелкотоварного гончарного
производства Гжели в конце XV —
первой трети XX в.
8

О. А. Курбатов (РГАДА)
Гарнизон Москвы в Смутное время:
постановка проблемы.
36

С. Н. Таценко (Музей Москвы)
Деннинги со Старого Гостиного двора.
44

В. С. Дельвиг (Музей Москвы)
Отношение российских властей
к иностранцам из стран Западной
Европы (Москва, конец XV — середина
XVII в.).
50

Е. Н. Правдиковская (Музей Москвы)
Роль личности княгини Шаховской
в становлении и развитии общины
сестер милосердия «Утоли моя
печали».
62

К. К. Полещук (Музей Москвы)
Городской голова Н. А. Алексеев
и благоустройство московских
мостовых в конце XIX века
114

А. В. Трусов (Музей Москвы)
Памятники эпох палеолита
и мезолита в собрании Музея Москвы.
124

М. Н. Фурсов (Музей Москвы)
Двускатно-пластинчатые гривны
в собрании Музея Москвы
138

3. Критика, библиография,
научная жизнь

Е. Н. Святицкая, С. Н. Таценко (Музей
Москвы)
Выставочный проект «От клада
к вкладу» — яркая страница
деятельности Музея Москвы
в 2013 году
148

Сведения об авторах
157

Contents
158

1. Статъи

Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в.

Резюме

На основе археологических и документальных данных показываются факторы возникновения, характер развития и прекращения мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV — первой трети XX в., ориентированного на рынок Москвы. Рассматривается ассортимент изделий, расширявшийся в связи с потребностями рынка и освоением новых, более сложных технологий гончарного производства.

Ключевые слова

Гжельская волость, Гжель, Москва, Яузская гончарная слобода, белоглиняная керамика, крестьяне, промысел.

Иллюстрации на с. 82–89

В развитии промышленности России немаловажную роль играла ремесленная деятельность населения, в ходе которой складывались локальные специализированные промысловые районы, снабжавшие страну продукцией местного производства. Такие центры возникали в первую очередь поблизости от сырьевых баз. Уже во второй половине XVI в. определилось значение Серпухова, Устюжны-Железнопольской, Новгорода, Вологды, Перми, Москвы как центров ремесла по металлообработке; Вологды, Костромы и Борисоглебска под Ярославлем — по производству мыла; Казани, Серпухова, Новгорода, Вологды — по обработке кожи. Но промышленные центры складывались не только в городах, но и в селах, где проявлялась местная специализация промышленных промыслов. Так, в середине XVI в. во Владимирском уезде существовали бочарные деревни, в Шелонской пятине — целый поселок колесных мастеров, в селе Клементьеве, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю, работали ремесленники по изготовлению деревянной посуды, в Бежецкой пятине известно гончарное село [10].

Один из таких промышленных центров сложился близ Москвы в Гжельской волости, или в Гжели. Гжель — условно названный район, расположенный в 50 км к востоку от Москвы (рис. 1), включающий 17 сел и деревень Гжельской волости Бронницкого уезда и 15 — соседней Карповской волости Богородского уезда, расположенных вдоль и вблизи бывшей «Гжельской дороги», а с XVIII в. — Касимовского тракта (в настоящее время — Егорьевское шоссе). Здесь, судя по документам, во второй половине XVII–XIX вв. существовало гончарное производство, возникшее, по-видимому, в более раннее время. В конце XVIII в., опираясь в своей основе на опыт гончарного производства, появились и действовали более двух десятков сначала майоликовых заводов-мастерских, а в середине XIX в. — фарфоро-фаянсовых мануфактур [84, с. 183, 168–169]. Не случайно Гжель в середине XIX в. считалась «нашим русским Стаффордширом» — главным посудным центром страны [87, с. 346].

Основным рынком сбыта керамических изделий Гжели являлась Москва.

В процессе археологического исследования культурного слоя Москвы, при нередком отсутствии в его горизонтах датирующих предметов (монеты, изразцы, изделия из стекла и металла), керамика, являясь массовым материалом, зачастую остается единственной датирующей находкой. В связи с этим степень ее изученности имеет немаловажное значение, что нашло отражение уже в первых работах по московской археологии, в которых началась разработка типологии и хронологии керамических групп. Разнообразные керамические изделия важны и для характеристики повседневного быта горожан и уровня технологии московских гончаров.

В настоящее время основная часть археологических коллекций из раскопок в Москве хранится в фондах «Музейного объединения «Музей Москвы». В их составе средневековая посудная керамика, как в виде целых форм, так и во фрагментах, насчитывает более 50 тыс. единиц хранения.

Изучение московской керамики началось одновременно с проведением широкомасштабных археологических наблюдений и раскопок, связанных со строительными работами в историческом центре Москвы в 1930–1950-х гг.: при строительстве I-й очереди метрополитена в 1933–1934 гг., на Котельническом холме, на месте Яузской гончарной слободы в 1946 г. и в Зарядье в результате работ Московской экспедиции ИА АН СССР в 1947–1964 гг. Именно тогда были получены значительные коллекции керамики, включающие целые формы посуды.

С начала изучения московской керамики и в дальнейшем исследователями отмечалось значительное преобладание в культурном слое города XVI–XVIII вв. белоглиняной керамики. Так, уже в первой публикации о московской керамике А.В. Арциховского «Находки кувшинов XVI в. в колодцах на Моховой» отмечалось наличие сосудов (кувшинов?), изготовленных из белой глины, залежей которой в черте Москвы и в ее окрестностях нет [7, с. 134]. По-видимому, на это указал А.В. Арциховскому руководитель лаборатории керамики Академии архитектуры СССР А.В. Филиппов, входивший в группу археологов.

Проанализировав керамику, собранную при работах Метростроя, М.В. Воеводский отнес время появления белоглиняной керамики в Москве к XIV–XV вв. [19, с. 169].

Впоследствии М.Г. Рабинович в работе «Московская керамика» выделил 11 типов, отметив, что «грубая красная керамика» характерна и повсеместна для культурного слоя Москвы. По результатам раскопок в Яузской гончарной слободе им был также выделен тип «белоглиняной грубой» керамики, появление которой датировалось серединой XVI в., а также опубликовано предположение А.В. Филиппова о привозе белой глины в Москву из Гжели для ангобирования чернолощеной посуды [70, с. 61–63, 104].

Итоговая классификация, анализ и датировка московской керамики по результатам раскопок в 1930–1950-х гг. была выполнена Р.Л. Розенфельдтом [72]. Им было установлено, что для культурного слоя города XIII–XVI вв. характерна красноглиняная посуда, и в частности, горшки, генетически восходящие к курганным с определенной трансформацией формы венчика и места нанесения декора (рис. 2, 1–5). В XV – начале XVI в. они имеют коническую форму с расположением максимального диаметра в ее верхней части, с вертикально поставленным венчиком и линейным декором, переходящим с тулова на плечики (рис. 2, 3–5). В XVI–XVIII вв. состав московской керамики отличается наличием большого количества привозной белоглиняной керамики, которая в этот период является основной для Москвы.

Позднее С.З. Чернов разделил московскую белоглиняную керамику на два вида, «грубую» и «гладкую», форма сосудов и датировка которых имели различия [95, с. 50–54]. Эти два вида, по предложению В.Ю. Ковалю, получили наименования МБК-1 (московская белоглиняная керамика вида 1) и МБК-2 соответственно [36, с. 98].

МБК-1, или белоглиняная «грубая», имеет естественную, сильно

запесоченную¹, иногда с мелкими остроугольными кварцитами — дресвой, формовочную массу. Основными формами МБК-1 являются горшки, кувшины и корчаги, сформованные на ручном гончарном круге ленточным налепом с подсыпкой песка (иногда дресвы) на дне. Венчики сосудов формовались заворотом «чернового края» наружу, в виде валика полукруглого сечения (рис. 2, 6). Появление МБК-1 в Москве относится к рубежу XV–XVI вв. и до середины XVI в. ее доля не превышает 10% в закрытых комплексах [36, с. 100].

МБК-2, или белоглиняная «гладкая», характеризуется формовочной массой из жирной нежелезненной и слабожелезненной глины, без примесей, дававшей при окислительном обжиге как чисто белый, так и желтоватый, кремовый или розовый цвет поверхности сосудов. Основная форма — горшки, отличительной чертой которых является вертикальный венчик, сформованный путем заворота «чернового края» внутрь сосуда, внешняя сторона которого покрыта прочерченным многорядным линейным орнаментом (рис. 2, 7). Появление МБК-2 относится ко второй половине XVI в., а абсолютное доминирование в Москве — в XVII–XVIII вв. [36, с. 103].

В.Ю. Коваль выделяет еще один, третий вид московской белоглиняной керамики — МБК-3, формовочной массой которой является глина чистого белого цвета с большим содержанием мелкого песка, дающего шероховатую, мелкозернистую поверхность сосудам. Первые образцы такой керамики появляются в Москве в XVII в. и представлены горшками (рис. 2, 8). В XVIII в. к этому виду относились горшки, кувшины и игрушки с росписью красной краской [72, табл. 16, 17–29]. Место производства МБК-3 неизвестно.

В настоящее время керамика вида 1 (МБК-1) получила в литературе название гжельской, а керамика вида 2 (МБК-2) условно — коломенской. По-видимому, к гжельской следует отнести и керамику вида 3 (МБК-3)².

Таким образом, в Москве в составе бытовой повседневной гончарной посуды на рубеже XV–XVI вв. исследователями отмечается смена производственной и типологической традиций в ее изготовлении с разделением на два периода. Для первого периода, с XII до конца XV в., характерна посуда, выполненная московскими гончарами из местных красножгущихся глин. Во втором периоде, в XVI–XIX вв., основной является привозная, изготовленная из беложгущихся глин керамика, производство которой, по-видимому, в это время существовало в Гжели.

Гжельское происхождение ряда видов московской белоглиняной керамики подтверждается при сопоставлении с аналогичными

1 Песок, и в частности кварцевый от нескольких до нескольких десятков процентов, а также зерна полевого шпата являются характерными минеральными примесями, сопутствующими другим глинообразующим минералам [2, с. 58].

2 Фрагменты керамики этого вида отмечены во время раскопок в селе Гжель [14; 15].

формами, полученными при археологических исследованиях в Гжели (ныне Раменский район Московской области): в селе Гжель в 1985, 1986 и 1988 гг., Никитского погоста (Меткомелинского II-го селища) в 1989–1998 гг. и Бахтеевского селища в 1996 г. (рис. 3).

Археологические исследования в селе Гжель проводились на месте, где в XVII–XVIII вв. находилась хозяйственно-производственная часть одного из крестьянских дворов, владелец которого занимался изготовлением гончарной посуды. На это указывает значительная мощность культурного слоя (1,3 м) со слоем белой глины, сильно насыщенным фрагментами керамики (34 тыс. на 56 м² общей площади раскопов 1 и 2 без учета поздней керамики верхнего горизонта) и ямы — хранилища белой глины. О мелкотоварном характере существовавшего здесь производства свидетельствует разнообразие видов и форм найденной керамики: наиболее многочисленная белоглиняная (горшки, кувшины, миски, корчаги), чернолощенная, аналогичная московской (кубышки, кувшины, горшки, миски, оранжевые цветочные горшки) и поливная (фляги, миски, кувшины, мелкоразмерные горшочки, черепица) [14; 15; 62, с. 107–116].

В ходе исследования Никитского погоста, существовавшего в XVI в. и запустевшего в начале XVII в. [92, с. 137], была получена серия венчиков ранних, конца XV — первой половины XVI в., гжельских белоглиняных горшков и более 30 посудных форм XVI в.: кувшины, горшки, горшки со сливом, корчаги, миски, миски с ручкой (кастрюлька?), сковороды, а также детская игрушка — свистулька-курочка [61].

Близ села Бахтеevo в 1996 г. было исследовано селище с частично сохранившимся глинобитным гончарным горном, в заполнении которого находилось 1345 белоглиняных фрагментов пяти видов форм сосудов: горшок, кувшин, корчага, миска и сковорода, сформованных, судя по фрагментам днищ с подсыпкой песка, на ручном гончарном круге. Бахтеевское селище являлось, по-видимому, однодворным поселением-мастерской второй половины XVI — середины XVII в., где изготавливались гончарная посуда и плитки пола [63, с. 246–254].

Местность к востоку от Москвы, куда входит и Гжель, относится к Мещерской низменности и имеет вид равнины с уклоном поверхности к пойме Москвы-реки, покрытой пологими всхолмлениями и размытыми грядами, между которыми залегают многочисленные торфяные болота. Через нее в меридиональном направлении протекает река Гжелка с притоками Мининкой, Якубовкой, Речицей, Доркой и Сеченкой, на берегах которых расположены селения Гжели (рис. 3). Их размещение определялось условиями природной среды, благоприятными для расположения пахотных угодий, и имело первоначально прибрежно-речной характер.

Ввиду отсутствия в междуречье рек Пехорки и Нерской славянских археологических памятников домонгольского времени (селищ и курганных могильников) заселение этого региона началось, по-видимому, не ранее середины XIII — начала XIV в. и продолжалось в XIV–XVI вв. Первые поселенцы пришли сюда, продвигаясь от Москвы-реки по реке

Гжелке и ее притоку — реке Дорке. Здесь, как и везде, появление поселения на том или ином месте начиналось, как правило, с первого двора-починка, что нашло отражение в сохранении имен их первоначальных основателей, на что указывают антропонимичные названия большинства деревень Гжели, образованные от личных имен и прозвищ: Глебово, Григорово, Жирово, Кошерово, Меткомелино, Минино, Ново-Хари-тоново, Обухово, Турыгино, Фенино, Вороново, Игнатьево, Карпово, Кузяево, Сидорово, Шевлягино [67, с. 60, 75, 94, 106, 114, 131, 140, 168, 170, 191, 194, 273, 279, 298]. Фиксация названий починков стала возможной, по-видимому, в начале XV в., ко времени достаточно высокой заселенности, когда уже все удобные места для поселений были заняты.

В XV в., судя по документальным источникам, происходило образование Гжельской волости, центром которой стало село Гжель. В это время в Московском княжестве, с ростом населения и увеличением старопахотных площадей, начинается постепенный переход к оседлому земледелию с трехпольной системой хозяйства, происходит укрупнение деревень, превращение их в села, складывается волостное деление территорий. Этот процесс можно проследить по упоминаниям о деревне Гжель в духовных грамотах великих князей XIV—XVI вв. (таблица 1).

Таблица 1 Свод сообщений о Гжели в источниках XIV—XVI вв. [27, с. 33, 55-56]

	Документ	Дата	Сообщение о Гжели как:		
			о деревне	селе	волости
	Духовная грамота:				
1	Ивана I Калиты	1339 г.	X		
2	Ивана II Ивановича	1358 г.	X		
3	Дмитрия Ивановича Донского	1389 г.			X
4	Василия I (1-й вариант)	1407 г.		X	X
5	Василия I (2-й вариант)	1417 г.		X	X
6	Софьи Витовтовны	1451 г.			X?
7	Василия II	1462 г.			X?
8	Юрия Васильевича (князя дмитровского)	1472 г.			X
9	Ивана III	1504 г.			X?
10	Меновая грамота Владимира Андрее- вича (Старицкого) и Ивана III	1566 г.		X	X
11	Духовная грамота Ивана IV	1572 г.			X

Они не статичны и со временем изменяются. Так, если в духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г. Гжель упоминается как деревня [27, с. 7], то в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. появляется упоминание Гжели в качестве волости: «А се даю сыну своему, князю Василию, Коломну со всеми волостями... А волости Коломенские: Мещерка, Раменка, Песочна... Гжеля...» [27, с. 33]. В последующем аналогичном документе, в завещании Василия I 1407 г. о Гжели говорится как о селе: «А из Коломенских же из моих сел моеи княгине Оглоблино и со всеми деревнями... да Гжеля со всеми деревнями, что к ней потягло» [27, с. 55–56]. Деревня в XIV–XV вв. обычно состояла из 1–3 дворов [16, с. 12].

Окончательное складывание комплекса селений Гжели происходило в период подъема после польско-литовской интервенции в первой половине XVII в. Наиболее ранний перечень большинства селений Гжельской и Карповской волостей с указанием количества в них дворов известен по писцовой книге 1646 г.: село Гжель — 46 дворов, деревня Фенино — 17, Бахтеево — 15, Кошерово — 14, Жирово и Глебово — по 11, Турыгино — 9, Трошково — 8, Минино — 7, Коняшино и Григорово — по 5, Обухово — 3. В соседней Карповской волости: село Карпово — 8 дворов, деревня Аринино — 7, Антоново — 7, Вороново — 4, Игнатьево — 5, Мещера — 2, Шевлягино — 5 [59, л. 72–73]³. Все эти поселения, по-видимому, существовали и ранее, в XV–XVI вв., что отмечал в своих наблюдениях С.Б. Веселовский, указывая на древнее происхождение 9/10 селений Подмосковья [17, с. 44].

Следует отметить, что отождествление топонима «Гжель» с глаголами «жечь», «обжигать» и происхождение от них названия гончарного промысла «жгель» и соответственно при перестановке согласных и местности Гжель необходимо признать ошибочным. Эту версию впервые предложил в конце XIX в. А. Исаев и до настоящего времени она продолжает существовать в литературе [31, с. 113]. Название местности происходит от названия небольшой реки Гжелки (Агжелка, Гжалка, Гжелька), которое является балтским гидронимом, перенятым славянскими переселенцами у коренного балтского населения, по-видимому, еще в VIII–X вв. [76, с. 44, 270]. Подобные корни есть в латышском и древнепрусском языках. По-видимому, гидроним «Гжелка» образован из древнепрусского «gudde» — кустарник и, с учетом славянского суффикса «ка» и типично балтского суффиксального «л», в данном случае означает заросшее кустарником речное русло, долину [86, с. 175].

С начала XIV в. и до 1861 г. селения Гжели находились в личной собственности великих московских князей и царей, являясь дворцовыми. Четыре из них в конце XVIII в. были помещичьими: Бахтеево, Кузьево, Фрязино, Коломино.

3 Нет сведений о некоторых, по-видимому, тогда же существовавших селениях: Володино, Меткомелино, Ново-Харитоново, Речицы в Гжельской волости и Кузьево, Фрязино, Коломино, Сидорово в Карповской волости.

Число дворов в селениях Гжели стало возрастать с введением подушной подати в 1724 г. В Гжельской волости, например, за период с 1700 по 1773 г. число дворов возросло в 2,7 раза: в 1700 г. их насчитывалось 272 [1, с. 519], а в 1773 г. — 744 [44, с. 340–341].

В ходе хозяйственного освоения территорий обычно через села (центры сельских районов) самим населением стихийно прокладывались дороги. Дорога на восток от Москвы, проложенная через лесные массивы и водоразделы нескольких мелких рек, проходившая через Гжельскую волость, существовала уже в начале XV в. Сюда, в село Гжель, во время эпидемии чумы в 1427 г. был привезен малолетний московский князь Василий II [60, с. 33]. В XVI–XVII вв. она так и называлась: «Гжельская» («Кжелская») дорога [3, с. 65; 39, с. 100, №209, 211, 212]. Во второй половине XVII в., в ходе экономического развития и увеличения торговли, «Гжельская» дорога была уже проложена, по-видимому, до Касимова и называлась также «Касимовской» [92, с. 136; 35].

Некогда дремучие леса, окружавшие селения, к началу XIX в. были сведены на больших площадях в ходе развития керамических производств в XVII–XVIII вв. (рис. 3).

Селения Гжели располагались на малопригодных для ведения сельского хозяйства землях. Песчаные и супесчаные почвы без внесения достаточного количества удобрений не давали хороших урожаев. Отсутствие заливных лугов для выпаса скота и заготовки сена, при обилии заболоченных площадей, не способствовало также и развитию животноводства.

В таких неблагоприятных природных условиях крестьянское хозяйство было способно лишь минимально обеспечить себя необходимыми продуктами и не могло иметь их излишков для продажи на рынке и приобретения некоторых средств производства (сошники, топоры, серпы и т.д.) и потребления (соль и др.), а также для уплаты податей. В то же время 75% крестьянских хозяйств Гжели являлись зажиточными, что, видимо, было связано с промысловыми занятиями. В 1734 г. на 580 дворов приходилось скота: коров — 729, лошадей — 766, овец и коз — 792. Без скота было 144 двора, или 24,8% [20, с. 222–223].

В «Экономических примечаниях» начала 1770-х гг. отмечалось, что в Гжельской волости «земля песчаная, хлеб средственный, покосы худшие», и из 14,4 тысяч десятин земли под усадьбами и пашней было занято только 6%, почти столько же было неиспользуемой неудобной земли, покосы занимали 26% [1, с. 520]. Невелики были и крестьянские земельные наделы, которые с ростом населения постепенно сокращались: на душу мужского пола в 1777 г. в поле приходилось около 1,5 десятин земли [21, с. 37].

В то же время, несмотря на небольшие земельные наделы, в 1870-х гг. почти в каждом крестьянском хозяйстве была корова, а в некоторых — две. В это время, по подсчетам А. Исаева, доход от обработки земли в одной гжельской крестьянской семье, имевшей 3 десятины, лошадь, 2 коровы, 4 овец и кур, покрывал не более 44% ее

годовых расходов. Остальные 56% члены семьи получали, занимаясь производством кирпича и др. [31, с. 163, 166–167].

В конце XIX в., в 1898–1900 гг., в Гжельской волости 47,5% семей не занимались земледелием. Из них 34% семей отсутствовали в своих селениях, а 13,5%, хотя и находились на местах, но бросили им заниматься, видимо, из-за недостатка времени. Не имели лошадей и коров 20,1% семей [45, с. 86–91]. Аналогичная ситуация была и в соседней Карповской волости. По оценке А. Исаева, это было связано с изменением бытового уклада гжельских крестьян под влиянием развития керамического производства.

Несмотря на слабое развитие земледелия, в Гжели даже в самые неурожайные годы никогда не было недостатка в продуктах. Уже в первой половине XIX в. хлеб, овес и крупа здесь были преимущественно привозными, цены на которые устанавливались в зависимости от урожая в месте закупки [48, с. 5].

В условиях крепостного права дворцовые крестьяне, в том числе и в Гжели, как и другие категории крестьян, имели двойное обложение: государственное и владельческое, взимаемое как в натуральной, так и в денежной форме. Государственные сборы с крестьян деньгами, «серебро», взимались уже в XV в., что свидетельствует об определенном товарообороте, которому способствовали политические и экономические изменения в годы правления Ивана III в процессе образования единого централизованного государства. В состав Московского государства постепенно вошли сопредельные удельные земли: дороги стали безопаснее, число застав и мытов, принадлежавших князьям и боярам, сократилось, установилась общая монетная система. Вместе с тем развивающийся государственный аппарат требовал все больших средств на свое содержание, которые взимались в виде налогов с населения, изменение которых шло в сторону увеличения.

Государственной формой обложения крестьян до 1551 г. являлись «дым», «дом», «рало» (или «плуг»), т.е. отдельное земледельческое хозяйство, замененное в период правления Ивана IV, в 1551 г., «сохой», по которой учитывались количество и качество земли, а также, очевидно, число дворов, рабочей силы, тяглоспособность населения и т.д., а в 1724 г. — подушной податью, которая составляла 74 коп. с души [20, с. 251], в 1794 г. — 1 руб., а в 1818 г. была установлена в 3 руб. 30 коп. [56, с. 40].

Вместо системы кормлений для содержания должностных лиц (наместников, волостелей и др.) в 1556 г. был введен дифференцированный денежный налог в государеву казну — «окуп», «откуп», который в дворцовых землях составлял 21 алтын и 2 деньги с сохи [15, с. 138].

Кроме обычных прямых податей и оброка широко практиковались целевые налоги: «ямские деньги», «стрелецкие и пищальные деньги» для создания регулярной армии, «полоняничные деньги» — для выкупа захваченных в плен. Много новых налогов и различных оброчных сборов появилось в правление Петра I с огромными затратами на войны с Турцией, Швецией, Персией, на создание мануфактур, городов, морского флота.

Помимо денежных сборов сохранялись и натуральные. В конце XVI в. в ходе войны для обеспечения армии хлебом правительство вводит в дворцовых волостях так называемую десятинную пашню — обязательная барщина, по 4 десятины земли на каждого крестьянина [24, с. 246].

В пользу дворцового ведомства гжельские крестьяне при мало-плодородных землях, по видимому, еще в конце XVI в. были переведены на натурально-денежный оброк, и вместо обработки десятинной пашни (барщины) поставляли «посопный хлеб» — рожь и овес. Так, в 1700 г. с 272 крестьянских дворов Гжельской волости дворцовая контора получила 62 руб. «денежных доходов» и 14 руб. «ямских и полоняничных денег», 153 четверти ржи и 268 четвертей овса (соответственно около 20 и 35 тонн), 22 барана, 22 сыра с полсыром, 1400 яиц, 235 гусей, четверть с осьминой орехов (144 кг), 45 копен и 45 возов сена [1, с. 519].

В середине XVIII в., в условиях нерентабельности дворцового хозяйства, дворцовые крестьяне полностью переводились на денежный оброк, средний годовой размер которого с души по Гжельской волости составлял 86,5 коп. и впоследствии постоянно повышался: в 1755 г. он составлял 1 руб. с души [20, с. 256], в конце XVIII в. — 3 руб., к 1810 г. увеличился до 5–8 руб., а в 1830 г. был заменен поземельным сбором [56, с. 39].

С дворцовых крестьян также собирались деньги с избы за дрова, с бань, с овинов, за выдачу паспортов для отхожих промыслов и торгов, за помол зерна на мельнице, за свадьбу [20, с. 253]. Также существовали денежные сборы на земские и мирские нужды и специальные местные сборы. Старообрядцы, которых в Гжельской волости было немало, должны были платить двойной оклад податей.

Кроме оброчных поставок и выплат крестьяне Гжельской волости возили дрова в Москву, доставляли и набивали лед в царские ледники и обслуживали в XVII–XIX вв. дворцовый конный завод, где занимались строительством, ремонтом и заготовкой кормов, при этом еще за их покупку платили 14 руб., за недовезенное по норме сено — по полтине за воз и за невыставленных косцов — по 6 руб. за каждого [29, с. 35].

В то же время, при всей тяжести натурального и денежного оброка, эти формы обложения давали крестьянству большую самостоятельность и заинтересованность в труде. К тому же в климатических условиях Московской губернии рабочий период в сельском хозяйстве был относительно короткий и составлял около 160 дней, что позволяло крестьянам, имея значительное количество свободного времени, заниматься различными промыслами и торговлей. Это и ряд других объективных факторов могли способствовать раннему возникновению в Гжельской волости торговой и кустарной деятельности крестьянства по добыче белой глины и мелкотоварному производству гончарной посуды. Во-первых, здесь близ селений находились легкодоступные залежи глин, пригодные для изготовления гончарной посуды; во-вторых, в отличие от города, в сельской местности, в окружении лесов, затраты на топливо для обжига посуды были значительно ниже, и, в третьих, играла свою роль близость к Москве, ставшей уже в XVI в.

не только политическим центром страны, но и центром ремесленного производства и торговли.

Расположенное на территории Гжели и ближайшее к Москве так называемое гжельско-кудиновское месторождение характеризуется близким залеганием к поверхности тугоплавких беложгущихся и красножгущихся глин. Белые глины состоят из двух основных типов: «мыловки» и «песчанки». «Мыловки» — пластичные глины светло-серого или бледно-зеленого цвета; огнеупорность от 1330 и до 1615 градусов. «Песчанки» — песчанистые глины, как плотные, так и рыхлые; светло-серого цвета с голубовато-синеватым, желтоватым или зеленоватым оттенками; огнеупорность песчанок выше, от 1475 до 1670 градусов.

Добыча белых глин гжельскими крестьянами была начата, по-видимому, уже в конце XV — начале XVI в. Эпизодически белая глина привозилась на продажу в Москву, где ее использовали в качестве ангоба при производстве широкого ассортимента ангобированной, чернолощеной и поливной керамики [72, с. 20, 31, 44, 48]. Белый ангоб улучшал качество столовой посуды, сделанной из красной глины, позволяя получить чисто белую поверхность, которая затем либо расписывалась, либо лощилась или покрывалась поливой. Ангобированная керамика бытовала в Москве со второй половины XV до середины XVI в. и в целом составляла небольшую часть от всей массы керамики. Факт использования белой глины только в качестве ангоба свидетельствует о ее незначительном количестве у московских гончаров и отсутствии ее залежей поблизости.

Во второй половине XVI—XVII вв. белая, видимо, гжельская, глина использовалась в Москве для побелки печей, о чем сообщают отдельные записи расходной книги Чудова монастыря 1585/86 гг.: «...дано алтын денег, купил он белые глины печи белить», «...дано каменщику Мите алтын денег на белую глину в архимариче келье печи белить» [91, с. 65, 95]. По-видимому, для этой же цели была куплена в 1606 г. в Москве представителями Соловецкого монастыря «глина коломенская» [10, с. 102].

Белая глина использовалась в московском быту для мытья полов, о чем сообщает знаток купеческого быта первой половины XIX в. Н. Скавронский (А.С. Ушаков), упоминая о «широких, чисто строганых и вымытых по старинному обычаю с белой глиной полах...» при описании своего посещения одного из купеческих домов в Рогожской части [77, с. 47]. Появление этого обычая следует относить, по-видимому, к более раннему времени — к XVII—XVIII вв.

Первые документальные сведения о добыче белых глин в Гжели и их государственной значимости как важного источника сырья в процессе становления промышленности России относятся к 1660-м гг. В 1656 г. при Аптекарском приказе было организовано производство посуды для царской аптеки. Мастером в 1662 г. был назначен «гончар Пашка Птицкой», который должен был делать «реторты и колвы и стопки и всякие аптекарские и алхимические суды». По указанию

Птицкого нужная глина находилась в Гжельской волости, куда он и был за нею командирован. В 1663 г. этой глины было доставлено пятнадцать возов и одновременно был отдан указ: «тае глины дела никуда не давать, а держать тае глину на аптекарские дела и впредь тае глину из Гжельской волости указал государь иметь и возить тое же волости крестьянам како та глина в аптекарский приказ надобна будет» [75, с. 12]. Запрет и указание, данное, по-видимому, волостной администрации использовать глину только на аптекарские дела, подтверждает вышесказанное предположение о широкой разработке гжельскими крестьянами белых глин как для изготовления гончарной посуды, так и на продажу.

В 1666 г. вновь было приказано крестьянам Гжельской волости привести «глины белые двадцать возов, которая глина пригодилась к аптекарским и к алхимическим делам» [75, с. 12]. Белоглиняная посуда — «горшки, стопки белые и муравленные большие, да средние, да меньшие» использовались в Аптекарском приказе для хранения и перевозки различных лекарств, а также при укомплектовании походных сундуков военных полковых лекарей наряду со стеклянной и металлической посудой [43, с. 403, № 448; с. 405, № 449].

Факт того, что добыча белой глины на продажу в Москве во второй половине XVII в. являлась одним из промыслов гжельских крестьян, находит подтверждение в записях таможенных книг Сольвычегодска и Устюга Великого 1676–1680 гг. Судя по ним, белая глина, или «глина коломенская» (от 1–2, а порой и 20 пудов), вместе с десятками и сотнями «ладок и кувшинов, и рукомойников глиняных, чернильниц муравленных, судов глиняных» и т.п., неоднократно покупалась в Москве и вывозилась в эти города [83, с. 47, 169, 308, 418, 485, 494–495].

Помимо Аптекарского приказа белая гжельская глина, по-видимому, «песчанка» — как более огнеупорная, использовалась во второй половине XVII — первой половине XVIII в. для изготовления варильных горшков («дойниц») и огнеупорного кирпича на Измайловском и Черноголовском стекольных заводах Алексея Михайловича [9, с. 137–138], на частном Духанинском стекольном заводе Койета в Дмитровском уезде [38, с. 119, 323, 325], на зеркальном заводе в Москве на Воробьевых горах [29, с. 107], на Невских кирпичных заводах в Санкт-Петербурге [11, с. 132], на стекольном заводе Мальцева в Трубчевском уезде, близ села Радутина [41, с. 195].

Из белых гжельских глин в Москве в 1724–1779 гг. производились курительные трубки и майоликовая посуда на «Ценинной и табачных трубок фабрике» А.К. Гребенщикова [74; 65; 66], который хорошо знал их сорта и места разработки и был привлечен к снабжению ими Императорского фарфорового завода [11, с. 142, 298; 22, с. 380, прим. № 41; 74, с. 13], на мануфактуре И. Сухарева, где к тому же старшим мастером был крестьянин Гжельской волости Ларион Панкратьев [41, с. 172; 74, с. 13], и, по-видимому, на мануфактуре А. Чапочкина.

Открытая в начале 1740-х гг. в Санкт-Петербурге «порцелинная мануфактура» (Императорский фарфоровый завод) производила

из белых гжельских глин фарфор, состав которого был разработан ученым-химиком мануфактуры Д.И. Виноградовым. В 1749 г. Д.И. Виноградов на основе своих исследований, сделанных в Гжельской волости, составил научное описание гжельских глин [22, с. 36–39, 71, 385, прим. № 207; 11, с. 199–208].

Одновременно с Д.И. Виноградовым в 1749–1750 гг. был получен фарфор из гжельской глины и М.В. Ломоносовым.

В то же время на базе этого месторождения глин в Гжели уже в XVI в. существовало мелкотоварное гончарное производство, время возникновения которого не нашло отражения в письменных документах. Первые сведения о его существовании относятся лишь к началу XVIII в.

Выделение в деревнях крестьян-ремесленников, в том числе и гончаров, происходило в XV в. по мере хозяйственного освоения территорий, роста численности и плотности населения и спроса на гончарную посуду. Так, по писцовым книгам в новгородских землях в Шелонской и Вотской пятинах в конце XV в. в деревнях насчитывалось 109 кузнецов, 27 швещов, 10 плотников, 8 сапожников, а также 8 гончаров: «Двор без пашни Труха горньчарь...», «А людей непахотныхъ, промышляють торгомъ и извозомъ... двор Мартылко Обакумовъ горньчарь» [50, с. 130, 162; 51, с. 301, 309]. Причем среди гончаров некоторые не имели собственной пашни, как и большинство деревенских кузнецов. Кузнец — основной ремесленник в деревне — изготавливал для крестьян основную массу хозяйственного инвентаря и имелся не в каждой деревне, а обслуживал несколько деревень (10–20) ближайшей округи. Аналогично, видимо, и гончар снабжал посудой определенный район. Оброк помещикам кузнецы выплачивали или деньгами, или своей продукцией — сошниками, лемехами, топорами, косами, сковородками. Хотя продукция гончаров не указывается в списках натурального оброка, но это вполне могло быть на практике; либо оброк был денежным, при отсутствии запашки.

Хотя по московским землям сведения о появлении ремесленников-гончаров в деревне отсутствуют, но, видимо, подобный процесс происходил и здесь. На это косвенно указывает гончарная посуда исследованных подмосковных селищ XIV–XV вв. Это преимущественно горшки хорошего качества, сделанные на ручном гончарном круге и, несмотря на то, что происходят из разных мест, они имеют сходство по пропорциям, профилировке и декору.

Появление таких гончаров определяет время перехода от домашней ремесленной формы изготовления посуды к мелкотоварному гончарному производству, ориентированному на рынок и предполагающему сбыт посуды не только в селениях своей волости, но и в соседних волостях.

С развитием мелкотоварного производства в сельской местности в больших селах — центрах крупных дворцовых, духовных или служилых вотчин стали появляться ярмарки, торги или торжки. Ярмарки бывали годовые или по храмовым праздникам. Чаще всего торг происходил один или два раза в неделю. На такие сельские торжки, где торговали,

«съезжаясь тутошние и сторонние люди», по-видимому, привозились не только продукты сельского хозяйства, но и ремесленные изделия.

В Московском княжестве сельские торжки возникают во второй половине XV в., что прослеживается по ряду документов о сборе таможенных пошлин в различных селах, где, видимо, велась торговля [94, с. 376–381; 17, с. 24–25].

Сельский торжок мог находиться в селе Гжель — центре волости — где, по-видимому, уже была церковь, близ которой обычно и велась торговля. Также гжельские крестьяне могли ездить и на торжки в близлежащих волостях. В документах отмечены два ближайших к Гжели торжка. Первый, известный во второй половине XVI в., был в селе Высоком, принадлежавшем московскому Чудову монастырю [91, с. 100]. Вторым, упоминаемым в 1624 г., но, видимо, существовавший и ранее, находился в селе Павловском Вохонской волости: «а на том торжку 30 лавок да 20 скамей, а в тех лавках торгуют той же Вохонской волости крестьяне» [23, с. 530].

Через эти торжки, по-видимому, распространялись и изделия первых гончаров-профессионалов Гжели. Время их появления в Гжели возможно установить при анализе и сопоставлении групп и типов керамики селищ в близлежащих к Гжели волостях, существовавших в XIV–XVI вв., т.е. до начала Смутного времени. Так, например, проведенный анализ средневекового комплекса керамики Боровского городища (4438 фрагментов), где с последней четверти XV в. и до начала XVII в. находились церковь с дворами причта и кладбище села Яганова, позволил установить время появления на нем гжельской белоглиняной керамики. В составе этого комплекса красноглиняные и красноощепные фрагменты второй половины XV — начала XVI в., относящиеся к начальному периоду существования здесь церкви, составляют незначительную часть — 16,4%. Преобладает гжельская белоглиняная керамика — 50,3%, основной формой которой является горшок.

Закономерно предположить, что группа белоглиняной керамики Боровского городища включает и фрагменты ранних горшков, относящиеся ко времени возникновения гончарного промысла в Гжели. Они сосуществовали вместе с красноглиняными сосудами второй половины XV — начала XVI в., а затем сменили их. К фрагментам ранних белоглиняных горшков, по-видимому, следует относить венчики с не характерными для последующего времени типами профилировки и декором. Подобные венчики во всех трех группах профилировки (вертикальных, отогнутых наружу и изогнутых с наклоном внутрь сосуда), выполненных с заворотом «чернового» края наружу в виде округлого или уплощенного валика, составляют 29,5%. Эти венчики помимо архаичной, не присущей московским горшкам этого времени профилировки и декора отличает и наличие крупных, размером от 1 до 2 мм, примесей дресвы или кварцита (рис. 4).

Подобные венчики белоглиняных горшков были найдены и при раскопках Никитского погоста XVI в. (Меткомелинское II-е селище) на реке

Дорке [61]. Помимо горшков в обиходе жителей этого селения использовалась и другая белоглиняная посуда, изготовленная гончарами Гжели в XVI в.: кувшины, корчаги, миски, сковороды, плошки, а также детские игрушки-свистульки (рис. 5).

Таким образом, время возникновения гончарного промысла в Гжели следует относить к последней четверти XV — началу XVI в.

В середине XVI в. гжельская гончарная посуда, по-видимому, уже поступала на рынок Москвы, где гончарное производство в это время уже имело мелкотоварный характер, судя по факту торговли посудой в трех горшечных рядах [85, с. 45]. О торговле в 1557–1558 гг. в Москве гончарной посудой и, видимо, привезенной крестьянами, сообщает английский купец и дипломат А. Дженкинсон: «А зимой бывает большой торг за стенами замка на замерзшей реке, там продают хлеб, глиняные горшки, кади, сани и т.п.» [6, с. 78]. Источники отмечают и отдельные крупные закупки посуды. Так, в 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил в Москве 50 горшков и 7 кувшинов глиняных [49, с. CLXXXI, CLXXXVI, CLXVI и др.].

Московские гончары поселились в Заяузье, по-видимому, еще в XIV в. [72, с. 13]. Один из них упоминается в духовной грамоте Андриана Ярлыка 1460 г. [5, с. 554]. Сама же гончарная слобода впервые упоминается в 1547 г. в связи с большим пожаром, который был в этом районе: «погоре гончары и кожевники вниз возле реку Москву» [3, с. 87]. И как упоминалось выше, московские гончары, судя по составу городской керамики, в XV — начале XVI в. занимались изготовлением посуды из красной глины [72, с. 12–19].

Появление белоглиняной посуды в Москве в конце XV в. отмечал Р.Л. Розенфельдт, основываясь на археологических материалах раскопок М.Г. Рабиновича в 1946–1947 гг. в Заяузье, где ранее находилась Яузская гончарная слобода [69, с. 5–43]. По мнению Р.Л. Розенфельдта, производством белоглиняной посуды в небольшом количестве занимались гончары этой слободы, где в раскопе 4, в ямах с браком преимущественно красноглиняных и краснолощеных сосудов, были найдены и обломки белоглиняной посуды. Он отмечал, что ранние однотипные белоглиняные горшки XV в. из этих ям отличаются от красноглиняных московских горшков по пропорциям, форме тулова и венчика и имеют большее сходство с сельскими горшками этого времени (рис. 1, 3) [72, с. 44]. Но М.Г. Рабинович, описывая в своих публикациях «грубую белую керамику», нигде не упоминал о находках белоглиняных горшков в ямах с браком в раскопе 4, указывая только на белоглиняные кувшины: «...других форм сосудов этого типа в браке не было» [70, с. 102].

Действительно, просмотр полученной при раскопках М.Г. Рабиновича в 1946–1947 гг. и хранящейся в археологическом отделе Музейного объединения «Музей Москвы» коллекции керамического материала

показал отсутствие белоглиняных горшков и их фрагментов⁴. В связи с этим утверждение Р.Л. Розенфельдта об изготовлении гончарами Яузской слободы белоглиняной посуды в конце XV в. не соответствует действительности.

Гжельская белоглиняная посуда, судя по археологическим данным, с середины XVI в. и в последующие XVII–XVIII вв. становится в московском быту основной [72, с. 44–47]. В ее ассортимент входят горшки с крышками, кувшины, корчаги, сковороды, изготовленные на ручном гончарном круге из грубой запесоченной глины, с пятнами и затеками бурого цвета («оваром») на поверхности большинства сосудов (рис. 5; 6, 1–4).

Под влиянием спроса рынка Москвы гжельские гончары переняли у московских гончаров в конце XVI — начале XVII в. технологию изготовления чернолощеной посуды, а во второй половине XVII в. — поливной. В чернолощеной технике ими в XVII–XVIII вв. изготавливались кувшины, кубышки, горшки, миски, лохани, цветочные горшки, в поливной — посуда, фляги, черепица (рис. 6, 5–15).

Гжельские гончары в XVI–XVIII вв. делали и детские игрушки: белоглиняные свистульки (рис. 5, 14), чернолощенные свирели и расписные погремушки (рис. 6, 10, 16, 17).

Помимо посуды и игрушек в Гжели в XVII–XVIII вв. были налажены производство и поставка в Москву строительной керамики: половых плиток, черепицы, кирпича. Так, в 1722 г. крестьяне д. Жирово Федор Белеев и Ананий Текин подрядились изготовить и поставить в Москву для постройки дома П. Соковнина 12 тыс. штук черепицы «с наугольники» за 15 руб. В 1731 г. в Москве на выкладку пола Летнего дворца императрицы Анны (Аннингофа) в Лефортово было использовано около 100 тыс. плиток, изготовленных в Гжели [20, с. 250]. Дворец сгорел в 1746 г., и при его восстановлении в 1753 г. Гжель вновь поставила для этого 94414 половых плиток [53, с. I–II, 1–8].

Москва оказывала определяющее влияние на развитие гончарного производства в Гжели в XVII в., являясь крупнейшим в России торгово-промышленным центром. Город с населением в начале XVIII в. около 100 тыс. человек [32, с. 161] в то же время был и значительным потребляющим рынком, стягивающим, особенно во второй половине XVII в., товарные ресурсы очень большого региона. Горожане в XVII в. покупали все необходимое в торговых рядах, которых насчитывалось, по меньшей мере, 159 наименований, где можно было приобрести, например, полотно ивановское, мыло костромское и нижегородское, сковородки, кумганы, скобы и кувшины «колмогорского дела», кади липовые казанские, пеньку брянскую, вяземскую, стародубскую, дорогобужскую, доски тульского железа, клей сибирский, белила кашинские и т.п. [85, с. 44, 54].

4 Следует отметить, что материалы раскопок 1946–1947 гг. в Заязье опубликованы М.Г. Рабиновичем обзорно, недостаточно иллюстративно и требуют переиздания.

Среди товаров московского рынка отмечаются и «горшки коломенские», многочисленные записи о купле-продаже которых встречаются в таможенных и приехо-расхонных книгах приказов и царских палат [85, с. 61]. Под термином «горшки коломенские» следует понимать изделия гжельского производства. То, что они фигурируют в книгах как «коломенские», а не «гжельские», не случайно. Это связано с тем, что все товары записывались обычно с указанием их места изготовления и, как правило, уездного или областного центра, а не волости. Территории же некоторых уездов в этот период не имели определенных границ. Порой отдельные селения и даже волости причислялись то к одному, то к другому уезду. Территория будущей Гжельской волости до присоединения в 1301 г. к Московскому княжеству относилась к коломенским землям Рязанского княжества. И, по традиции, в духовных грамотах московских великих князей и царей XIV–XVI вв. так и указывалась в числе коломенских волостей. В конце XVII в. Гжель находилась в Коломенском уезде, что находит отражение в документах: «Явил Коломенского уезду деревни Турыгина Василей Сидоров 3 кипы хмелю...» [35, с. 88]. К Коломенскому уезду она продолжала относиться и в начале XIX в. [85, с. 39].

Количественный ввоз в Москву гжельских гончарных изделий по таможенным книгам или другим документам установить невозможно, так как записи о взимании пошлины обычно подлежали ввозимые для продажи партии товаров на сумму более 1 рубля. Но о значительном их производстве в Гжели во второй половине XVII в. свидетельствует факт появления на московском рынке скупщика гончарной посуды. Так, приказ Золотого и серебряного дела трижды покупал у горшечника (видимо, торговца) Данилы Константинова, тяглеца Ордынской сотни, разные горшки в больших количествах: 17 октября 1676 г. — 550 штук, 1 марта 1677 г. — 700 штук и 1 апреля — 650 штук [85, с. 30]. Такое количество посуды вряд ли могло быть изготовлено в короткий срок ремесленниками Яузской гончарной слободы, которые, судя по документам, во второй половине XVII в. перешли на более прибыльное производство изразцов и кладку печей [89, с. 12–51].

Начиная с первой половины XVII в. в процессе роста города Заяузье, где помимо Гончарной находились Котельная, Кузнецкая и Таганная слободы, уже утрачивает свой специфический характер ремесленного района, заселяясь, судя по переписной книге 1638 г., служилыми людьми. В середине и второй половине XVII в. этот процесс усилился: здесь стали селиться дворяне и даже бояре [71, с. 182–183]. Так же территориально сокращалась и Яузская гончарная слобода, уменьшалось и число живущих в ней гончаров из-за пожароопасности их производства. Так, если в 1632–1638 гг. в Гончарной слободе было 57 дворов, а в 1679 г. — 89, то в начале XVIII в. число дворов в Гончарной слободе, где жили «ценных дел мастера», сократилось до 7 [58, с. 131–156]. В 1722–1726 гг. из 6885 цеховых ремесленников Москвы гончаров было 34 человека: посадских — 15, разночинцев — 10, крестьян — 9 [44, с. 54–57; 58, с. 131, 135, 149, 156].

Сокращение производства гончарной посуды в Москве во второй половине XVII в. и росте его в Гжельской волости подтверждается и вышеприведенными данными о «горшках коломенских».

Впервые о широко развитом гончарном производстве в Гжели как об уже существующем, по меньшей мере с конца XVII в., где «многие горшечники делают белые красные горшки», а некоторые имеют и собственные лавки в Москве, свидетельствует факт возложения в 1710 г. на десять крестьянских дворов гончаров — «муравленников» «разных деревень этой волости» — повинности «изготавливать муравчатые посуды на Аптекарский приказ своими средствами...». Первоначальный заказ глиняной посуды на 1710 г. определялся в 80000 стопок «разных статей». Уже к июню 1711 г. их было доставлено в Аптекарский приказ 25245 штук. Более всего гжельские гончары производили «стопки» емкостью от 1 пуда до 1 золотника, «стопки с крышками, реторты большие, горшки ведерные и полуведерные муравленные внутри, корчаги гжельские, горшки коломенские простые белые, кувшины ведерные и полуведерные»; посуда изготавливалась в некоторых случаях по образцам из Аптекарского приказа [52, с. 213–214]. В связи с этим в 1710 г. по указу Петра I Гжельская волость, а также село Измайлово с садами, Черноголовская и Куньевская волости были приписаны к Аптекарскому приказу «для дела алхимической посуды и других работ». В 1713 г. это дело пересматривалось, так как Аптекарский приказ просил оставить за ним только одну деревню Речицы, где было, по-видимому, достаточное количество гончаров. Сенат, однако, не удовлетворил эту просьбу и не стал выделять Речицы из дворцовой Гжельской волости, указав все доходы с этих волостей без задержки присылать деньгами в Аптекарский приказ [26, с. 1387, 1388].

О производстве в Гжели технологически более сложной поливной или «муравленой» посуды свидетельствует не только выше приведенный документ 1710 г., но и «скаска» Мануфактур-коллегии 1743 г. Согласно этому документу там изготавливалась «глиняная посуда разных сортов: тарелки цветные, чайники, чайные чашки с блюдцами, укусники, полоскательные чашки». Торговал ею в Яблочном ряду гжельский же крестьянин Калина Яковлев [75, с. 12–13].

Некоторые крестьяне и гончары Гжели в XVIII в. уходили на заработки и открывали свое производство в Москве и близ нее, чему способствовал перевод дворцовых волостей преимущественно на денежный оброк. По данным 1-й ревизии 1725 г., в Алексеевской слободе, где находился керамический завод А.К. Гребенщикова, жило 6 крестьян дворцовой Гжельской волости из села Гжель, деревень Речицы, Жирово, Фенино. В соседней Таганской слободе, по данным 2-й ревизии 1747 г., жили 2 гжельских крестьянина из деревни Григорово [75, с. 15–16]. Здесь же, в Заяузье, в середине XVIII в. кроме завода А.К. Гребенщикова находилось еще 8 заводов, производивших изразцы и гончарную посуду, где, по-видимому, могли работать эти гжельские крестьяне [8, с. 65–67]. Изготовлением поливной «глиняной посуды разных сортов» по «скаске»

1743 г. занимался Яков Барсуков, живший близ Донского монастыря, а по данным 1780 г. в Москве и в подмосковном селе Покровском — 18 гончаров, вышедших из Гжельской волости «с давних времен» и числившихся в Москве еще по ревизии 1763 г. [75, с. 13].

Во второй половине XVIII в. Гжель становится промысловым районом. Об этом позволяют судить сведения «Экономических примечаний 1773 г.» о Гжельской и Карповской волостях, где фиксируется, что крестьяне на оброке и «промысел имеют», занимаясь изготовлением «разных сортов посуды», а также горшков, кувшинов, корчаг, белого кирпича и плит, «которые отпускаются в разные города сухим и водяным путем» [44, с. 340–341]. Это также отмечал в 1780-х гг. и исследователь Московской губернии Х.А. Чеботарев: «...в Гжельской волости и в других некоторых помещичьих деревнях почти все упражняются в делании муравленой и глиняной посуды, горшков, кукол, которые и вывозят на продажу в Москву и другие губернии» [93, с. 179–180].

Характер гончарного производства и количество в Гжели крестьян-гончаров представляют статистические данные (не всегда полные), появляющиеся в источниках с середины XIX в.

В середине 1850-х гг. в Гжели действовало 118 гончарных мастерских, где работало 1240 (61,6%) из 2014 человек, занятых в керамическом производстве (таблица 2), и 400 отходников из других волостей [33, с. 314]. Это составляло 26% от общего числа трудоспособного (50% мужчин от 18 до 60 лет и женщин от 16 до 55 лет) населения Гжельской волости, составлявшего в 1859 г. 9413 человек [80, с. 47–49].

Таблица 2 Количество керамических производств и рабочих в Гжели в середине XIX — начале XX в. [33, с. 314; 84, с. 168–169, 183; 31, с. 190–200; 54]

Время	Середина 1850-х гг.		Начало 1870-х гг.		1917 г.	
Вид производства	Кол-во заводов	Кол-во рабочих	Кол-во заводов	Кол-во рабочих	Кол-во заводов	Кол-во рабочих
Гончарное	118 (76,1%)	1240 (61,6%)	111 (62,4%)	374 (14,3%)	74 (71,1%)	—
Фарфоро-фаянсовое	24 (15,5%)	670 (33,3%)	30 (16,8%)	1936 (73,8%)	14 (13,5%)	—
Живописное	13 (8,4%)	104 (5,1%)	37 (20,8%)	313 (11,9%)	16 (15,4)	—
Всего	155 (100%)	2014 (100%)	178 (100%)	2623 (100%)	104 (100%)	—

В начале 1860-х гг. число гончарных мастерских сократилось на 40%, что, по-видимому, было связано с последствиями реформ этого

времени и составляло 69 мастерских. Из них 43 занимались изготовлением посуды, а 26 — огнеупорных кирпичей, дымовых труб, тиглей и т.п. [34, с. 51].

Но к началу 1870-х гг. количество мастерских снова возросло до 111, где работало 374 (14,3%) из 2623 человек, занятых в керамическом производстве (таблица 2). Наибольшее число гончарных мастерских находилось в деревнях Трошково и Меткомелино. Гончары деревни Трошково (30 мастерских с 88 рабочими) специализировались на производстве цветочных горшков для оранжерей. В деревне Меткомелино (16 мастерских с 55 рабочими) занимались в основном изготовлением печных труб. В 61 мастерской работали только члены семьи, а в 50 — использовались и наемные рабочие, от 1–2 до 3–5 человек. Всего в гончарном производстве насчитывалось 100 наемных рабочих.

К концу XIX в. число гончарных мастерских в Гжели снизилось, и в 1898–1899 гг. их было 85 с 334 рабочими [46, с. 276]. Как и в начале 1870-х гг., центрами гончарного производства Гжели являлись деревня Трошково (22 мастерских) и деревня Меткомелино (21 мастерская). И также большая их часть — 66 мастерских занимались изготовлением различных горшков и посуды, а 19 мастерских производили печные трубы. В 35 мастерских работали только члены семьи, а в 43 использовались и наемные рабочие, в среднем от 2 до 5 человек. Всего в гончарном производстве насчитывалось 142 наемных рабочих, из них 70 человек были отходники из соседних волостей.

Во второй половине XIX в. мастерские как производства, основанные на личном труде владельца, членов его семьи и 1–2 (?) наемных рабочих, без применения систематического разделения труда, считались кустарными, а их владельцы — кустарниками. Под этим понятием подразумевался мелкий фабричный промышленник, работающий дома и производивший плохой и дешевый товар, с виду похожий на фабричный [25, с. 226]. Среди них различались мелкие мастерские (с 1–2 наемными рабочими) и крупные (с 5–10? наемными рабочими), применявшие разделение труда на отдельные операции, близкие к мануфактуре.

В Гжели «кустарником» называли только владельца живописной мастерской с несколькими рабочими, который получал от заводчика посуду для росписи и был от него зависим. Значение слова напрямую связывалось с кустарником (живописными мастерскими) среди столбового леса (фарфоровыми заводами) [31, с. 138].

В XIX — начале XX в. крестьяне-гончары, или «горшечники», Гжели занимались производством традиционных форм (горшки, кувшины, корчаги) белоглиняной, чернолощеной, «мореной» (без лощения, обжигалась как чернолощеная и имела серо-черный, не блестящий цвет поверхности) и поливной. Горшки, политые изнутри, в Гжели назывались «одноличными», и их изготовлением, в частности, в 1820-х гг., занимался гончар села Речицы Леонтий Киселев вместе с сыновьями [48, с. 12].

Во второй половине — конце XIX в. в ассортименте изделий гжельских гончаров появляются новые виды: кринки, лотки, блюда, формы

для выпечки, бочонки, сосуды-банки, миски, тазы, цветочные горшки, «цветники» (фигурные детали ограды клумбы) (рис. 7, 1–13). Почти все они изнутри и, нередко не полностью, снаружи покрывались поливой как прозрачной, так и зеленого, желтого и коричневого цветовых оттенков. По-видимому, с середины XIX в. в гончарном посудном производстве Гжели начинает использоваться более дешевая красная глина, изделия из которой покрывались прозрачной глазурью.

Активное развитие химической промышленности в России обусловило появление в конце XIX — начале XX в. в деревне Фенино гончарного завода И.Н.Качинкина, производившего кислотоупорную посуду для химических заводов — банки с крышками объемом от 1/4 до 30 ведер, баллоны, котлы, трубы, колена, отводы, воронки, колпаки, кружки, ковши, плошки и т.п., а также бытовую посуду — банки, тазы, горшки, кринки разных размеров. В 1910-х гг. завод состоял из трех одноэтажных деревянных построек, крытых железом и оборудованных пятью обжигательными печами и глиномялкой [88].

Своей продукцией гжельские крестьяне-гончары чаще всего самостоятельно торговали на сельских ярмарках и базарах в ближайших уездах, а также в Москве. Поблизости — в Богородском уезде большие ярмарки были каждое воскресенье в селе Игнатьево и в Гуслицах у церкви Святого Ильи Пророка. В Москве торговля гончарной посудой велась с возов на Сухаревской площади [31, с. 143], а также в Охотном ряду, на Смоленском и Немецком рынках [40, с. 14].

Помимо самих гончаров торговало их изделиями и небольшое число скупщиков-посредников, в основном из села Гжель. Печными и другими трубами торговало 14 человек из деревни Меткомелино [46, с. 550–553].

Доходы занятого в гончарном производстве части населения Гжели во второй половине XIX в. были невелики. Средняя годовая заработная плата рабочего гончара составляла 150 руб., годовой же доход владельца гончарной мастерской с четырьмя рабочими — 232 руб. [31, с. 143, 152]. Это соответствовало минимальному и среднему годовому заработку фабрично-заводского рабочего в конце 1870-х гг., который колебался между 148 и 330 рублями [12, с. 41–42, 47–48, 50, 407–410].

К концу XIX в. спрос в городах на гончарную посуду постепенно стал снижаться, из обихода ее вытесняли стеклянные и металлические эмалированные изделия [40, с. 14].

В 1917 г. в 12 из 17 селений Гжели действовало 104 керамических производства, большую часть которых — 74 составляли гончарные мастерские. Из них 63 были «горшечными» и 11 — изготавливавших игрушки. Как и ранее, наибольшее число кустарных гончарных мастерских находилось в деревне Трошково (20 заводов), занимавшихся изготовлением посуды и цветочных горшков для оранжерей Москвы, и в деревне Меткомелино (17 заводов), делавших печные трубы [54].

После Великой Октябрьской революции 1917 г. в Гжели продолжали действовать гончарные мастерские. Советское правительство

декларировало им поддержку государства. В марте 1919 г. в программе, принятой на VIII съезде РКП (б), говорилось о широком использовании мелкой кустарной промышленности как наиболее гибкой формы производства в создавшихся трудных экономических условиях. Намечалось поддержать кустарей государственными заказами, включить мелкую и кустарную промышленность в общий план снабжения сырьем и топливом, оказать финансовую поддержку кустарям, объединяющимся в артели, производственные кооперативы и более крупные промышленные единицы [37, с. 84].

В апреле 1919 г. В.И. Лениным был подписан декрет «О мерах содействия кустарной промышленности», который разрешал торговлю кустарными изделиями, обеспечивал неприкосновенность кустарных производств [79, с. 140], что способствовало развитию мелкотоварного производства в стране. Через год, в августе 1920 г., состоялся 1-й Всероссийский съезд по глиняной промышленности, решением которого было создано Главное управление кустарной и мелкой промышленности (Главкустпром).

В декабре 1920 г. в 9 селениях Гжели существовало 32 частных производства, где работало 174 человека [81]. Это были небольшие производства с количеством рабочих от 2 до 10 человек, изготавливавшие из местной глины игрушки, гончарную, аптечную посуду, электротехнический фарфор и т.п.

Принятая в 1921 г. новая экономическая политика, разрешавшая торговлю и частное предпринимательство (допускалось временно открывать мелкие частные предприятия с наемными рабочими), а также проводимая финансовая реформа вызвали рост числа производств в Гжели. На 1 июля 1925 г. их уже насчитывалось 167 с 429 рабочими: 108 производств с 326 рабочими занимались изготовлением из местных глин посуды и игрушек, 59 производств со 103 рабочими (в основном в деревне Меткомелино — 57 производств с 95 рабочими) — производили кирпич [13, с. 56]. Также на этих производствах изготавливали: водопроводные трубы, печные трубы и изразцы, аптекарскую посуду, кислотоупорные баки, плавильные тигли и пр. [90, с. 14].

К 1929 г. число кустарных мелкотоварных производств в Гжели возросло до 373: игрушечных — 171, горшечных — 105, кирпичных — 55, фарфоровых — 33, живописных — 9. Среднее число рабочих составляло около 2000 человек, то есть почти вся мужская трудоспособная часть населения Гжельской волости [90, с. 11; 13, с. 36].

Самой многочисленной группой кустарей были игрушечники. Ассортимент их изделий составляли лошадки, овечки, птицы, вазы, копилки, пепельницы, скульптуры и т.п., расписанные после обжига масляными красками (рис. 7, 14–26).

В среднем в одном кустарном хозяйстве число работающих составляло 3 человека, но зачастую работали все члены семьи, включая и детей: младшие сыновья — подмастерья, девочки раскрашивали готовые игрушки. Большинство кустарей имело более двух наемных рабочих.

Но использование наемного труда предусматривало увеличение налогообложения, и, чтобы избежать этого и платить только сельхозналог, кустари старались скрыть размеры своего производства и сам факт использования наемного труда. Для этого они нередко распределяли работу среди рабочих-надомников, например, среди подростков из соседних деревень, труд которых имел невысокую оплату. Помимо этого кустари скрывали свои доходы, определяя продукцию после обжига горна как брак.

В условиях стихийности кустарного производства и сбыта, недостатка опыта и знаний и низкой рентабельности необходимо было объединение отдельных производителей в артель. Но к артельной форме производства кустари относились недоверчиво и противоречиво. Тем не менее первая артель в Гжели — артель «Игрушка», где работало 7 человек, появилась, видимо, в 1920 г. в деревне Ново-Харитоново [81]; в 1923 г. в деревне Трошково работало 6 артелей с 27 рабочими [81], а в 1926 г. была создана артель «Гжельский труженик», производившая огнеупорный кирпич в деревнях Речицы, Минино, Игнатьево и технический фарфор в деревнях Бахтеево и Антоново [57, с. 92].

Добычей сырья — глины для работы кустарей занимались в Гжели крестьянские артели из деревень, расположенных рядом с залежами хороших глин. В 1921 г. работало 24 артели со 120 рабочими. Глины добывались близ деревни Минино (белая глина «мыловка» — лучшая и наиболее используемая), у деревни Меткомелино (белая глина «песчанка»), у деревень Коняшино и Жирово (красная глина) [81].

В 1920-е гг. как на государственных, так и на частных заводах была нехватка квалифицированных кадров, что отразилось на упрощении ассортимента производимых изделий и их низком качестве. Утрата технологических навыков в формовке, обжиге и росписи изделий отмечалась гжельскими мастерами в конце 1920-х гг.: «Если в скором времени никто Гжелю не окажет помощи, то помяните мое слово, и горшки-то у нас точать разучатся и их будут привозить из других мест» [90, с. 16]. Этот процесс начался еще в конце XIX в., в связи с чем с целью подготовки квалифицированных специалистов для производств Гжели еще в 1899 г. был открыт филиал Строгановского Императорского училища технического рисования в селе Речицы. Поначалу, до 1909 г., это был рисовальный класс, а с 1910 г. — художественно-ремесленная мастерская [30, с. 29–70]. В 1921 г. она была переведена в деревню Ново-Харитоново и преобразована в Гжельскую керамическую школу при Московском отделе народного образования для обучения наиболее одаренных детей-сирот профессии скульптора, литейщика, художника по керамике⁵. Но ввиду долгого отсутствия своего постоянного помещения и мастерских, а также достаточного финансирования школа

5 В 1927–1928 гг. она называлась школой кустарного ученичества при МОНО. В 1931 г. на базе школы был создан Гжельский керамический техникум [68, с. 25].

не оказывала в 1920-е гг. какого-либо влияния на керамическое производство Гжели [90, с. 17].

В феврале 1928 г. после проведения Гжельской волостной конференции бедноты началась массовая «ликвидация кулачества как класса» и создание колхозов, что означало свертывание нэпа. В Гжели, как и по всей стране, ликвидировалось частное предпринимательство, а владельцы частных заводов, имевшие наемных рабочих, были объявлены собственниками и эксплуататорами. Их производства экспроприировались с организацией на некоторых из них артелей или госпредприятий: артель «Вперед, керамика» (объединившая в октябре 1929 г. артели «Красная головка», «Юный керамист» и «Красный фарфорист»), артель «Гжельский гончар», артель им. К. Ворошилова, артель им. Октября, артель «Путь Ленина», артель им. Кирова, [57, с. 92; 68, с. 18]. Артели включали мастерские в соседних деревнях и производили, как и ранее, тот же ассортимент изделий.

Судьба многих гжельских частных предпринимателей трагична: они были арестованы и высланы вместе с семьями на стройки 1-й пятилетки. Единицы из них позднее вернулись назад, а среди населения Гжели занятие керамическим производством стало считаться «проклятым делом», «куда угодно, только не в керамику». Не случайно из сел и деревень Гжели среди 141 учащегося Гжельского керамического техникума в 1933 г. было всего несколько человек [73, л. 3]. В итоге уже в сентябре 1930 г. художником Б.Н. Ланге отмечалось, что «к данному моменту в Гжели затруднительно обнаружить даже одного-двух кустарей, вырабатывающих изделия из глины» [55].

Таким образом, исходя из анализа вышеизложенного материала, возникновение мелкотоварного гончарного производства в селениях Гжельской волости произошло в последней четверти XV — начале XVI в. в условиях малопродуктивных земель и недостатка денежных средств для уплаты податей под влиянием политических и экономических изменений в годы правления Ивана III, способствовавших развитию торговли и ремесла. Определяющими факторами этого стало как наличие близ селений легкодоступных залежей глин, пригодных для изготовления гончарной посуды, и достаточное количество топлива для ее обжига, так и близость к Москве, являвшейся в XVI в. не только политическим центром страны, но и центром ремесленного производства и торговли.

В процессе развития гончарного промысла в Гжели в XVI–XIX вв. крестьянами-ремесленниками было освоено производство не только простых белоглиняных и белоглиняных расписных изделий, но и технологически более сложных чернолощеных и поливных. Ассортимент этих изделий включал помимо традиционных и новые виды непрерывно расширяясь в связи с потребностями рынка. Гжельские гончары изготавливали разнообразную посуду, детские игрушки, строительную керамику и садово-парковые изделия.

Со второй половины XVIII в. Гжель становится промысловым районом со значительным (более 100) количеством гончарных производств

и занятого в них трудоспособного населения (26%) в дореформенный период.

На протяжении рассматриваемого периода в Гжели складывалась традиционная производственная культура, носителями которой являлись мастера, шло формирование и традиционной, из поколения в поколение, системы передачи интеллектуальных навыков и производственного опыта, что в последствии способствовало появлению здесь более сложных производств — майоликового и фарфоро-фаянсового.

Гончарное производство как основа экономической жизни района сохранялось в Гжели до конца 20-х гг. XX в. Его многовековое развитие, и без того существенно деформированное событиями первой четверти XX в., связанными с Первой мировой войной, революцией 1917 г., Гражданской войной, было окончательно прервано с очередной сменой курса экономической политики страны в 1928–1929 гг. В результате в ходе фактически полного огосударствления керамических производств в Гжели произошло разрушение всех исторически сложившихся форм производства, а также локальной социально-экономической среды, концентрировавшей традиционные ремесленные навыки, местный технический и художественный опыт.

Список использованных источников и литературы

1. Аверьянова М.Г. Край Раменский. М., 1995.
2. Августиник А.И. Керамика. Л., 1975.
3. Акты Археографической экспедиции. Т. I. СПб., 1836.
4. Акты времени междоусобия (1610–1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябинина. М., 1915.
5. Акты, относящиеся до юридического быта. Т. I. СПб., 1890.
6. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.
7. Арциховский А.В. Находки кувшинов XVI в. в колодцах на Моховой // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М., 1935.
8. Бадурова А.Л., Дулькина Т.И. Заводы гончарные и изразцовые XVIII–XIX вв. // Из истории русской керамики и стекла XIII–XIX вв. Труды ГИМ. Вып. 62. М., 1986.
9. Бакланова Н.А. Стекланные заводы в Московском государстве XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. Тр. ГИМ. Вып. 4. М., 1928.
10. Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // Научные труды. Т. 1. М., 1952.
11. Безбородов М.А. Д.И. Виноградов, создатель русского фарфора. М.-Л., 1950.
12. Богданов М. Промышленные и торговые заведения Москвы за 1879 г. // Труды Московского городского статистического отдела. Вып. 4. М. 1882.
13. Бронницкий уезд. Экономический сборник. М., 1928.
14. Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках селища у села Гжель Раменского района Московской области в 1986 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 11563, 11563 А.
15. Векслер А.Г. Отчет об археологических раскопках Гжельского селища в Раменском районе Московской области в 1988 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 14409, 14410.
16. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915.

17. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М.-Л., 1936.
18. Веселовский С.Б. Подмосковье в древности // Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV-XIX вв. М., 1955.
19. Воеводский М.В. Глиняная посуда Москвы XVI-XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // ИГАИМК. Вып. 132. М., 1936.
20. Волков С.И. Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII века // Исторические записки. № 53. М., 1955.
21. Волков С.И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII века. М., 1959.
22. Вольф Н.В. Императорский фарфоровый завод. 1744-1904. СПб., 1906.
23. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906.
24. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979.
26. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. Кн. II. СПб., 1887.
27. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
28. Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.
29. Зезюлинский Н.Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 1. СПб., 1889.
30. Илькевич Б.В., Никонов В.В. Художественно-промышленное образование в Гжели: дореволюционный период. М., 2012.
31. Исаев А. Промыслы Московской губернии. Т. 2. М., 1876.
32. История Москвы. Т. 3. М., 1954.
33. История уделов за столетие их существования. 1797-1897. Т. 2. СПб., 1901.
34. Капитан Антипов. Месторождения гжельской глины и промышленность гжельского приказа Московского удельного имения // Горный журнал. № 1. Т. 1. СПб., 1862.
35. «Книга записная мелочных товаров Московской Большой таможни» за 1694 г. Труды ГИМ. Вып. 30. М., 1956.
36. Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1.
37. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983.
38. Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
39. Кусов В.С. Чертежи Земли Русской XVI-XVII вв. М., 1993.
40. Кустарные промыслы Богородского уезда Московской губернии // Статистический ежегодник Московской губернии за 1890 год. М., 1890.
41. Лихачева Д.М. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России // Тр. НИИХП. Вып. 6. М., 1972.
42. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1946.
43. Материалы для истории медицины в России. Т. 2. СПб., 1882.
44. Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II. М.-Л., 1950.
45. Московская губерния по местному обследованию 1898-1900 гг. Сост. П.А. Вихляев. Т. I. Вып. 1. М., 1908.
46. Московская губерния по местному обследованию 1898-1900 гг. Сост. П.А. Вихляев. Т. IV. Вып. 2. М., 1908.
47. Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
48. Нентцель А. Очерки Гжели // Сборник материалов для истории Москвы и Московской губернии. М., 1864.
49. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство в 1397-1625 гг. Т. 1. СПб., 1994.
50. Новгородские писцовые книги. Т. 4. СПб., 1859-1910.
51. Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб., 1859-1910.
52. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
53. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 2. СПб., 1872. Приложение: «О постройке в Москве сгоревшего в 1753 году Головинского дворца».
54. Опись фабрик и заводов Гжельской волости за 1917 г. // Центральный государственный исторический

- архив Московской области. Ф. 184. Оп. 9. Д. 351.
55. Отчет о поездке в Гжельскую керамическую школу и артель «Вперед, керамика» сотрудника художественно-промышленного отдела ЦНОПС художника Б.Н. Ланге от 20 сентября 1930 г. // Архив Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Ф. 643. Оп. 1. Д. 12. Л. 71.
56. Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959.
57. Перегудов А.В. Гжель // Народный учитель. 1931. № 2.
58. Переписи московских дворов XVIII столетия. Перепись московских дворов 1716 г. М. 1896.
59. Писцовая книга Московского уезда 1646 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9809. Л. 72–73.
60. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980.
61. Полюлях А.А. Отчеты об археологических раскопках Меткомелинского II–го селища в Раменском районе Московской области в 1989–1998 гг. Архив ИА РАН, Р-1. № 14691, 15805, 16993, 17337, 17909, 19991, 19992.
62. Полюлях А.А. К вопросу о производстве в Гжели белоглиняной керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИГМ. Вып. 10. М., 2000.
63. Полюлях А.А. Гончарный горн у с. Бахтеево в Раменском районе Московской области // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 2. ИА РАН. М., 2005. С. 246–254.
64. Полюлях А.А. Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI вв. городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. ИА РАН. М., 2012.
65. Полюлях А.А. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А.К. Гребенщикова в Москве // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 9. ИА РАН. М., 2013.
66. Полюлях А.А. Тарелки завода Гребенщиковых сервиса князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. ИА РАН. М., 2014. С. 460–481.
67. Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
68. Промысловая кооперация. 1937. № 8.
69. Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве в устье Яузы // Материалы и исследования по археологии. № 12. Т. II. М.–Л., 1949.
70. Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии. № 12. Т. II. М.–Л., 1949.
71. Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964.
72. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968.
73. Савич А.П. Гжельский керамический район. Доклад обследования с 12 по 24 февраля 1933 г. // Государственный архив РФ. Ф. А-643. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
74. Салтыков А.Б. Первый русский керамический завод. М., 1952.
75. Салтыков А.Б. Майолика Гжели. М., 1956.
76. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
77. Скавронский Н. (А.С. Ушаков). Очерки Москвы. М., 1993.
78. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813.
79. Собрание Узаконений. 1919. № 14 // Известия ВЦИК. 1919. 26 апреля.
80. Списки населенных мест Российской империи. Московская губ. СПб., 1862.
81. Список гончарных производств, находящихся в Гжельской волости. 1923 г. // Бронницкий городской государственный архив. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7.
82. Список заведений гончарно-глиняных изделий, находящихся в Гжельской волости Бронницкого уезда. Составлено на 18 декабря 1920 г. // Государственный архив Октябрьской революции. Ф. 1034. Оп. 1. Связка 17.
83. Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 3. М.–Л., 1951.
84. Тарасов С. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856.

85. Тверская Д.И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.
86. Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
87. Федченко Г.П. Гончарное производство // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 1. СПб., 1862.
88. Фенинский керамический завод // Бронницкий государственный городской архив. Ф. 144. Оп. 1. Св. 1. Д. 6. Л. 6, 9, 21; Д. 8. Л. 1.
89. Фролов М.В. Мастера-изразечники Москвы XVII — начала XVIII вв. Словарь. М., 1991.
90. Фудель С. Гжельский керамический район. Впечатления и выводы. // Московский краевед. Вып. 1(9). 1929.
91. Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 гг. М., 1996.
92. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII вв. Вып. 6. М., 1888.
93. Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.
94. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
95. Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV—XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
96. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. 1804.

Гарнизон Москвы в Смутное время: постановка проблемы

Резюме

Статья посвящена историографии и источниковедению одной из военно-исторических проблем Смутного времени в Московском государстве — состава и численности московского гарнизона на разных этапах гражданской войны и иностранной интервенции 1604–1618 гг. До настоящего времени задача выяснить, из кого состоял, сколько ратных людей насчитывал гарнизон столицы и как эта картина менялась с развитием событий, даже не была поставлена в историографии. Это явным образом затрудняет изучение ряда ключевых моментов Смуты. Автор обрисовал круг основных источников по персональному и численному составу ратных людей Москвы, а затем перечислил основные узлы проблем истории Смутного времени, для исследования которых вопрос о московском гарнизоне крайне необходим.

Ключевые слова

История Москвы, Смутное время, военная история, Государев двор, московские стрельцы.

Характерной чертой историографии Смуты в Русском государстве начала XVII в., в особенности в настоящее время, является углубленное изучение отдельных военно-исторических сюжетов. В полной мере это относится к исследованию организации, состава, командования отдельных воинских частей и соединений и их боевого пути. Так, в сферу внимания историков попали гарнизон Смоленска [6; 10; 11] и смоленский «служилый город» — основа Второго ополчения [9, с. 66–93; 27, с. 356–358], «низовая рать» Ф.И. Шереметева [1] и гарнизон Троице-Сергиева монастыря [25], полки князя С.И. Прозоровского и «осадные сидельцы» Тихвинских монастырей 1613 года [7]; неплохо изучены армия королевича Владислава в ее походе на Москву 1617–1618 гг. [32], шведские контингенты в России эпохи молодого Густава II Адольфа [35; 14], знаменитые «лисовчики» [33; 35], украинское казацкое войско гетмана Сагайдачного [34] и польские наемники Лжедмитрия II [23]; одной из последних добротных работ можно назвать исследование О.Ю. Тюменцева по составу армии Лжедмитрия I в 1604–1605 гг. [24]. Капитально разработан вопрос о создании войск Второго (Нижегородского) ополчения и их составе на всех этапах существования (1611–1612 гг.) [9]. На этом фоне отсутствие каких-то обобщающих монографий по истории гарнизона собственно столицы Российского государства в 1604–1618 гг. становится очевидным и существенным пробелом в историографии, хотя нельзя сказать, что пробел этот необъяснимый или неожиданный. История Смутного времени по традиции делится на несколько этапов, периодов или просто отдельных сюжетов, в каждом из которых Москва и ее гарнизон занимает особое место, где-то более, а где-то менее существенное. Вследствие этого вполне естественным оказывается вопиющее, казалось бы, историографическое явление: наиболее изученным стал польский гарнизон Москвы в период 1610–1612 гг. [31]. Работы, которая хоть немного приближается по своей обстоятельности и подробностям к монографии Т. Бохуна, но в отношении русского гарнизона Москвы, не существует, и даже проблема такая в историографии не озвучивалась.

В литературе по Смутному времени вопрос о ратных людях, защищавших столицу, поднимался лишь в связи с конкретными военно-историческими и политическими вопросами. Так, Р.Г. Скрынников обратил внимание на роспись, по которой Москва была разделена на 11 округов во главе с высшими членами Государева двора, в связи с «движением Хлопка Косолапа» [18, с. 62–66]. Однако какими силами располагал каждый из этих воевод — помимо «дежурных», по-видимому, сотен стрельцов, — осталось неизвестным.

Интересный опыт реконструкции организации и дислокации стрелецких приказов в Москве представляют собой монографии М.Ю. Романова [16, 17]. По крайней мере некоторые из описанных им слобод существовали и в эпоху Смуты (в частности, Стремянного приказа). В то же время следует отметить один необъяснимый момент изданных книг автора: полное отсутствие научных ссылок, позволяющих понять

его метод работы, каким образом он привязывает данные о конкретном стрелецком приказе к той или иной слободе Москвы, как прослеживает преемственность стрелецких голов. Это существенно осложняет использование высказанных им наблюдений и выводов в дальнейшей научно-исследовательской работе.

Из монографий, которые так или иначе касались состава московского гарнизона, следует еще назвать исследования И.И. Смирнова [20], Р.Г. Скрынникова [19], О.Ю. Тюменцева [26, с. 287–292], Б.Н. Флори [27]. В недавнее время С.Ю. Шокарев посвятил специальную работу московским стрелецким головам и их роли в событиях Смутного времени [29, с. 402–413]. Однако, к сожалению, в научно-популярной книге автора «Смутное время в Москве» вопрос московского гарнизона вновь получил весьма скудное освещение [30]. Прочие авторы либо обходят стороной этот вопрос, либо ограничиваются общими сведениями из доступных и хорошо известных источников.

Анализ источниковой базы следует начинать с документов Разрядного приказа как основного военного учреждения Русского государства. Из источников, наиболее полно освещающих весь состав московского гарнизона в отдельные моменты Смуты, отметим «осадные списки» — росписи чинов и даже членов посадских корпораций по участкам обороны столицы с указанием их командного состава и численности. Сохранилось два подобных списка — 1616 г. («по ногайским вестям») и 1618 г. («королевичев приход») (опубликованы в [5]). Их значение — первоочередное при реконструкции системы организации осадного положения Москвы и для предшествующего периода. Для более раннего времени необходимо упомянуть о сборнике документов по событиям 1606–1607 гг., который также включает в себя отдельные сведения о московском гарнизоне [12].

Порядок государственной службы к началу XVII в. требовал присутствия в столице, при дворе, верхушки служилого сословия «по отечеству»: членов государева двора. Чиновный состав двора был представлен боярами, окольными, думными дворянами и дьяками (их принято считать Боярской думой), дворянами московскими, стольниками и стряпчими, жильцами и выборными дворянами — верхушкой городских дворянских корпораций. Существовал комплекс документации Разрядного приказа, который служил для учета службы дворовых чинов; в частности, одной из его задач была возможность своевременно выяснить, где находится конкретный служилый человек: на воеводстве ли, в отпуске или боевом походе. Для первичного учета служили «боярские» и, возможно, «жилецкие списки», на основании которых составлялись «боярские книги» — справочники длительного использования [3]. Из анализа подобных источников можно установить персональный состав двора в столице в тот или иной момент — как это сделал И.О. Тюменцев в отношении дворов Василия Шуйского и Лжедмитрия II в 1608–1610 гг. [26, с. 328–383, 579–629].

Другой неременной частью московского гарнизона являлись стрельцы московских стрелецких приказов. Вопросами их обеспечения заведовал Стрелецкий приказ, фонды которого не сохранились. Московских стрельцов выгодно отличало «правильное» устройство в приказы из 500 человек каждый, под командой голов и сотников: для несения боевой службы назначались, как правило, «полные» приказы или сотни во главе со своими командирами. Следовательно, составить представление о численности и дислокации этих частей можно путем выявления персонального состава стрелецких голов и данных об их службе. Реконструировать структуру этого разряда ратных людей позволяют данные частных разрядных книг с известиями о назначениях воевод и стрелецких голов [2], а также отдельные документы Разрядного приказа [5; 15]. Для периода после 1613 г. целесообразно использовать сохранившиеся книги Казенного и Печатного приказов [4; 13; 28], в которые неизбежно попадают сведения о московских стрельцах и их начальных людях.

Помимо московских стрельцов и дворян на определенных этапах Смутного времени значительную часть московского гарнизона составляли служилые люди из иных регионов России, а также московские пушкарки и «кормовые иноземцы»; их численность и состав могут быть освещены только на основе анализа отдельных документов в сочетании с мемуарами и другими нарративными источниками. В 1610–1612 гг. позиции в Кремле и Китай-городе занимали польско-литовские войска, данные о которых содержатся в источниках польско-литовского происхождения.

Рассмотрим основные узлы проблем военной истории Смутного времени, при изучении которых вопрос о состоянии московского гарнизона играет важную роль.

1. Переворот в Москве в мае — июне 1605 г., который привел к свержению династии Годуновых и возведению на престол «Дмитрия Иоанновича» (Лжедмитрия I). Р.Г. Скрынников, реконструируя в подробностях события тех дней, упоминает об упорной обороне московскими стрельцами рубежа реки Оки, которую не удалось преодолеть сторонникам самозванца в открытом бою 28 мая 1605 г. [18, с. 205]. Однако важной составляющей подобного исследования могли бы стать общие сведения о состоянии московского гарнизона на тот момент: в частности, какая его часть находилась в столице, какая — в походе, а какая уже перешла в стан противников династии Годуновых.

2. Интересная коллизия с московским гарнизоном описывается в работе А.В. Лаврентьева «Царевич — царь — цесарь». По его наблюдению, в мае 1606 г. движущей силой мятежа, который привел к свержению «Дмитрия Ивановича», стали новгородские дворяне, собранные для похода на Азов в Москве — в качестве второго эшелона армии, которая развертывалась под Ельцом и на южных «украинах» в целом [8]. Конечно, версия исследователя, что их готовность поддержать Василия Шуйского связана просто с нежеланием служить в столь дальнем походе, выглядит малоубедительной: для убийства царя служилым

людям все же требовались более серьезные основания. Между тем источники говорят о наличии в тот момент в Москве самых разных по боевым качествам, численности и настроениям групп ратных людей: это и московские стрельцы, и городовые стрельцы из «украинных» городов, и польская шляхта, и роты служилых «немцев» — «драбантов», и вооруженные жители посада. Выяснение достоверной картины переворота невозможно без решения вопроса о том, каково было соотношение этих сил как в численном, так и в качественном отношении.

3. Следующий эпизод — оборона столицы от повстанцев Афанасия Пашкова и Ивана Болотникова в ноябре — декабре 1606 г. Тезисы советской историографии, выделявшей этот этап Смуты как «Крестьянскую войну», были убедительно оспорены Р.Г. Скрынниковым [19]. Помимо сословной структуры повстанческой армии, в которой преобладали казаки, служилые люди «по прибору» и дворяне, опровержением служит и состав правительственных войск: для борьбы с украинными ратниками царь Василий Иванович обратился к помощи чернососных крестьян и посадских миров Русского Севера, которые выставили боеспособные отряды даточных людей «с огненным боем». Принято считать, что перелом в вооруженном противостоянии принесло прибытие в столицу смоленских дворян и детей боярских во главе с Г. Полтевым, а также переход на сторону Шуйского дворянских отрядов Ляпунова и Пашкова. Между тем, если оценки численности болотниковцев «на пике движения» встречаются в историографии, то в отношении сил правительственных войск этого не делается даже предположительно.

4. Исследователи отмечают динамику состава и численности московского гарнизона во время обороны столицы от войск «Тушинского вора» (Лжедмитрия II) в 1608–1610 гг. (из последних по времени работ см.: [26]). В частности, это известия о «тушинских перелетах» — дворянах и прочих служилых людях, которые по разным причинам переходили в стан самозванца из Москвы; о служилых людях украинских и северских «городов», которые нашли себе спасение за стенами столицы, но по отношению к подмосковным крестьянам вели себя как на вражеской территории [22]; об ослаблении войск царя Василия после поражения в Рахманцевской битве 1608 г. — когда помещики новгородской земли и замосковных уездов не стали возвращаться в Москву, а разъехались по своим домам в связи с угрозой от польских наемников и казаков Лжедмитрия [26, с. 287–292]. Все эти данные не сведены воедино, так что в историографии отсутствуют какие-либо общие оценки тех сил, которыми располагал Василий Шуйский в своем противостоянии с «тушинцами» внутри стен самой столицы.

5. Б.Н. Флоря убедительно показал, что важными движущими силами Земского собора августа 1610 г., который утвердил сведение с престола Василия Шуйского и избрание на трон польского королевича Владислава Сигизмундовича, были служилые люди двора и тех «городов», которые оказались в столице в связи с развитием боевых действий

[27, с. 169–211]. В частности, отмечается большая роль смолян, брянчан и других помещиков западных уездов, которые связывали это решение с надеждами на прекращение польско-литовской интервенции и Смуты. Какова была доля этих ратных людей в гарнизоне Москвы, ее соотношение с прочими служилыми людьми, требуется еще установить.

6. Как уже отмечалось, состав польско-литовского войска, занимавшего Москву с августа 1610 по октябрь 1612 г., детально изучался рядом исследователей, в том числе Томашом Бохуном [31]. Однако наряду с поляками в столице продолжали оставаться русские ратные люди, которые подчинялись правительству Семибоярщины. Обычно упоминается, что именно в этот период, по сути, произошло раскassoвание московского стрелецкого гарнизона: судья Стрелецкого приказа А. Госевский разослал большую часть приказов по разным дальним службам. Однако вопросами, что это были за службы и как сложилась дальнейшая судьба этих подразделений, никто из историков не занимался. Кроме того, известно о походах боярина князя И.С. Куракина с русскими ратными людьми из Москвы на повстанцев под Владимир и Александрову слободу в феврале — марте 1611 г. [27, с. 349]. Таким образом, даже наиболее изученная страница истории московского гарнизона эпохи Смуты содержит весьма значительные пробелы.

7. В большей степени с политическими коллизиями, нежели с сугубо военно-историческими сюжетами связан вопрос о составе московского гарнизона в судьбоносный для будущего Русского государства период — с октября 1612 по лето 1613 г. Это время от изгнания интервентов и объединения правительств Первого и Второго ополчений до венчания на царство Михаила Федоровича Романова, избранного Земским собором в феврале 1613 г. Принято считать, что численный перевес отрядов вольных казаков явился одним из решающих факторов в исходе Земского собора [21, с. 85–91]. Однако исследователи пока не обратили внимания на такой момент: большая часть казачьих станиц выступила из Москвы на различные театры военных действий только после венчания на царство своего избранника, летом 1613 г.

8. На протяжении 1613–1618 гг. Москва оставалась эпицентром событий Смутного времени: в 1615 г. серьезную угрозу столице составили мятежные казаки атамана Баловня, которые требовали отмены их «разбора» боярской комиссией и выплаты «справедливого» жалования за службу [21, с. 136–152]; в 1616 г. гарнизон находился в тревоге в связи с набегами ногайских татар, а в 1618 г. «сидел в осаде» от польско-литовских войск королевича Владислава и гетмана Сагайдачного. Подробные сведения из разрядных книг, перечни пожалованных вотчинами «за королевичев приход», отдельные подлинные столбцы Разрядного приказа позволяют выяснить, какие ратные и даже «жилицкие» люди защищали Москву, причем с высокой степенью достоверности и подробности [5; 15]. В свою очередь, эти данные правомерно использовать для реконструкции состава московского гарнизона и в более ранний период.

9. Интересен вопрос и о последствиях Смутного времени для гарнизона Москвы: в частности, требуется выяснить, за какой срок численность различных категорий служилых людей достигла уровня 1604–1605 гг. отдельно по категориям: двор, кормовые иноземцы, стрельцы, «пушкарский чин»... Это позволило бы выявить преемственность этих разрядов русского войска и в то же время лучше понять, какие новые черты военно-служебной организации стали развиваться в послесмутный период.

Даже подобный «пунктирный» обзор проблемы ярко доказывает, что без специального глубокого изучения гарнизона Москвы в период 1604–1618 гг. картина Смутного времени будет неполной. И касается это не только сугубо военных сюжетов, как борьба с армиями различных повстанцев и иностранной интервенцией, но и ключевых политических событий: от свержения династии Годуновых до утверждения на престоле первого из царей Романовых. История Москвы также будет неполной без сведений о судьбах ее жителей — и знатных бояр, и дворян, и рядового состава многочисленных стрелецких слобод. Велико значение подобного исследования и для патриотического воспитания молодежи на примере подвигов защитников Москвы в эпоху Смуты XVII в.

Список использованных источников и литературы

1. Антонов А.В. К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 196–240.
2. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221), Кн. 3 (222).
3. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / сост. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1, 2.
4. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) // сост. С.Б. Веселовский. М., 1994.
5. Книги разрядные по официальным спискам. СПб., 1853. Т. I.
6. Косточкин В.В. Крепость Смоленска. М., 2004.
7. Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 года. М., 2006.
8. Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001.
9. Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.
10. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940.
11. Медведев П.А. Подготовка Смоленской обороны 1609 г. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. науч. тр. Л., 1990.
12. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов. М., 2003.
13. Приходно-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884.
14. Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013.
15. Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
16. Романов М.Ю. Москва стрелецкая. М., 2012.
17. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.
18. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
19. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / А.Г. Маньков (отв. ред.). Л., 1988.
20. Смирнов И.И. Восстание

- Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951.
21. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
22. Тюменцев И.О. Жители Московского уезда и воры в 1608–1611 гг. [по материалам русского архива Яна Сапеги] // Памяти М.П.Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению. М., 2006. С. 323–345.
23. Тюменцев И.О. Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607 — начало 1610 года // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конф. 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283.
24. Тюменцев И.О. К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг. // Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana 2012 № 2. С. 31–54.
25. Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007.
26. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008.
27. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
28. Четвертики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Сост. и пред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.
29. Шокарев С.Ю. Стрелецкие головы в социально-политической борьбе конца XVI — начала XVII века // Смутное время: итоги и уроки: Сб. материалов II Всерос. научной конф. Иваново — Кохма — Шуя, 20–22 апреля 2012 г. Иваново, 2012. С. 402–413.
30. Шокарев С.Ю. Смутное время в Москве. М., 2013.
31. Bohun T. Moskwa 1612. Warszawa, 2005.
32. Majewski A. A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2006.
33. Пшэпюрка. Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // Беларускі Гістарычны Агляд. Мінск, 2008. Т. 15. Сш. 1–2 (28–29). С. 124–148.
34. Сас П. Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010.
35. Sverige krigen. Sth., 1936. Bd. 1. Danske och Ryska krigen.
36. Wisner H. Lisowczycy: Jupiëicy Europy. Warszawa, 2013.

Деннинги со Старого Гостиного двора

Резюме

В статье анализируется история обращения русско-датских монет, так называемых деннингов, в России XVII века. Впервые описаны деннинги, входившие в состав «клада-гиганта», обнаруженного в 1996 г. на территории Старого Гостиного двора. По мнению автора, эти монеты предназначались для торговли на спорных или пограничных русских территориях.

Ключевые слова

Деннинги, русско-датские монеты, клад Старого Гостиного двора.

Иллюстрации на с. 90–91

При разборе клада, найденного на территории Старого Гостиного двора, была выявлена группа монет, известных в литературе как деннинги, или русско-датские монеты. Все они выполнены по образцу и в технике русских копеек.

В приводимом ниже (с. 91) перечне монет указываются: номинал со знаком лицевой стороны (Л.с.), особенность оборотной стороны (О.с.), монетный мастер, место чеканки, вес, ссылка на каталог. В основу определения монет положена работа А.С. Мельниковой «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого». М., 2012. Таблица 11, с. 235 (М., 2012. Т. 11). В качестве дополнения приводятся данные по каталогу В.Н. Клешинова и И.В. Гришина «Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.)». М., 2001.

Существует ряд работ, в которых так или иначе затрагивается вопрос о деннингах и их обращении на территории Русского государства. И.Г. Спасский относил к этой группе монет копейки с именем датского короля Христиана IV, отмечая, что чеканились они с 1619 г. с согласия русского правительства для торговли датских купцов в русских пограничных областях. Исходя из их качества, И.Г. Спасский высказал предположение, что это были те самые «корелки худые», известные по русским источникам [7, с. 334]. Некоторые дополнения о деннингах были сделаны И.Г. Спасским в книге «Русская монетная система», первое издание которой вышло в 1957 г. Здесь датские копейки были уже связаны с «корелками хыдыми». Проникновение их в русское денежное обращение началось в 20–30-х гг. XVII в. Чеканились они в Дании или в ее северных провинциях для торговли в Лапландии, откуда распространялись по территории Русского государства. Была подтверждена мысль и о согласии русского правительства на чеканку этих монет [8, с. 58].

В 1956 г. В.Л. Янин при разборе нумизматической коллекции Ярославского краеведческого музея обратил внимание на копейки со знаком «Р» под конем и именем царя Михаила Федоровича на оборотной стороне. Всего исследователем было выявлено 7 монет: 4 монеты с буквой «Р» и 3 монеты, близкие им стилистически. В.Л. Янин объединил их в три типа: 2 типа с буквой «Р» и 1 тип без буквы под всадником. Все они несли в легенде имя царя Михаила Федоровича. Своеобразия начертания букв оборотной стороны привели автора к выводу, что штемпели резал неграмотный или иноземный мастер. Так была открыта еще одна группа монет, отнесенная в дальнейшем другим исследователем к деннингам. Сам же В.Л. Янин дал им иную атрибуцию, отнеся их к чеканке Ростовского денежного двора, время работы которого, по мнению ученого, приходилось на февраль—апрель 1613 г. Ошибка эта была вполне объяснима. В то время исследователи исходили из твердого убеждения, что под всадником русских копеек начала XVII в., как правило, стоял знак денежного двора. Составив перечень русских городов с начальной буквой «Р» и проанализировав политическую ситуацию в 1612–1613 гг., В.Л. Янин заключил, что таким городом мог быть только Ростов (см. [9, с. 87–88]).

Полемизируя с И.Г. Спасским и сравнивая весовые данные Ростовского и Ярославского денежных дворов, В.Л. Янин пришел к выводу, что переход к чеканке монет по четырехрублевой стопе был осуществлен в Москве в начале 1613 г. (см. [9, с. 82–92]). Вывод этот в дальнейшем был поддержан исследователями [6, с. 164–165].

В 1960 г. вышла статья А.С. Мельниковой «Русско-датские монеты в собрании Государственного Исторического музея», которая в корне изменила и расширила представления нумизматов об этих загадочных эмиссиях датского короля. Первоначально исследовательницей были выделены две группы, отличные стилистически: одна — с именем короля Христиана IV на немецком языке, другая на «испорченном русском» также с именем датского короля. Нашлись и два денежных мастера, которым по королевскому указу была поручена чеканка монет. Оба указа были датированы 1619 г. Одним из них был Иоганн Пост, работавший в Копенгагене, второй — Альберт Дионис, чеканивший монеты в Глюкштадте. Группы отличались качеством исполнения. Небрежность исполнения монет А. Диониса позволила А.С. Мельниковой, вслед за И.Г. Спасским, связать их с «корелками худыми» [3, с. 90–92, 96]. Однако поштемпельный анализ монет, а также их стилистические особенности позволили А.С. Мельниковой значительно расширить круг русско-датских монет и связать с неизвестными по происхождению копейками, носящими имена русских царей. В итоге среди монет, заведомо известных как «деннинги», оказались копейки со знаками «М», «НРСІ», относимые И.Г. Спасским к шведским подделкам, знаком «Р», который В.Л. Янин связывал с Ростовским денежным двором. Все они были систематизированы, распределены между двумя мастерами и центрами чеканки. Каждой группе была дана характеристика. Новые факты иначе оценивали роль датского правительства в сфере отношений Дании и России. В целом А.С. Мельникова поддержала мысль о существовании договоренности между двумя странами о чеканке деннингов и применении их на территории Лапландии. Такие монеты носили имена короля Христиана IV и царя Михаила Федоровича. Однако чеканка монет с именами прежних русских царей, которая последовала за копейками с именем Христиана IV, могла уже объясняться как переход к тайному производству подделок [3, с. 101–102].

Свои, как оказалось в дальнейшем, предварительные итоги исследования о русско-датских монетах А.С. Мельникова подвела в своей основополагающей работе «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого», изданной в 1989 г. Здесь окончательно была завершена систематизация деннингов, определена последовательность их чеканки, выявлены новые поштемпельные связи [4. Приложение. Таблица 11]. Причины производства и распространения русско-датских монет на территории Российского государства А.С. Мельникова выводила из особенностей русско-датских экономических и политических отношений в первой трети XVII в.

Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) Россия поставляла Дании хлеб по льготным ценам, пока та участвовала в военных действиях против Габсбургов. Заинтересованное в союзе с Данией русское правительство разрешило Христиану IV чеканить монеты наподобие русских копеек для использования их в торговых операциях. В этом была заинтересована и сама русская казна, нуждавшаяся в дополнительных денежных знаках [4, с. 172]. Появление же деннингов с именами прежних русских царей было связано с образованием и начальной деятельностью датской Печорской торговой компании, пребывание которой на территории России было запрещено [4, с. 193].

Исследования проблемы русско-датских монет были продолжены В.Н. Клешиновым и И.В. Гришиным, которые значительно дополнили и уточнили систематизацию А.С. Мельниковой, а также дали иную атрибуцию этой эмиссии [2, с. 61–70]. Ими было предложено деление деннингов на три группы (VII, VIII, IX), из которых за двумя первыми стоял мастер Иоганн Пост, а за третьей, последней, — Альберт Дионис, причем монеты последнего отличались худшим качеством [2, с. 61–62]. Тщательный технический и поштемпельный анализ монет дали возможность авторам высказать иную точку зрения на авторство отдельных монетных групп и последовательность их чеканки. Так, В.Н. Клешинов и И.В. Гришин усомнились в правомерности относить монеты с именем короля Христиана IV на немецком и «русском» языках (VIII гр.) к Иоганну Посту, оставив за ним с полной уверенностью самую малочисленную группу (VII) со знаком «Р», с которой он и начал свою деятельность [2, с. 61, 63]. Принципиально был изменен порядок последовательности чеканки в IX группе монет с именами датского короля и русских царей. По мнению авторов, чеканка монет, производимая Альбертом Дионисом, с именами русских царей имела место раньше, чем с именем Христиана IV [2, с. 63]. Пожалуй, самым важным был окончательный вывод исследователей. Конечно, с одной стороны, чеканка монет с именем Христиана IV могла быть санкционирована русским правительством для обеспечения спорных территорий Лапландии денежными знаками наподобие русских копеек, но, с другой стороны, присутствия на их оборотной стороне имен русских царей позволяет отнести их к категории незаконных подделок [2, с. 64].

Последнее слово все же осталось за А.С. Мельниковой. Статья «Русское денежное обращение и деннинги», опубликованная в 2005 г., стала, по сути, итоговой [5, с. 162–197]. Автором были собраны все сведения о деннингах, обнаруженных вкладах и выявленных в музейных собраниях. На этой основе А.С. Мельниковой был сделан вывод об их широком распространении и длительном бытовании в русском денежном обращении, вплоть до начала XVIII в.

В ответ В.Н. Клешинову и И.В. Гришину А.С. Мельникова высказала мысль о поэтапном, с перерывами, поступлении деннингов из Дании в Россию. Она не исключала существование каких-то запасов этих монет в Дании, а также возможность их дочеканки с исправлением штемпелей и пуансонов [5, с. 180–181].

Более широко представлялись и факторы, которые так или иначе регулировали поступление деннингов в Россию и отбор их типов, как «разрешенных», так и «воровских». Сюда относились и Тридцатилетняя война, и «революция цен», и торговля хлебом, и хлебная контрабанда, и недостаток денежных знаков [5, с. 185].

Находка деннингов в кладе середины XVII в. в самом центре Москвы подтверждает точку зрения А.С. Мельниковой об их длительном пребывании в денежном обращении и широком распространении на территории Российского государства.

Из 9 русско-датских монет 5 монет (№ 5–9, IX гр. по Кл., Гр.) относятся к чеканке Альберта Диониса, 3 монеты (№ 2–4, VII гр. по Кл., Гр.) чеканились Иоганном Постом и только одна (№ 1, VIII гр. по Кл., Гр.) является спорной в отношении ее авторства. Такое соотношение типов вполне соответствует наблюдениям А.С. Мельниковой.

Однако здесь до конца еще не все ясно. Например, три монеты из девяти со знаком «Р» вопреки общепринятому мнению о весовой норме в 0,58 г дают довольно широкую амплитуду колебания в весе, что несколько увеличивает их средний вес до 0,63 г. Возможно, что перед нами образец более ранней чеканки. Весовые данные монет дают в какой-то мере объяснение причины волнообразного их поступления в центр России и попадания в общерусское денежное обращение. Если следовать весу деннингов, то самые тяжелые монеты (в нашем случае со знаком «Р») появились в центре до 1626 г. Когда же весовая норма копейки была снижена до 0,48 г, началось поступление деннингов (в нашем случае со знаком «М») соответствующего веса. После 1626 г. изменилась и проба копеек (о весе и пробе русских копеек см. [6, с. 201–202, 217]).

Не оказалось в кладе со Старого Гостиного двора и «воровской» части деннингов. Все они несут на оборотной стороне имена современных им правителей. Это предполагает какой-то целенаправленный отбор, борьбу за подлинную полновесную монету. В этом плане интересен еще один факт, на который так и не обратили внимания исследователи. Датский король Христиан IV, несмотря на вступающую в силу эпоху абсолютизма, пусть и формально, но все-таки был зависим от сословных учреждений. Королевская власть в Дании до 1660 г. была выборной, хотя и избирали всегда наследника. Но вместе с тем датский король обладал и значительной самостоятельностью. Одновременно он был герцогом Шлезвиг-Гольштейна, территория которого относилась к Дании, но формально являлась частью Священной Римской империи германской нации [1, с. 157]. На землях этого герцогства находился известный город Глюкштадт, один из центров чеканки деннингов. Под надзором короля и герцога и действовал Альберт Дионис, принося ему известную прибыль, не подконтрольную датским сословиям. Возможно, за этим и кроется переход от указных монет к «воровским» деннингам.

Мы также склонны признать, что так называемое разрешение русского правительства на чеканку деннингов является мифом. Судя

по всему, его следов нет ни в России, ни в Дании, ничего не говорится о нем и в известных королевских указах 1619 г. Отсюда следует, что задача деннингов была более скромная. Предназначались они для торговли (в том числе и контрабандной) на спорных или пограничных русских территориях, откуда, по указанным причинам, и поступали в Россию.

Список использованных источников и литературы

1. История Европы: Европа Нового времени (XVII–XVIII вв.). Т. 4. М., 1994.
2. Клешинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М., 2001.
3. Мельникова А.С. Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического музея// Ежегодник Государственного Исторического музея. М., 1960.
4. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.
5. Мельникова А.С. Русское денежное обращение и деннинги // А.С. Мельникова. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005.
6. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 2012 (посмертное издание).
7. Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. М., 1955.
8. Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1957.
9. Янин В.Л. Из истории русской монетной чеканки в 1612–1613 гг. // Нумизматики и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Отношение российских властей к иноземцам из стран Западной Европы (Москва, конец XV – середина XVII в.)

Резюме

В работе рассматриваются вопросы реального положения западноевропейских специалистов в Российском государстве (на примере Москвы) с конца XV до середины XVII в. Особое внимание уделяется реакции светской и духовной властей на их правовое положение, социальный статус, вероисповедание, службу и быт.

Ключевые слова

Духовная власть, закон, иноземец, католик, Московская Русь, «немец», Немецкая слобода, право, православие, протестант, Российское государство, светская власть, страны Западной Европы, царь.

История взаимоотношений России со странами Западной Европы относится к числу наиболее значимых проблем, изучаемых отечественной исторической наукой. Пристальное внимание историков вызывают вопросы, связанные с сопоставлением путей развития, формами и характером взаимоотношений и взаимовлияний этих стран. История любого государства определяется не только ее собственными материальными и духовными ресурсами, но и внешним окружением. Ни одно государство никогда не являлось полностью изолированным. Определенные виды взаимодействия между странами были неизбежны. Конец XV — середина XVII в. — начальный период нового этапа всемирно-исторического развития. В этот период зарождается капиталистический уклад в недрах феодального общества. Если в предшествующий период взаимодействие между государствами мира еще не имело прочной основы в экономических связях, то в результате великих географических открытий и появления первых очертаний мирового рынка они становятся все более регулярными и разносторонними. Самым значительным событием в духовной жизни народов стран Западной Европы XVI века была Реформация. Ее результатом стало не только переустройство церковной жизни, но и установление нового взгляда на мир и место человека в нем. Западные европейцы начинают активно интересоваться жизнью в других странах. Происходит более тесное соприкосновение различных мировых культур, что отразилось на развитии взаимоотношений представителей западных христианских конфессий с православием на российской земле. Разность исторического пути развития нашла отражение также в развитии права в странах Западной Европы и Российского государства.

Исследование реального положения специалистов из стран Западной Европы, реакции светских и духовных властей на присутствие иноземцев¹ в Российском государстве с конца XV до середины XVII в. (на примере Москвы) дает возможность существенно уточнить и дополнить представление о степени готовности страны к сближению с Западом накануне петровских реформ. Не менее важным представляется изучение истории межнациональных и межконфессиональных отношений, обусловленных значимостью проблемы сохранения национальной и религиозной терпимости в современной России.

На протяжении большей части XVI–XVII вв. иноземцы были для московского правительства источником постоянного беспокойства.

1 Значение слова «иноземец» в русских делопроизводственных документах XV–XVII вв. означало принадлежность не столько к «чужому» государству, сколько к «чужой», немосковской церкви. В рассматриваемый период термин нес конфессиональную нагрузку. Абсолютно все не члены московской церкви, проживающие на территории Российского государства, обозначались «иноземцами». Принятие православной веры означало для иноземца фактический переход в русское подданство и отказ от возвращения на родину. По своему правовому положению такой «новокрещен» практически ничем не отличался от русских людей «того же чину».

Еще старец Филофей в 20-х гг. XVI в. в своем послании о «Третьем Риме» писал: «Старого убо Рима Церкви падеся неверием Аполонариевы ереси, второго же Рима Константинова града Церкви агаряне внуцы секирами и оскордми рассекоша двери» [35, с. 358]. В послании обозначались два источника опасности: гибелью православному царству грозят распространение ересей и поражение в войне. Для московских властей каждый из иноверцев являлся разносчиком ересей. Ричард Ченслор, английский мореплаватель, будучи в Московской Руси в 1553–1554 гг., писал: «Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано. В их церквях нет высеченных изображений, но только писанные, дабы не нарушать заповеди, но к своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали... По их словам, начертания и образцы их икон установлены от Бога, не как у нас (иностранцев). Они говорят, что мы, англичане, чтим иконы в том виде, как их сделает живописец или ваятель, а они, русские, почитают иконы, только когда они освящены. Они считают нас только полухристианами...» [10, с. 36]. Т.А. Опарина отмечает: «Для русской традиции этого периода характерно представление о поэтапном отпадении от истинной веры к царству Антихриста первоначально католичества, затем протестантизма, а вскоре и униатства. Воплощением Антихриста на земле для них в равной мере были и римский папа, и Мартин Лютер, и организаторы Брестской унии» [17, с. 99]. Что касалось военного поражения и роли в нем выходцев из стран Западной Европы, то отношение московского правительства к этому было двояким. С одной стороны, знания и навыки иноземцев способствовали повышению боеготовности русской армии. Но, с другой стороны, возможны измена и шпионаж, что могло привести к поражению Московского государства в войне. Шведский резидент в Москве Карл Поммеринг зимой 1649 г. доносил королеве Христине: «Русские очень боятся, что их немногочисленные иностранные офицеры более держат сторону вашего королевского величества, чем сторону великого князя» [37, с. 442]. Поэтому при найме иностранных военных специалистов для участия в вооруженном противостоянии России с другими странами учитывалось их вероисповедание.

Однако власти были заинтересованы в привлечении в страну иноземных специалистов — военнослужащих, купцов, медиков, ремесленников разных специальностей. Историк С.Ф. Платонов писал: «По приглашению из Москвы и без всякого приглашения ехали в Москву на службу итальянцы, греки и немцы». Далее автор отмечает, «что к исходу XV века сношения московского двора и рынка с Западом были уже завязаны. Правда, эти сношения ограничивались потребностями политики и торговли и еще не разрастались в общую культурную связь» [26, с. 21–22, 23].

Еще в конце XV в. в Москве появляются первые поселения западноевропейцев. Так, в Замоскворечье (ныне район улиц Мытная

и Шаболовская) упоминается местность Наливки [10, с. 66, 84]. Известны и другие места поселений выходцев из стран Западной Европы в столице. Во времена правления Ивана IV в Заяузье существовала слобода иноземных военных людей на Болвановке [10, с. 68; 4, л. 39].

Отправным событием в жизни западноевропейцев в России стала организация крупного поселения на правом берегу Яузы, в районе реки Чечеры и ручья Ольховец — Старой немецкой (иноземной) слободы. Заселение ее проводилось главным образом за счет пленных, взятых в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.) [5, л. 38]. Точная дата ее основания неизвестна. Можно предположить, что она возникла примерно в конце 60-х — середине 70-х гг. XVI в. Постепенно национальный состав иноземных слобод Москвы стал более пестрым. Джером Горсей, представитель английской «Московской торговой кампании», приехав в 1573 г. в Москву, отмечал в своих записках: «Там были ливонцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан» [5, л. 38]. Причинами, побудившими Ивана Грозного поселить западноевропейцев за пределами городской черты, как отмечал француз, наемник на военной службе у царя Московской Руси Жак Маржерет, были другое вероисповедание и неприятие москвичами традиций жителей стран Западной Европы [10, с. 178–179]. В Смутное время, когда к Москве подошли войска Лжедмитрия II, а затем и польско-литовские, Немецкая слобода, как и ряд других прилегающих к городу населенных пунктов, была разграблена и сожжена.

После избрания на Земском соборе 1613 г. царя Михаила Федоровича Романова и прекращения Смуты много иноземцев селилось в столице. Московские власти стремились как можно быстрее отстроить город и поощряли заселение пустовавших дворов людьми разного национального происхождения и вероисповедания. В Москве образовалось несколько кварталов компактного расселения иноземцев по принципу вероисповедания. Католики (наибольшая по численности строений колония инославных из стран Западной Европы — 77 дворов) жили в районе Покровки. Много дворов «немцев»² (протестантов) было в районе Огородной слободы (территория между Покровской, Мясницкой улицами, Чистыми прудами и Садовым кольцом) [2, с. 207–208]. Москвичи это место называли «Погаными прудами», по одной из версий, — из-за живших здесь инославных из стран Западной Европы. Четыре «немецких» двора располагались за Сретенскими воротами, среди дворов Печатной слободы [30, с. 208–212]. Близ Гнездиковского переулочка на Тверской улице в царствование Михаила Федоровича была передана земля под «свейский купеческий двор» [40, с. 16–26].

2 «Немец» — граждане из стран Западной Европы. Иноземцы, приезжая в Российское государство, как правило, русского языка не знали, поэтому «московиты» их звали «немой люд». Отсюда в русском языке и закрепился термин — «немец».

По мере восстановления столицы московские власти стали проводить политику, направленную на ограничение соприкосновения инославных из стран Западной Европы и православных. Так, 19 ноября (число и месяц из-за степени сохранности документа трудно читаются и поэтому могут быть неточными) 1627 г. выходит указ царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета, запрещающий держать «некрещеным иноземцам» у себя во дворах «в работе» или в холопстве православных людей, под угрозой быть от государя «в великой опале и в наказанье» [34, л. 1–25]. Указ негативно отражался на интересах инославных из стран Западной Европы, которым трудно было обойтись без русской прислуги и работных людей. Но данные меры часто не были строгими. Это подтверждает издание аналогичных указов в последующие годы. Так, в Соборном уложении 1649 г. вместе с мотивирующей частью о чинимом от «некрещеных иноземцев» православным людям «осквернении» писано: «И ныне по тому же у иноземцев некрещеных русским людям во дворах быть никоемы дела» [27, с. 111]. В 1652 г. вновь «всенародно было опубликовано и провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников... под [страхом] того наказания, что тот, кто будет найден у чужестранца, будь он кто угодно, будет в первый раз бит батогами, во второй раз кнутом или плетью, а в третий раз снова бит плетью, оба уха будут [у него] отрезаны, и в опале будет сослан в Сибирь, а то кто его задерживает привлекается к такому же наказанию» [32, с. 97]. Шведский дипломат Эберс сообщает о вышедшем весной 1653 г. новом «приказе правительства», который запрещал русским ремесленникам брать иноземных учеников [37, с. 223]. Власти Московской Руси считали общение с «немцами» губительным для души русского человека. Иноземцев подозревали в стремлении переманить православных в свою веру.

Вторая половина XVII в. является одной из важнейших вех в истории формирования российской государственности. Московская Русь, выйдя из политического и экономического кризиса Смутного времени, оказалась отсталой периферией перед странами Западной Европы. Особенно перед странами, ставшими на путь капиталистического развития, — Англией и Голландией. Одной из альтернатив выхода из складывающейся ситуации было привлечение на московскую службу «немецких» специалистов. Со второй половины XVII в. западноевропейский элемент в российском обществе становится все более заметным. В результате все больше обнажались противоречия между двумя христианскими мирами — Востоком и Западом, в том числе и в понимании государственной и духовной власти, а отсюда — закона и права. Реакцией светских и духовных властей на это явление стало формирование специфического правового статуса «немцев» в Российском государстве XVI в.

Рост численности «немцев» в столице, строительство протестантских храмов, желание жить среди москвичей, изучать их обычаи и язык

вызывало неудовольствие прежде всего московского духовенства, что нашло отражение в памяти из Приказа Большого дворца от 4 марта 1643 г. В нем записано: «Били челом государю... Михаилу Федоровичу ц. Николы Чудотворца от столпа поп Прокофий, да дьякон Марко, да от ц. Кузьмы и Демьяна поп Федосей, дьякон Кирил с товарищи девяти приходских церквей». Жаловались священнослужители на скупку иноземцами дворов в их приходах, где они ставили свои «ропаты», содержа русскую прислугу и нелегально торгуя хмельными напитками. Священники просили государя: «С тех дворов немец сослать, потому, что они те дворы купили без государева указа, а впредь в их приходах немцом дворов и дворовых мест покупать не велел, а что прежде их челобитья покупали немцы дворы, и ропаты поставили, и русских людей у себя держат, о том велети указ учинить». Михаил Федорович на это ставит резолюцию: «На Москве в Китае и в Белом городе и за городом в слободах, дворов и дворовых мест немцам и немкам вдовым не покупать... а ропаты, которые на немецких дворах блиско русских церквей, велети сломать» [8, с. 114–115]. Иноземцам из стран Западной Европы для поселения оставалась только территория Земляного города. Но просьба священников была выполнена лишь отчасти; пожелание выселить иноземцев с уже купленных ими дворов в приходах православных церквей осталась без удовлетворения.

Соборное уложение 1649 г. запретило «немцам» покупать дворы, строить храмы и в границах Земляного города [27, с. 114]. В то же время в нем был прописан общеправовой статус иноземцев: «Суд государя... Алексея Михайловича всея Руси, судити Боярам, Окольничим и Думным людям и Дьякам, и всяким приказным людям, и Судьям, и всякая расправа делати всем людям Московского государства, от большего до меньшего чину вправду. Также и приезжих иноземцев, и всяких прибылых людей, которые в Московском государстве будут, тем же судом судити и расправы делати по Государеву указу вправду...» [27, с. 17]. Все иноземцы становились подсудными российскому закону и суду государя.

Нехватка материальных средств часто вынуждало московское правительство наделять иноземных офицеров поместными землями, а за особые заслуги перед государством — вотчинами. Соборное уложение 1649 г. уравнивало права русских помещиков и поместных иноземцев, предусматривая равное выделение прожиточных поместий вдовам и незамужним дочерям дворян, детям боярским и иноземцам, попавшим в плен или погибшим на государственной службе [27, с. 62, 78–79]. Дана и разграничительная линия между этими поместьями: «А иноземские (поместья) иноземцам беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцев, иноземских поместий никому не давать. А русских поместий иноземцам не давать» [27, с. 76]. Запрет передачи поместий «немцев» русским помещикам связан с необходимостью сохранения специального фонда для обеспечения земель пребывающих в Московскую Русь новых служивых иноземцев. Это давало возможность контролировать

ситуацию, так как власть не оставляла тревога распространения ереси среди православных людей.

Но уже в начале 50-х гг. XVII в. ситуация меняется. Секретарь гольштейнского посольства Адам Олеарий описывает случай, произошедший с женой полковника Александра Лесли, обвиненной крестьянами в том, «что она им в постные дни, в противность русской вере, дает мясо, трудною работою удерживает их от хождения в церковь, не дает им на дворе столько времени, чтобы они утром могли положить полагающееся перед Богом и иконами количество поклонов и совершать свое служение... и — что отвратительнее всего — взяла икону со стены и бросила ее в пылающую печь, где она и сгорела». Все это встревожило власти. «Тут вмешался патриарх, сумевший убедить его царское величество, что у иностранцев следует отобрать все поместья... а бояре, давно уже простиравшие свои коростные руки к хорошо устроенным поместьям немцев... ежедневно докладывали его царскому величеству, чтобы исполнено было справедливое ходатайство патриарха» [16, с. 305]. Судя по челобитным служилых иноземцев, взамен поместий им стали выдавать денежное жалование, которое часто было меньше поместного дохода, да и нерегулярно выплачивалось. Примером служит челобитная порутчика Федора Фамендина с просьбой о повышении в чине от 20 октября 1653 г. [33, л. 24].

Власти всеми способами стремились ограничить тесное общение «немцев» с православным населением страны. А. Олеарий отмечал, что осенью 1652 г. патриарх Никон добился запрета на ношение иноземцами русского платья. Причиной послужил случай, когда он заметил во время крестного хода, что не все люди кланяются, многие не совершают крестного знамения. А. Олеарий считал, что причиной запрета на ношение «немцами» русского платья было нежелание патриарха вместе с православными людьми благословлять по ошибке и иноверцев, что являлось бы «поруганием веры» [16, с. 117, 345].

Часто негативная реакция со стороны православного духовенства и населения в целом возникала из-за неподобающего поведения «немцев» по отношению к священным предметам, в первую очередь, к православным иконам. Патриарх Никон посылал дворянина к членам шведского посольства 1655–1658 гг., наблюдавшим процессию крестного хода в столице, узнать, «почему они не встали и не обнажали голов в то время, когда мимо них несут изображения Бога и святых?» [11, с. 16]. Все это приводило к выносу из помещений, занимаемых иноземцами, образов. А если их оставляли, то после поста «немцев» иконы освящались заново [13, с. 78; 16, с. 316].

4 октября 1652 г. выходит указ Алексея Михайловича «Об отводе земли под строение в Немецкой слободе»: «По указу великого государя... Афонасий Иванов сын Нестеров, да дьяки, Федор Иванов да Богдан Арефьев, строили новую иноземскую слободу за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы реки, где были наперед сего немецкие дворы, при прежних великих государях,

до московского разорения...» [27, с. 273]. Данным указом «немцам» выделялась земля за пределами Земляного города в районе, где раньше располагалась Старая немецкая слобода. Всего было перевезено более 150 дворов иноземцев. Создание Новой немецкой слободы для «некрещеных немец» явилось завершением основных действий, проводимых властями, по изоляции православного населения от «немецких» еретиков.

При переселении «немцев» на новое место жительства власти старались как можно меньше нанести им материальный вред. Все их дома и дворовые строения были разобраны, перевезены и вновь собраны на территории Новой немецкой слободы за счет казны. Земельные участки на новом месте раздавались бесплатно. Слобода объявлялась «данной белой землей» [14, с. 22, 37]. На ее территории были выделены места для культовых сооружений. Однако на территории города остались дворы, принадлежащие крупным купцам, придворным медикам, тесно сотрудничавшим с царским двором [39, с. 256].

Неписаное правило исключало наличие в русском правительстве «некрещеных немец». Но были периоды их значительного неофициального влияния в делах управления Московским государством. Шведский дипломат Фарбер писал в 1647 г. об увлечении Алексея Михайловича охотой и передачей им всех государственных дел «бывшему своему наставнику Морозову, великому канцлеру Назарею Чистову и кн. Роману Никитичу Трубецкому — они то распоряжаются всем правлением пользуясь советами голландца Андрея Дениса (голландский купец Андрей Денисович Виниус), который... предан был более русским, нежели немцам» [25, с. 151–152]. Исследователи К.В. Базилевич и А.В. Демкин отмечают участие датского комиссара Питера Марселиса в составлении нового торгового устава 1667 г. [1, с. 597–617; 7, с. 41].

Постепенные перемены в быту свидетельствовали о признаках либерализации сознания части московских правящих кругов. В царском указе от 6 августа 1675 г. предписано «стольникам и стряпчим и дворянам, чтоб они иноземских немецких извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людям своим потому ж носить не велели». Ослушникам государь грозил опалой и понижением в чине [27, с. 1007–1008].

При принятии вышеуказанных законодательных актов роль царя заключалась прежде всего в защите православия. Еще в письме к великому князю московскому Василию I константинопольский патриарх Антоний в конце XIV в. писал: «Невозможно, чтобы у христиан была церковь и не было императора... Святой император непохож на других правителей и владык других земель... он есть освященный базилевс и автократор римлян, то есть всех христиан» [15, с. 6]. Поэтому оценка деяний государя лежит вне понимания и пределов человеческого разума, а смысл и цель жизни подданных состоит в четком исполнении «службы и правды» государевой.

Однако присутствие в Московском государстве значительного числа иноземцев, многие из которых состояли на государственной службе, да и другие причины принуждали государей к религиозной толерантности. Западноевропейские авторы, отмечая жестокость русских царей по отношению к своим подданным, писали об их относительной терпимости к представителям других христианских конфессий, главным образом к протестантам и реформаторам; восприятие католиков было более сложным [23, 24].

В отличие от протестантов, католики в Москве, а затем и в Немецкой слободе долгое время продолжали быть стесненными в правах свободного отправления культа. Так, свобода их вероисповедания была вплоть до конца XVII в. значительно ограничена. Католические храмы и публичное богослужение были запрещены. Их службы проходили эпизодически, главным образом во время приезда посольств из стран католического вероисповедания. Посланник Священной Римской империи Августин Мейерберг, находясь в Москве в 1661 г., с сожалением отмечал, что «некоторые из наших единоверцев так отвыкли от наших богослужебных обрядов, что, хотя священник служил у нас ежедневно, они, к сожалению, были за службой всего раза два-три и то кое-как» [13, с. 104]. В результате по численности населения среди жителей Немецкой слободы католиков было значительно меньше, чем лютеран и реформаторов.

Считая католиков в наибольшей степени проникнутыми духом религиозной пропаганды, власти не хотели давать им возможность укорениться в России. Дж. Горсей писал: «Царь [Иван IV] резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из существующих в Христианском мире; оно угождает властолюбию папы, выдуманно с целью сохранить его чиноначалие, никем ему не дозволенное, сам царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховенство, приоритет церковной власти над светской» [5, с. 72]. Брестская уния 1596 г., периодические конфликты с Речью Посполитой и притеснения в ней православного населения лишь обостряли неприязнь к католикам. Возвратившись из польского плена в 1619 г., патриарх Филарет уравнивал католиков с еретиками, что было принято постановлением Освященного собора 1620 г., и все они подлежали перекрещиванию [12, с. 24]. Особенная нетерпимость была к членам «Общества Иисуса» (орден иезуитов). В своем письме в Рим от 23 сентября 1698 г. иезуит Геральд Санта Круз пишет: «Трудно поверить, какое дурное мнение имеют здесь об этом обществе [иезуитов]. Говорят, что иезуиты производят только смуты и беспорядки. Русские даже убеждены, что иезуиты видят на сто локтей под землю... которые притом еще вмешиваются во все дела» [23, с. 33].

Неприязнь властей к католицизму как конфессии не означала абсолютного неприятия их в государстве. Так, в 1633 г. царь Михаил Федорович дал «опасную грамоту» мастеру алмазного и золотого дела Ивану Мартынову и английскому купцу Френсису Гловерту с разрешением

найма людей из разных стран, в том числе из католических Франции и Венеции. Мастера требовались для создания производства «золотой и серебряной биты и канители» [19, №94].

Не приняв крещение Русской православной церкви, «немцы» оставались отчужденными в структуре русского государства. Закрытость границ Московской Руси в XV–XVII вв., несмотря на все старания правящих кругов государства откреститься от европейских «еретиков», не исключала, а предполагала постоянный приток иноземцев из стран Западной Европы. Причем с середины XVI в. присутствие западноевропейского элемента в русском православном обществе значительно увеличивается с активизацией внешней политики, развитием мануфактурного производства и торговых связей с передовыми государствами Европы.

Таким образом, отношение российских властей к иноземцам из стран Западной Европы в рассматриваемый период можно охарактеризовать как политическую линию, направленную на сохранение традиций и обычаев, традиционных для православного населения страны.

Рассматривая вопрос взаимоотношения светской и духовной властей Московской Руси к инославия выходцев из стран Западной Европы, можно сделать выводы, что светская власть относилась к иноземцам из стран Западной Европы более терпимо, чем духовная. Связано это было с заинтересованностью в расширении культурных, политических и экономических связей с передовыми странами мира. В то же время, осознавая присутствие «немцев» в Московской Руси как явление неизбежное, власти предпринимали попытки к изоляции инославных европейцев, боясь их пагубного «еретического» влияния на умы православного населения страны, могущего привести к политическим потрясениям и эволюции государственной власти. Хотя характер ограничительных мер по отношению к «немцам» определялся не только вопросами веры, но и их иностранным подданством, боязнью предательства и шпионской деятельности в пользу своих правительств.

Православная церковь, в лице высших иерархов, с настороженностью относилась к инославия европейцев, опасаясь его влияния на духовную жизнь русского общества. Их усилия, направленные на ограничение прав иноземцев, в том числе их изоляцию от православного населения, приводили к давлению на светскую власть, что давало повод отрицать принадлежность к христианскому миру каких-либо других конфессий, кроме православия.

Московские власти, признавая присутствие выходцев из стран Западной Европы как явление необходимое и неизбежное, в то же время предпринимали меры к максимальной их изоляции с целью ограждения православных людей от пагубного влияния «еретиков». Вершиной этих мер стало образование Новой немецкой слободы в Москве.

Список использованных источников и литературы

1. Базилевич К.В. Ново-торговый устав в 1667 г.: К вопросу о его источниках // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1932. № 7. С. 589–622.
2. Вершинина Н.Г. Иноземцы и иноземные слободы в Москве XVI–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1948.
3. Из собрания ГБУК «Музейное объединение. «Музей Москвы» Сторн И. — Р. Новая Иноземная слобода 1661 г. в Москве, видимая с Покровских ворот с восточной стороны. М., 1886. ОФ. 2755.
4. Гваньини А. Описание Московии / Пер. с латинского Г.Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997.
5. Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII веков // Прил. к дис. работе Севастьяновой А.А. Сочинения Джерома Горсея как источник по истории России XVI — начала XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
6. Данилевский И.Н., Юрганов А.Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. 1997. Человек в истории: Культурная история социального. М.: Наука, 1998. С. 144–170.
7. Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России XVII в. / А.А. Преображенский (отв. ред.). Вып. 1. М.: ИРИ, 1994.
8. Дополнительные статьи к судебнику, от 4 марта 1643 г. // Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. № 92.
9. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: Репринт. Изд. 1900 г. М.: Издательский отд. Московского патриархата, 1993.
10. Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVIII веков / сост. М.М. Сухман. М.: Столица, 1991.
11. К истории сношений со Швецией: отрывки шведского дневника времен царя Алексея Михайловича / С предисл. В.А. Семенова // Чтения в императорском Обществе истории и древностей. Кн. 1: Материалы иностранные. М., 1912. С. 1–28.
12. Макарий, архиепископ Винницкий. История русской церкви. Т. XI. СПб., 1882.
13. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Придворного совета, Горация Вильгельма Кальвуччи и послов императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу в 1661 году. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1874. 2, VIII, 216, XXIX с.
14. Нечаев В.В. Иноземческие слободы в Москве XVI–XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 3. М.: Образование, 1910. С. 22–37.
15. Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI–XV вв. М.: Наука, 1970.
16. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906.
17. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVIII веков. М.: Прогресс — Традиция, 2007.
18. Опарина Т.А. Полемическое богословие в России первой половины XVII в. // Palaeoslavica, 2001. Vol. IX, Cambridge (Mass). P. 99–117.
19. Опасная грамота (в списке) государя Михаила Федоровича, золотой и серебряной канители и бити мастерам, кои по приглашению алмазного и золотого дел мастера Ивана Мартынова и английского торгового человека Франциска Гловерта пожелают из чужих государств приехать в Россию от 1633 г., марта 16. // СГГид. М., 1822. Ч. 3. № 94.
20. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище. 2004.
21. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993.
22. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / сост. А. Либерман. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 151–464.
23. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века / под ред. М.О. Кояловича; подгот. к изд. Ф. Дворовским; латинский оригинал, пер. Виноградова. СПб., 1904.

24. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии / подгот. к изд. Цепковым А.И. Рязань: Александра, 2010.
25. Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанные // Северный Архив. Ч. 1. СПб., 1822. С. 151–158.
26. Платонов С.Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999.
27. Полное собрание законов Российской империи / под ред. М.М. Сперанского. Т. 1. СПб., 1830.
28. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: МГУ, 1983.
29. Прокопович Феофан. Правда воли монаршей. СПб., 1722.
30. Росписной список города Москвы 1638 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества / под ред. И.С. Беляева. Т. 1. М., 1911. С. 1–313.
31. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 231–378.
32. Родес И., де. Донесения шведского резидента Родеса королеве Христине 1650–1655 гг. // Курц Б.Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914.
33. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 862. Л. 24.
34. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40283. Л. 1–25.
35. Сеницина Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции XV–XVI вв. / ИРИ РАН. М.: Индрик, 1998.
36. Тесленко Т.А. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII — начало XVIII века): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
37. Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648–1700) // ЖМНП. Ч. CCCXV: Седьмое десятилетие. № 2. СПб., 1898. С. 210–277.
38. Цветаев Д.В. Вероисповедное положение протестантских купцов в России XVI–XVII вв. М., 1885.
39. Чумакова Т.В. Православие: Монографическое издание. СПб.: ПИТЕР, 2006.
40. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVIII века: сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 гг. с предисловием, примечаниями, алфавитом и указателем личных имен. М., 1897.

Роль личности княгини Шаховской в становлении и развитии общины сестер милосердия «Утоли моя печали»

Резюме

Данная статья посвящена истории московской общины сестер милосердия «Утоли моя печали», ее деятельности, некоторым отличительным чертам и особенностям ее организации. Большое внимание автор уделяет личности основательницы общины — княгине Н.Б. Шаховской.

Ключевые слова

Община сестер милосердия, княгиня Н.Б. Шаховская, РОКК (Российское общество Красного Креста).

В Москве во второй половине XIX — начале XX в. существовало 6 общин сестер милосердия: Никольская (основана в 1848 г.), «Утоли моя печали» (1865 г.), Владычне-Покровская (1872 г.), Александринская при комитете «Христианская помощь» (1888 г.), Иверская (1894 г.), Павловская (1901 г.). В этот перечень мы не включили Марфо-Мариинскую обитель (1909 г.), поскольку она, по замыслу устроительницы, противопоставлялась общинам сестер милосердия. Каждая община имела свою историю создания и развития. Данная статья посвящена общине «Утоли моя печали»: мы рассмотрим некоторые отличительные черты и особенности этой организации. Для того чтобы понять ее своеобразие, необходимо обратиться к истории появления и развития самого института сестер милосердия.

Термин «сестра милосердия» впервые использовал католический священник Винсент де Поль, основавший в 1633 г. во Франции «Общество Дочерей Милосердия» (устав был утвержден в 1668 г.). Они ухаживали за больными бедняками, сиротами, позднее за ранеными солдатами, работали в тюрьмах, оказывали и духовную помощь ближним, ведя религиозные беседы, духовные чтения и наставления. Обществом ведал священник, а непосредственной руководительницей была настоятельница. Помимо обета бедности, целомудрия и послушания «Дочери Милосердия» приносили специальную клятву помогать обездоленным [1]. Необходимо подчеркнуть, что звание «Дочери Милосердия» (второе название — «Сестры Милосердия») до сих пор объединяет верующих женщин разных профессий.

В России с самого начала общины сестер милосердия возникали как светские учреждения, во главе которых стояли представители высшего общества. Первая община сестер милосердия появилась в Санкт-Петербурге в 1844 г. по инициативе лиц императорской фамилии: великих княгинь Марии и Александры Николаевны (дочери Николая I), принца Петра Георгиевича Ольденбургского и его супруги Терезии Васильевны¹. Уставы российских общин утверждались сначала императором, а позднее министром внутренних дел. Во главе организации стояли дамские комитеты (куда входили сами учредительницы и дамы-благотворительницы), а не духовные лица.

В развитии института сестер милосердия в России мы выделяем три этапа. Первый этап был связан с появлением общин (1844–1867 гг.). В это время уставы общин, сферы их деятельности нередко различались и часто зависели от личности основательницы. Важно отметить, что именно к этому периоду относится учреждение общины «Утоли моя печали».

Второй этап — расцвет института общин сестер милосердия — связан с появлением в 1867 г. Общества попечения о раненых и больных

1 В организации первых общин сестер был использован также отечественный опыт «сердобольных вдов» императрицы Марии Федоровны (существовали с 1813 (1815 г.) по 1892 г.), которые ухаживали за больными и дежурили в палатах. Например, был заимствован текст обещания и обычай ношения наперсного креста.

воинах. В 1879 г. общество переименовано в «Российское общество Красного Креста», сокращенно РОКК. Формально это была общественная благотворительная организация, почетными членами которой стали сам император, великие князья и княгини, многие высокопоставленные светские лица и представители высшего духовенства. РОКК находилось под покровительством императрицы. Главная цель организации — оказание медицинской помощи. Все вновь открываемые общины России находились теперь в его ведении.

Третий этап — период кризиса общин — это рубеж XIX—XX вв., когда возникло противоречие между целями РОКК и существующим способом организации института: тяжелый труд и требование от сестры милосердия полного самоотречения (она не должна была иметь семьи, свободного времени, собственного имущества и денег) не соответствовали статусу общин как светских организаций². Поле деятельности общин постепенно все более сосредоточивалось на цели РОКК — оказании сугубо медицинской помощи. Духовной стороне жизни сестер милосердия руководство уделяло все меньше и меньше внимания. Постепенно дисциплина в общинах стала падать. Не имея возможности изменить установленные правила, многие сестры начинали их нарушать или просто уходили из общин. В 1918 г. декретом Совнаркома Главное управление Красного Креста было упразднено, вместо него был учрежден Комитет по реорганизации общества.

Для устроителей первых российских общин слово «милосердие» означало прежде всего высшую христианскую добродетель. Именно этим объясняется организация деятельности сестер — труд и жизнь в общине и требования к ним: безвозмездность работы, строгая дисциплина, полное послушание вышестоящим. Организация и деятельность общины «Утоли моя печали» была тесно связана с личностью основательницы — княгини Н.Б. Шаховской, с ее пониманием деятельности сестры милосердия как своего рода христианского служения.

О жизни Натальи Борисовны Шаховской до учреждения общины известно немного. Наталия Борисовна родилась 9 апреля 1825 г. (эту дату указывает кандидат исторических наук Людмила Борисовна Максимова) [2, с. 237]. Также в источниках встречается и 1820, и 1828 год рождения. Была третьей дочерью в семье князя Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского (1781–1865) и его супруги Надежды Федоровны, урожденной княжны Гагариной (1791–1883). Наталия Борисовна вышла замуж за сына декабриста Ф.П. Шаховского — князя Дмитрия Федоровича Шаховского (1821–1897 (?)). По сведениям некоторых исследователей, Шаховские неоднократно путешествовали по Европе. У них не было своего дома в Москве, и они снимали квартиры в частных домах: на Арбате у Спаса на Песках в доме Безутного, в Хлебном переулке в доме Мясоедова и др.

2 Церковный же институт сестер милосердия в Российской империи не сложился.

В 1863 г. княгиня Наталья Борисовна Шаховская поступила в Полицейскую больницу для бедных бесприютных как одна из сестер Никольской общины³. Ошибочно думать, что княгиня в это время овдовела. Достаточно посмотреть на годы жизни Д.Ф.Шаховского. Однако отношения между супругами, скорее всего, были действительно напряженными.

Что заставило знатную богатую даму прийти в Полицейскую больницу в качестве сестры милосердия, можно только предполагать. Скорее всего, этому способствовало несколько факторов. Неурядицы в личной жизни и отъезд за границу дочери; широкие традиции благотворительности в аристократической среде и яркие примеры такой деятельности среди близких родственников, личное знакомство с доктором Ф.Гаазом, ее собственная сильная натура, жаждущая действия, и духовные искания. Возможно, встреча княгини Шаховской с протоиереем Валентином Амфитеатовым и стала определяющей для ее дальнейшей судьбы. «Княгиня Наталья Шаховская в первый раз приехала к батюшке во всем блеске своей пышности и богатства. Экипаж ее был запряжен четверкой лошадей: она гордо держала себя, как бы желая дать понять батюшке, что она особа высокопоставленная и требует особенной чести и уважения. Но батюшка не придал никакого значения ее титулу и богатству, и даже с некоторым пренебрежением сказал: «Я никого не принимаю на четверках, а только разве на извозчиках». Это так поразило княгиню, что она уже больше не кичилась своим титулом и знатностью, и стала приезжать в простеньком экипаже, запряженном в одну лошадь» [12, с. 70–71].

Важно отметить, что Наталья Борисовна сначала служила как простая сестра милосердия и только потом организовала общину и встала во главе ее. «Княгине пришлось перевоспитывать себя и долго бороться с собой. С большим вниманием относясь к каждому слову и замечанию о. Валентина, она со временем стала его подлинной духовной дочерью...» [12, с. 71].

В 1865 г. Наталья Борисовна переселилась с тридцатью сестрами в дом Новиченкова на Покровской улице, основав общину «Утоли моя печали» в честь чудотворной иконы Божьей Матери⁴ [4, с. 12]. Основательница общины и первые шесть сестер, по уставу, после приобщения Святых Христовых Тайн были посвящены в «крестовые

3 Необходимо упомянуть, что Полицейская больница была создана по инициативе главного доктора всех московских тюрем Ф.П. Гааза. Некоторые исследователи считают, что Федор Петрович Гааз был близко знаком с семьей Святополк-Четвертинских.

4 Икона была принесена в Москву казаками в 1640 г. в царствование Михаила Феодоровича (1613–1645). Сама икона получила свое название по молитве, с которой верующие обращаются к Богородице: «...И утоли печали моя, сокрушающая сердце. Ты бое си возведение роду человеческому и в печалех скорая Утешительница». Празднование чудотворной иконе совершается 25 января (7 февраля) в день исцеления больной женщины.

сестры» в Московском Высоко-Петровском монастыре преосвященным викарием московским Игнатием, епископом Дмитровским⁵ [7, л. 142–144 об.]. «Теперь княгиня Шаховская, презревшая свою знатность, богатство и титулы, пренебрегшая мирским почетом и надевшая белый апостольник, являла собой образец благочестия и смирения» [12, с. 71].

В 1868 г. княгиня Шаховская была официально назначена начальницей новой общины. В это время община входила в состав московского Дамского комитета попечительства о больных и раненых воинах, возглавляемого ее сестрой Надеждой Борисовной Трубецкой. По просьбе Н.Б. Трубецкой московский генерал-губернатор, председатель московского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, князь Владимир Андреевич Долгоруков (1865–1891) ходатайствовал об учреждении в подведомственной общине должности почетной попечительницы, которая нравственным влиянием и материальной поддержкой может способствовать успешному развитию деятельности этой общины [8, л. 49]. Согласно уставу московской общины сестер милосердия «Утоления Печали» (так иногда называется община в документах) 1871 г. любовь к Богу и ближнему, а также милосердие стоят на первом месте в перечне требований к будущим сестрам. Кроме того, «терпение и повиновение начальнице и всем постановлениям Общины суть главные достоинства, которой должны отличаться сестры, обязанные взаимно помогать друг другу в успешном исполнении своих обязанностей» [6, л. 52]. Целью общины было попечение о раненых и больных

5 Игнатий (Рождественский) родился 13 апреля 1827 г. в Москве в семье священника. С 17 декабря 1877 г. — епископ Дмитровский, первый викарий Московской епархии. 11 февраля 1878 г. переведен в Кострому. Скончался 7 июня 1883 г. Погребен в усыпальнице под собором г. Костромы. Преосвященный Игнатий был близкий родственник и духовный сын Московского митрополита Филарета. За свою благотворительную деятельность неоднократно получал благодарности от митрополита Филарета, государя и особ царствующего дома. Состоял почетным членом многих просветительных и попечительных обществ.

воинах в военных госпиталях, а в мирное время — уход за больными в военных и гражданских больницах и утешение скорбящих. В сестры принимали все сословия, при удостоверении в хорошей нравственности. Непосредственное руководство и управление осуществляла начальница, избираемая собранием московского Дамского комитета общества. По уставу община должна была содержаться на средства Дамского комитета. Кроме этого, принимались пожертвования в пользу общины, а также взималась плата от частных лиц, к которым были прикомандированы сестры. Сестры общины не получали жалованья, им предоставлялись квартира, стол, одежда и деньги только на разъезды. В свободное время сестры должны были заниматься рукоделием в пользу общины, шитьем белья и прочим. По старости, или болезни, или после 15 лет работы сестры милосердия по желанию и возможности могли остаться в общине на содержании, сохраняя знак и свидетельство. Прослужившие менее 15 лет определялись в другие благотворительные учреждения. В §20 устава были прописаны преимущества общины: в случае болезни сестер, командированных в военные госпитали, они пользуются врачами и пособиями военных госпиталей.

Интересно, что испытываемые этой общины при посвящении произносили не слова обещания или присяги, а давали именно обет.

Обет Богу содействующему (приведен с сокращениями): «Я, недостойная раба Божия... даю обет пред Всевидящим Богом, пред Святым Его Евангелием и Честным Крестом... Что по долгу христианского служения не только буду пещися о их здравии телесном, но и душевном спасении, — и по сему Святому долгу буду сердцем и устами приносить за них молитвы Богу и Господу Иисусу Христу, врачу душ и телес Пречистой Матери Его «Радость всех скорбящих». Что, по возможности, моим примером и советом буду стараться расположить и самих болящих к молитве веры, спасающей болящих. Что буду стараться внушать страждущим терпение, заповеданное Св. Евангелием и упование на Всемогущего Бог, попускающего болезни и исцеляющего, а приближающихся

к кончине временного жития, буду вспоминать искупительную жертву Господа Иисуса Христа о нас грешных... Что по долгу моего звания, буду и на поле брани стараться неустрашимо использовать свои обязанности в отношении раненых, не смотря на всю могущую угрожать мне опасность. Во всех сих и сим подобных действиях звания, ныне мной восприемлемого, да поможет мне Господь Бог... во свидетельство же твердого намерения свято использовать восприемлемые ныне обязанности и в утверждение сего моего обета, целую Слова и Крест Спасителя моего Господа Иисуса Христа. Аминь» [6, л. 53–53 об.]

В 1872 г. община переехала в Лефортово. В разное время при общине были учреждены:

- 1) приют для сирот;
- 2) больница на три отделения (для неизлечимо больных, для излечимых и проходящих, для психических);
- 3) 4-х-классное женское училище (с 1879 г. по 1882 г.);
- 4) аптека;
- 5) Александро-Мариинская амбулатория для бедных;
- 6) приют-больница во имя св. царицы Александры для престарелых сестер милосердия;
- 7) школа для сестер милосердия.

Как видно, в деятельности данной общины присутствовали дела христианского милосердия, которые предписывал своим «Дочерям Милосердия» священник Винсент де Поль: призрение сирот, уход за бедными, отверженными и обездоленными. Отметим, что данная деятельность общины развернулась не благодаря, а вопреки уставу РОКК. В начале XX в. попечительница благовещенского Дома трудолюбия Олимпиада Онисимовна Сименюто указывала на то, что сестры в большинстве общин Красного Креста физически и нравственно измотаны от постоянной однообразной тяжелой работы с больными. Причем в большинстве общин у сестер нет возможности сменить род деятельности и таким образом отдохнуть. Каждый день, встречаясь с отчаянием семьи, чей кормилец умирает, сестре милосердия приходится «безмолвно отвернуться от чужого горя», иначе ей ответят: «Это уж не ваше дело» [3, с. 5].

Для устроителей первых общин, вероятно, вышеописанная ситуация была очевидна. Кроме того, сами учредительницы принимали непосредственное участие в жизни своей общины. Поэтому практически при каждой общине в начале развития института сестер открывались, например, сиротские приюты. Так, княгиня Шаховская в 1872 г. открывает приют главным образом для детей, родители которых умерли в больницах, вверенных попечению общины. Однако число таких самостоятельных общин было незначительно.

Действительно, Наталья Борисовна, устраивая свою общину, рассматривала труд сестер милосердия как некое христианское служение людям. Даже форму одежды для сестер этой общины княгиня выбирает особую. Внешний вид сестер как раз стал одним из поводов для первых

столкновений между начальницей общины и председателем московского местного управления общества. В 1871 г. он сообщает в Главное управление: «...со своей стороны нахожу, что правильным и приличным представлением сестрам милосердия общины «Утоли печали» формы одежды, какая принята для сестер милосердия общины св. Георгия, т.б., что на нее, как неимеющую сходства с монашеской одеждой, изъявило согласие и Московское Духовное начальство, находившее препятствия к прежде предположенной форме». [7, л. 180]. Председатель Главного управления генерал-адъютант А.А. Зеленой⁶ объяснялся с начальницею общины по поводу формы сестер милосердия «Утоли печали», но предложение министру внутренних дел было подано только после встречи его с председателем московского местного управления [7, л. 171–172].

Однако княгиня Шаховская, несмотря на недовольство московского генерал-губернатора, не намерена была менять форму, придавая, очевидно, ее виду большое значение. Князь В.А. Долгоруков как человек военный считал подобное отношение к вышестоящим по должности недопустимым: «...ходатайства, восходящая помимо меня по Московскому Управлению Общества попечения о раненых и больных воинах ставят меня в затруднительное положение, как председателя того управления» [7, л. 256 об.]. Кроме этого, он, видимо, чувствовал себя и лично оскорбленным подобным поведением. В письме генерал-адъютанту А.К. Баумгартену⁷, где он справедливо, на наш взгляд, указывал на некорректность выбранной формы одежды, ясно видна обида и, возможно, своего рода желание досадить лично Наталье Борисовне: «...дошло до моего сведения, что кн. Шаховская намерена просить, чтобы ей было сохранено прежнее ея одеяние, весьма сходное с монашескою одеждою, во внимание к заслугам, принесенным ею Обществу. Если она действительно проникнута усердным желанием приносить человечеству истинную пользу, то мне кажется, что одежда, какая бы назначена ни была, не должна препятствовать... употреблению такого одеяния...возбуждает в духовенстве неудовлетворение, а в народе соблазн и порицание; заслуги же кн. Шаховской, как мне известно, вовсе не так велики, чтобы ради их можно было делать исключения в пользу ея из Высочайшаго повеления» [7, л. 256 об.].

Удивительно, с каким упорством начальница общины отстаивала право носить установленную ею одежду. Даже несмотря на утвержденную императрицей единообразную форму для всех общин сестер милосердия, она ее не меняла. С неменьшим упорством князь Долгоруков считал своим долгом информировать об этом Главное управление.

6 Генерал-адъютант Александр Алексеевич Зеленой — первый председатель Российского общества попечения о раненых и больных воинах.

7 Генерал-адъютант Александр Карлович Баумгартен до 1874 г. — товарищ председателя Главного управления, с 1874 по 1883 г. — председатель Общества попечения о раненых и больных воинах.

В 1874 г. он снова написал письмо на имя Александра Карловича Баумгартена о том, что императрица утвердила однообразное одеяние: коричневое платье, белый передник с вышитым красным крестом, белая косынка. Но «сестры милосердия состоящей при нашем обществе общины «Утоли моя печали» по примеру своей начальницы кн. Н.Б.Шаховской, которая сама официального разрешения не имеет, не подчиняется Высочайше утвержденной форме одежды» [9, л. 142–143].

Кроме того, 22 октября 1874 г. в Главное управление была подана записка с просьбой пересмотреть устав общины «Утоли моя печали», утвержденный 3 марта 1871 г., так как там были параграфы, противоречащие уставу общества, например § 5 — ношение знака (бронзовый крест с белыми краями на медной цепочке) [6, л. 4].

Как видно из письма княгини Шаховской к А.К. Баумгартену от 13 ноября того же года, ей пришлось предъявить в Главное управление этот крест. Немаловажно, что передан он был ею через принцессу Евгению Максимилиановну Ольденбургскую⁸ [6, л. 5–6 об.]. Это еще раз указывает на статус и связи княгини. На более поздних фотографиях видно, что крест общине оставили.

В январе 1875 г. московское местное управление сообщает, что 26 января происходило посвящение семи сестер милосердия общины «Утоли моя печали». Сестры были одеты в черные платья, на голове белые платы, вроде монашеских, покрывали голову и грудь, называемые апостольниками. Эта форма не соответствует установленной для сестер Красного Креста [6, л. 10].

8 Светлейшая княжна Евгения Максимилиановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (1845–1925) — дочь великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I, и Максимилиана Лейхтенбергского. Известная благотворительница, попечительница Общины сестер милосердия Святой Евгении, председательница Императорского Общества поощрения художников и др.

Панорама здания общины, опубликованная в очерке в честь 30-летия ее существования. 1896 г.

Из описанной ситуации с формой для сестер общины видно, что Наталья Борисовна обладала сильным и жестким характером, держала себя независимо, мало считаясь с местным управлением общества. Так, в августе 1874 г. в Москву собирався приехать император с наследником. Княгиня обращается прямо к председателю Главного управления общества с просьбой о возможности посещения императором ее общины, чтобы «осчастливить меня и моих сирот посещением Общины «Утоли моя Печали» и при ней выстроившагося в Москве, первого дома призрения для неизлечимо больных» [6, л. 1–2 об.]. В ответ Александру Карловичу Баумгартену пришлось недвусмысленно указать ей на необходимость соблюдения субординации. Он отметил, что сначала начальнице общины следует обратиться к генерал-адъютанту Ламберту, с которым А. Баумгартен уже говорил о нуждах по общине и просил ходатайствовать у князя Владимира Андреевича во всех случаях, когда ей надо помочь: «...если просьба, направленная таким образом, дойдет до его Величества, то нет сомнений», он не откажет. «...Сам же я, в настоящем случае, помимо Князя, считаю неудобным просить Его Величество, дабы не нарушать этим то покровительство, которое мы вправе ожидать от местного управления, к подведомственной ему Общине «Утоли моя печали» [6, л. 3–3 об.].

Вполне понятно, что вопрос о статусе и подчиненности общины был делом времени. Поводом послужила просьба княгини Шаховской о финансовой помощи. В письме от 13 ноября 1874 г. Н.Б. Шаховская просила А.К. Баумгартена позволить «взять взаимнообразно из Московского Комитета Попечения о раненых 10 тыс. рублей серебром не более как на 1 год. Это временно необходимо и без всякого ущерба для сумм хранящихся в московском Промышленном банке» [6, л. 5–6 об.]. Сумма была достаточно крупная, а княгиня держала себя достаточно независимо, и председатель Главного управления предусмотрительно переправил ее ходатайство председателю московского местного управления, поскольку подобная просьба могла быть удовлетворена только с согласия местного управления и общего собрания (о чем он также уведомил княгиню). Кроме

того, он просил проверить, «имеет ли Общество попечения о раненых и больных воинах право считать все постройки Общины «утоли моя печали» своими и составляют ли они такого рода собственность, о которой пока нет сведений в Московском местном управлении» [6, л. 7].

В ответ В.А. Долгоруков написал, что княгиня отказалась от ссуды в 10 тыс. руб. из капитала общества. Относительно принадлежности помещений обществу общины княгиня Шаховская сообщила следующее: «...что касается до общего Лефортовского моего собственного владения, приобретенная на собственные мои средства, с целью единой, упрочить и обезпечить и после моей смерти существование Общины «Утоли моя печали» равно как и заведений при ней возникших, а именно: Детского Сиротского приюта и больницы для неизлечимо больных, я не представляю права Обществу попечения о раненых взирать на мое владение как на свою собственность, — т.к. обезпечивать их оно не может» [6, л. 9–9 об.].

С одной стороны, действия Натальи Борисовны были непоследовательны: она не хотела иметь ничего общего с местным отделением общества, которому пусть и формально, но подчинялась и у которого собиралась взять крупную сумму денег. Однако если посмотреть на ситуацию с точки зрения княгини, ответ ее можно понять. Она относилась к общине как к своему любимому детищу, отдавая ему все свои финансы, силы и любовь. Не имея возможности создать отдельное благотворительное учреждение, княгиня была вынуждена учредить общину в составе большой организации. Для нее подчинение московскому отделению было всего лишь формальностью, которую ей приходилось терпеть. Она в 1875 г. писала: «Цель Общины, с первого дня ее существования была одна: служить всеми силами, способностями и средствами благу Обществу, возлюбленному Царю и Отчизне, идя рука об руку с Обществом Попечения о раненых, надеясь в нем найти Покровительство, защиту и опору в тяжком подвиге служения страждущему человечеству, в военное время на поле брани, — в мирное, в Госпиталях, больницах, тюрьмах, одним словом всюду, где обитает скорбь, болезни и печали» [6, л. 24–24 об.]. Несмотря на некоторое обособленное положение княгини, община в своей деятельности выполняла все распоряжения и просьбы Главного управления. Последнее давало повод Шаховской думать, что она вправе рассчитывать на его поддержку.

Однако письмом от 10 мая 1875 г. председатель Главного управления уведомил Н.Б. Шаховскую о том, что Главное управление пришло к выводу, что устав общины «Утоли моя печали», некоторые учреждения общины вышли за рамки деятельности общества, так же как и форма сестер. «Община «Утоли моя печали» как по ведению отчетности, так и по отчислению сумм в свой запасный капитал и в Главное Управление, не руководствуется Уставом Общества и не входит ни в какие сношения с своим местным начальством, тогда как на основании Устава Общества, Она обязана все свои представления делать не иначе как чрез местное управление» [6, л. 25 об. — 26]. Поэтому так же, как и Крестовоздвиженская,

община «Утоли моя печали» должна была считаться самостоятельной организацией, сестры которой только в военное время поступали бы в распоряжение Главного управления [6, л. 18–20].

Весьма показательна реакция основательницы общины. Несмотря на свой статус и знакомства, княгиня боялась остаться без поддержки общества. Она пишет: «Что касается учреждений Общины, то никак не забывая, что война послужила побудительной причиной ее основания, на случай войны, община стала готовить не только своих сестер милосердия, но и фельдшеров и фельдшериц из своего приюта, «призревая с этою целью остающихся в больницах и госпиталях сирот, вверенных их умирающими родителями, сердобольному попечению Сестер Общины...». «Больница неизлечимо больных, уже как Клиника постоянно открытая науке, зимой и летом, приготовляет поступающих в Общину, Сестер и детей, к правильному, практическому и человеколюбивому уходу за больными и ранеными. За это-ли святое дело милосердия, как исполнение моих обетов добровольно и по уставу произнесенных при посвящении служить отчизне равно в военное как и в мирное время, ни щадя ни жизни, ни средств (собственных) Главное Управление Общества признало необходимым: «Выключить Московскую «Общину Сестер милосердия» из Состава Общества «Попечения о раненых и больных?»» [6, л. 25–25 об.]

Очевидно, княгиня не могла, а может, и не пыталась вникнуть в тонкости структуры финансовых отношений общества, в состав которого входила ее община. По поводу отчетности общины Шаховская сначала указала, что «членские взносы всецело вносятся в Московский Дамский Комитет, где они капитализируются; из этих членских взносов, Община не получает ничего на свое содержание» [6, л. 26]. Однако из последующей переписки выясняется, что никаких денежных перечислений в комитет она не делала. Княгиня даже попросила объяснить, из каких сумм община должна делать отчисления в свой запасный капитал и в Главное управление: «При общине нет ни Комитета особого, нет ни членов ни мужских, ни дамских, а потому в Общину не поступает никаких взносов; члены общины суть ее живые, деятельные органы — сестры милосердия, ни откуда и ничего не получающие... <...> ...В § 32 действительного Устава сказано: Расходные суммы Главного Управления образуются: а) из всех вообще денежных сборов, поступающих в его кассу в течении года за исключением специальных пожертвований. У меня же кроме специальных пожертвований определенных жертвовательницей именно на Церковь и на сирот, нет никаких, что же я должна отчислять и отдавать местному или Главному Управлению?» [6, л. 34 об. — 35]

Касательно представлений в обход местного управления, Наталья Борисовна объясняет это вынужденной мерой, поскольку местное управление часто просто бездействовало. Например, прошения неоднократно оставались без последствий и ответа. «Представления свои я делала не иначе как чрез дамский комитет, если особо обращалась к Вам, то с Вашего разрешения, т.к. представления дамского комитета в Местное управление месяцами лежат у него в бездействии, что Вам

Московский генерал-губернатор, председатель московского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, князь В.А. Долгоруков

не безызвестно» [6, л. 26 об., л. 35]. Так, княгиня подала представление о правах и преимуществах общины в Дамский комитет, оттуда оно было направлено «в местное управление где и канет вероятно...» [6, л. 35 об.]. Кроме того, в отчетах за прошедшее время «ничего не скрывалось и говорилось о детском приюте, больнице неизлечимо больных и неоднократно все действия получали поощрение, выраженное в благодарности чрез Ваше посредство — Ея Императорским Величеством» [6, л. 35 об.]. «...а с другой стороны вся энергия во мне убита видя, что столько жертв и подчас не человеческого труда, все старания и стремление к возвышенной цели, все даром гибнет» [6, л. 34 об. — 35 об.]

Княгиня приняла решение о выводе ее общины из Общества попечения о раненых и больных воинах и как личное оскорбление, и как низкую оценку работы сестер общины: «Ваше ответное письмо «глубоко оскорбило и изумило меня» [6, л. 24–24 об.]. Она не посчитала приведенные доводы Главного управления значимыми и стала искать причину в недоброжелателях: «Из заявления, Вашего Превосходительства, убедившись, что Московское местное управление, не озабочивается в 7 лет существования Общины, взглянуть даже на ее помещение, введено в заблуждение на счет действий Общины» [6, л. 26 об.]. В связи с этим княгиня попросила назначить члена комитета Главного управления для расследования и посоветовала обратиться «к Главному Военно-Медицинскому Инспектору, Тайному Советнику Козлову, отзывом Котораго дорожит Община. К Попечителям и Главным Докторам Московских больниц пользующихся постоянно сердобольным служением Сестер, для точного и верного определения Ими, пользы приносимой всюду Сестрами Общины «Утоли моя печали». Отзыв всех близко ознакомившихся с неутомимой деятельностью Общины, надеюсь утвердят за нею право считаться учреждением, хотя не бесполезным при Главном Управлении Общества Попечения о раненых и больных воинах. Владея собственностью оцененной Московской Городской оценочной Комиссией свыше 450.000, заслужив доверие Московской Городской Думы, обеспечивающей больницу Общины, платою 23.000 рублей серебром на содержание 110 больных из бедного Городского населения, 50 постелей, Община «Утоли моя печали» будет иметь

в резерве предоставления Обществу Попечения о раненых и больных в случае войны» [6, л. 27].

В свою очередь, на столь эмоциональную реакцию начальницы общины Баумгартен ответил, что у Главного управления не было цели умалить достоинства общины. Однако устав ее не соответствует уставу общества, утвержденному 1 февраля 1873 г. как руководство для всех органов общества: «...круг занятий наших учреждений, а также определения для них права и обязанности, Главное Управление не считает себя в праве отступить от § 83–93 действительного устава и поставлено в необходимость строго их держаться...» [6, л. 28–28 об.]. Московское местное управление было также согласно с решением Главного управления и заявило, что «не может принимать на себя никакой ответственности за деятельность Общины, учреждения которой (как то сиротский дом, больница для неизлечимых) не соответствуют цели Общества». При этом «к основанию помянутых учреждений не имеется разрешения в том уставе, который был дан к руководству Общины и который, по предоставлении Местного Управления был утвержден в 1872 г.» [6, л. 45–46].

Небезынтересно отношение Шаховской к этому уставу общины. В ответном письме А.Баумгартену 26 июня 1875 г. она написала, что не поняла, «каким образом и каким параграфом, невинный, ничего в сущности не значущий и не выражающий, искаженный Местным управлением и Им же представленный на утверждение, Устав Общины «Утоли моя печали» может идти в разрез с уставом Общества» [6, л. 34–39 об.].

В письме от 30 июня 1875 г. председатель Главного управления приводит доводы, которые послужили поводом считать общину «Утоли моя печали» вне его устава:

1) Все годовые отчеты и ходатайства местные комитеты представляют в Главное управление через местное управление и к тому самые отчеты о приходе-расходе сумм должны быть на основании устава проверены ревизионной комиссией, избранной в общем собрании. Таким образом, ни один отчет не должен быть представлен августейшей покровительнице общества без предварительного внесения его в общее собрание при местном управлении и без проверки его ревизионной комиссией.

Никаких отступлений от этого правила нельзя делать. Так что в постановлении Главного управления нельзя усмотреть распоряжение против только одной общины «Утоли моя печали», а против вообще всех учреждений, обходящих это постановление.

2) Все образовавшиеся общины, состоя при дамских комитетах, управляются этими же комитетами или особыми советами, которые состояются из нескольких членов комитета. Без ведома комитета или совета ничего не делается в общине; ими же избирается начальница общины и ее помощница. В таком отношении к своим комитетам или управлениям находятся общины Св. Георгия, Св. Екатерины, Харьковских сестер милосердия, Лазаретные Бараки и др.

А в общине «Утоли моя печали» права и обязанности начальницы как относительно общины, так и относительно Дамского комитета ничем не определены.

3) Главное управление находит необходимым, чтобы община «Утоли моя печали», как и все учреждения общества, руководствовалась не только § 83 и § 93, а всеми одиннадцатью параграфами от 83 до 93 [6, л. 43–43а об.].

Таким образом, общину вывели из состава РОКК: «...устав общины «Утоли моя печали»... служит основанием в различии взглядов на дело направленное по своему существу к одной цели и требующее прежде всего единства действий и направления, согласно уставу Общества...» [6, л. 28].

Сложившаяся ситуация с общиной «Утоли моя печали» весьма показательна. В ней, во-первых, раскрывается в полной мере понимание основателями общества (в состав которого входили практически все общины сестер) слова «милосердие» в составе сочетания «сестра милосердия» как определенного рода деятельности (медицинской помощи на войне). И в то же время переписка демонстрирует, что не все находящиеся у истоков движения сестер милосердия люди понимали «милосердие» так узко. Во-вторых, причины организационных несоответствий общины состояли и в том, что сама община была создана одной из первых в России. В тот момент еще не было строгих и четких правил касательно структуры общин сестер милосердия, финансово-экономической деятельности и проч. Когда же правила эти были в конце концов сформулированы, то оказалось, что формат первых (ранних) общин не совсем им соответствует. В-третьих, ясно видно, насколько в разных условиях находились общины сестер милосердия благодаря своим учредительницам, благодаря их положению и связям в обществе, насколько личность учредительницы влияла на финансовый ход дел общины, на сферу и род деятельности сестер и т.д. Так, например, в 1873 г. товарищ председателя местного тамбовского управления общества Павел Петрович Карцев писал А. Баумгартену: «Местные жители, узнав, что все членские взносы не идут на сестер, а отсылаются в Петербург, отказываются от вступления в члены и... видя шаткость средств на содержание общины, не жертвуют и для нее, как не имеющей прочности» [5, л. 7–17]. Только общественное положение самой председательницы и личное отношение к ней может привлечь некоторых благотворителей. Княгиня Наталья Борисовна Шаховская, чья сестра⁹ состояла председательницей Дамского комитета, имела возможность, часто минуя комитет и московское управление общества, напрямую обращаться с просьбами к председателю Главного управления. Что, в-четвертых, изобличает длительную бюрократическую волокиту в структуре общества и говорит о том, насколько тяжело

было существовать в ней общинам, открытым не столь влиятельными особами, как княгиня Шаховская. В-пятых, из ответа Шаховской от 26 июня 1875 г. следует, что ранее отчеты общины, где указывались детский приют и больница, не смущали общество. Можно предположить, что внутри самой организации не было единства мнений относительно поля деятельности сестер. Также вероятно, что до этого община просто не просила денег на свои заведения, поэтому общество, учитывая положение княгини, закрывало на эту деятельность глаза.

Очевидно, что община «Утоли моя печали» стояла особняком в ряду узкопрофилированных общин Общества попечения о раненых и больных воинах. С 1881 г. община «Утоли моя печали» стала самостоятельным учреждением, получив собственный устав и наименование «Александровская». За неделю до трагической гибели император Александр II принял общину под высочайшее покровительство. Согласно уставу генерал-губернатор Москвы стал почетным президентом общины, больница была поставлена под ведение Московского врачебного управления. Одним из высших духовных лиц, ставшим почетным членом, был преподобный Иоанн Кронштадтский. Почетными членами общины «Утоли моя печали» были также многие представители императорской фамилии, в том числе великая княгиня Елизавета Федоровна¹⁰. Целью общины, как и прежде, было попечение в военное время о раненых и больных воинах, а в мирное время — уход за больными в военных и гражданских больницах и в частных домах. Из 200 кроватей 50 должны были предоставляться Российскому обществу Красного Креста на случай войны. Церковь общины получила отдельный полный притч, состоящий из священника, диакона и псаломщика. За значительные пожертвования и заслуги община получила право представлять к высочайшим наградам.

В 1906 г. Наталья Борисовна Шаховская скончалась. Община перешла в ведение Московской городской думы и получило новое название: Московская городская община сестер милосердия имени кн. Н.Б. Шаховской. В начале XX в. это была самая крупная община, на ее попечении состояло около 400 сестер милосердия. При ней сохранился приют для девочек, преимущественно сирот, приют для престарелых сестер и открылась школа для сестер милосердия.

После революции 1917 г. община была закрыта. Сейчас на ее территории располагается городская клиническая больница № 29 им. Н.Э. Баумана.

10

В 1907 г. Елизавета Федоровна основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия.

Потомки Натальи Борисовны Шаховской

У Натальи Борисовны была одна дочь Надежда (1845 (47)—1922 (24)) — талантливая пианистка, ученица К. Шуман и Ф. Листа. В Дрездене она познакомилась с известным археологом Вольфгангом Хельбигом (1839–1915). Вскоре вышла за него замуж и уехала в Рим. У них родилось трое детей: Наталья (умерла в 2 года), Елизавета (1868–1954), в замужестве Морани, и Дмитрий (по-итальянски — Деметрио).

Надежда (или Надин) Шаховская-Хельбиг активно участвовала в общественной жизни и была хорошо известна в Риме на рубеже XIX–XX вв. Она проводила различные музыкальные мероприятия, участвовала в благотворительной деятельности. Ее семья была на виду также благодаря деятельности Вольфганга Хельбига, который стал заметной фигурой в мире археологии и коллекционирования антиквариата в Риме. Они жили во дворце Каффарелли на Капитолии, потом на вилле Ланте на Яникуле. Литературно-музыкальный салон Хельбигов в разное время посещали Лист, Рихард Вагнер и Эдвард Григ, Антон Рубинштейн и Джозуэ Кардуччи, Теодор Моммзен и Габриеле д'Аннунцио, позднее Ромен Роллан, Райнер Мария Рильке и многие другие. Их дом посещали и представители высшей аристократии, и представители творческой интеллигенции, и даже политическая элита того времени, вплоть до председателя совета министров Марко Мингетти [10].

Надежда не прерывала общения с матерью Натальей Борисовной. В свои поездки в Россию она брала и дочь, которая оставила воспоминания об этих путешествиях. Есть сведения, что Надежда встречалась с о. Амфитеатровым: «...приезжая из Италии, всегда считала за счастье повидаться с батюшкой» [12, с. 72]. Она поддерживала тесные отношения с Л.Н. Толстым, часто гостила в его семье.

Надежда Шаховская-Хельбиг принимала активное участие в деятельности «Союза добра». Это был кружок, в котором обсуждались важнейшие общественные темы и события. Участниками были католики, иудеи, протестанты, православные и вольнодумцы. Надин Хельбиг как член «Союза добра» сыграла важную роль в распространении идей Льва Толстого. В 1892 г. вместе с княгиней ди Веноза Надин Хельбиг основала амбулаторию «Поддержка и труд», затем амбулаторию для детей бедняков на улице Морозини в Трастевере. «Работали мы усердно, но, признаюсь, у нас было слишком много женщин», — пишет она в «Зарисовках из Трастевере. Абердин, 1914» (собрание биографических зарисовок и описаний римского общества *Sketches from Trastevere*. Aberdeen: The University Press, 1914). Амбулатория, открытая в начале 1900-х гг., финансировалась непосредственно Надин Хельбиг и субсидировалась за счет благотворительных концертов, организованных ею же [10]. Здесь с 1909 по 1917 г. по ее приглашению работает врачом Ольга Ресневич-Синьорелли, которая описывает княгиню Шаховскую как «одну из самых редких в Риме личностей... известных своей

добротой и щедростью», «со свежим моложавым лицом с выражением бесконечной нежности, [на котором] ярко-голубые глаза излучают чарующий свет» [10].

В начале 1900-х годов она открыла (на деньги, специально для этого выделенные ей матерью) амбулаторию для бедных детей в одном из самых бедных римских кварталов того времени. Более двадцати лет Хельбиг ежедневно посещала амбулаторию, лично занималась финансовыми вопросами и подбором квалифицированного персонала. В целях сбора средств устраивала благотворительные вечера у себя дома, давала фортепианные концерты, продавала акварели с видами Рима. Ее дородную фигуру (в преклонном возрасте Надежда страдала от болезни нарушения обмена веществ), всегда облаченную в темную рясу, безошибочно узнавали горожане, называвшие ее «Синьора Мадама ди Трастевере».

В работе, посвященной Анне Челли, мы находим информацию, что обществом «Поддержка и труд» в 1892 г. была открыта амбулатория «Туфелька» (La Scarpetta) [13]. Та ли это амбулатория, о которой говорилось выше, не совсем понятно, но в указанном исследовании говорится, что «Туфелька» начала свою деятельность по инициативе Анджелло Челли. Далее находим, что целью нового учреждения была помощь бедным детям Трастевере, еврейского гетто и района у старой площади Монтанара, а также материальная поддержка семей маленьких пациентов. «...Как указано в записях г-жи Надин Хельбиг (1847–1922), которая координировала работу амбулатории в это время... с 1896 по 1902 год, 11.000 детей получили медицинскую помощь в этой клинике. Синьору Хельбиг... называли «матерью Трастевере» за огромный вклад в эту Педиатрическую клинику» [13]. Из небольшого отрывка воспоминаний Анны Челли, приведенных в указанной работе, можно составить определенное представление о личности Надин Хельбиг (перевод автора статьи): «...она проявила себя настолько порядочным и благородным человеком, что я умерила обиду. Тем не менее, я ей сказала, что я хочу перевестись и что я не вижу возможности соответствовать ее требованиям. Ее как будто поразило громом. «Соответствовать моим требованиям? Как вам могло прийти это в голову? Непрерывная смена методик лечения ужасна, особенно тогда, когда вам понемногу уже удастся что-то сделать! Я полна уверенности в вас и в вашей надежности». До сих пор я этой уверенности не замечала, но ее слова были мне приятны. Ведь прошло всего несколько дней, в течение которых я не показала никаких особенных способностей, а эта гениальная и раздражительная натура искренне просила меня остаться. Через некоторое время мы прибыли в клинику. «Мама» Хельбиг «царила» в амбулатории, выделяясь среди многочисленных бледных и истощенных матерей и несчастных больных детей. Те, кто видел миссис Надин Хельбиг только на ее вилле в Ланте Граниколо, ничего не могли знать о ее благородной человечности. Там это был просто художник, женщина высшего общества, здесь она была матерью всех людей...» [13].

Надежда, Вольфганг, Наталья и Дмитрий похоронены на некаталическом кладбище в Тестаччо. Елизавета и ее муж Алессандро Морани жили в Арсоли и похоронены на местном кладбище.

Благотворительницей была и правнучка Надежды Дмитриевны — Паолина Морани. В Арсоли существует церковь St.Trinità (Санта-Трени́та — Святая Троица), построенная на средства Паолины и расписанная ею. В честь Паолины Морани названа также городская площадь.

Список использованных источников и литературы

1. Дочери Милосердия св. Винсента де Поля: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.filles-de-la-charite.org/en/about.aspx> (12.12.2011).
2. Максимова Л.Б. Княгиня Наталья Борисовна Шаховская и основанная ею община «Утоли моя печали» / Л.Б. Максимова // Вестник церковной истории. М., 2006. № 4. С. 237–240.
3. Сименюто О.О. Призвание женщины, как сестры милосердия у постели больного; Жизнь сестры милосердия, как семьянинки в общине и ее отдых; Сестра милосердия, как общественная деятельница в борьбе с нищенством и проституцией : Лекция, чит. 7 марта 1910 г. в Спб. гор. думе / О.О. Сименюто. СПб.: Отечеств. тип. 1910.
4. Отчет по Московской городской Александровской общине сестер милосердия «Утоли моя печали»... за 1895 г. I II Очерк XXX-летия существования Общины / сост. С.А. Кельцев. 1896.
5. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 16. (Дело о развитии деятельности Общества, с разными предложениями и заявлениями по этой деятельности (Нач. 23 июня 1873 г. — Кон. 6 мая 1876 г.)).
6. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 23. (Дело по сношению с Общиною Утоли моя Печали в г. Москве (Нач. 4 июля 1874 г. — Кон. 23 ноября 1876 г.)).
7. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 1. (Дело канцелярии Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах о приговаривании сестер милосердия и санитарной прислуги (Нач. 12 марта 1868 г. — Кон. 20 мая 1876 г.)).
8. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 3. (Дело об учреждении в Москве местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах (Нач. 16 сентября 1867 — Кон. 12 февраля 1872)).
9. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 8. (Дело о составлении нормальных правил для подготавливания женщин к уходу за больными и ранеными (Нач. 28 января 1872 — Кон. 19 октября 1876 г.)).
10. Рицци Д. По материалам энциклопедии // Вопросы литературы. М., 2013. № 3: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/3/> (12.03.2014).
11. Тестаччо. Некаатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений / сост. В. Гасперович, М.Ю. Катин-Ярцев, М.Г. Талалай, А.А. Шумков // Российский Некрополь. № 6. СПб.: ВИРД, 1999.
12. Я плакал о всяком печальном: Жизнеописание протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. А. Александрова. М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2003.
13. Anna Celli — Biblioteca Medica — Arcispedale S. Maria Nuova: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://biblioteca.asmn.re.it/> (03.05.2014).

Иллюстрации

Рис. 1. Местонахождение Гжельской волости.
«Географическая карта Московской провинции».
1774 г.

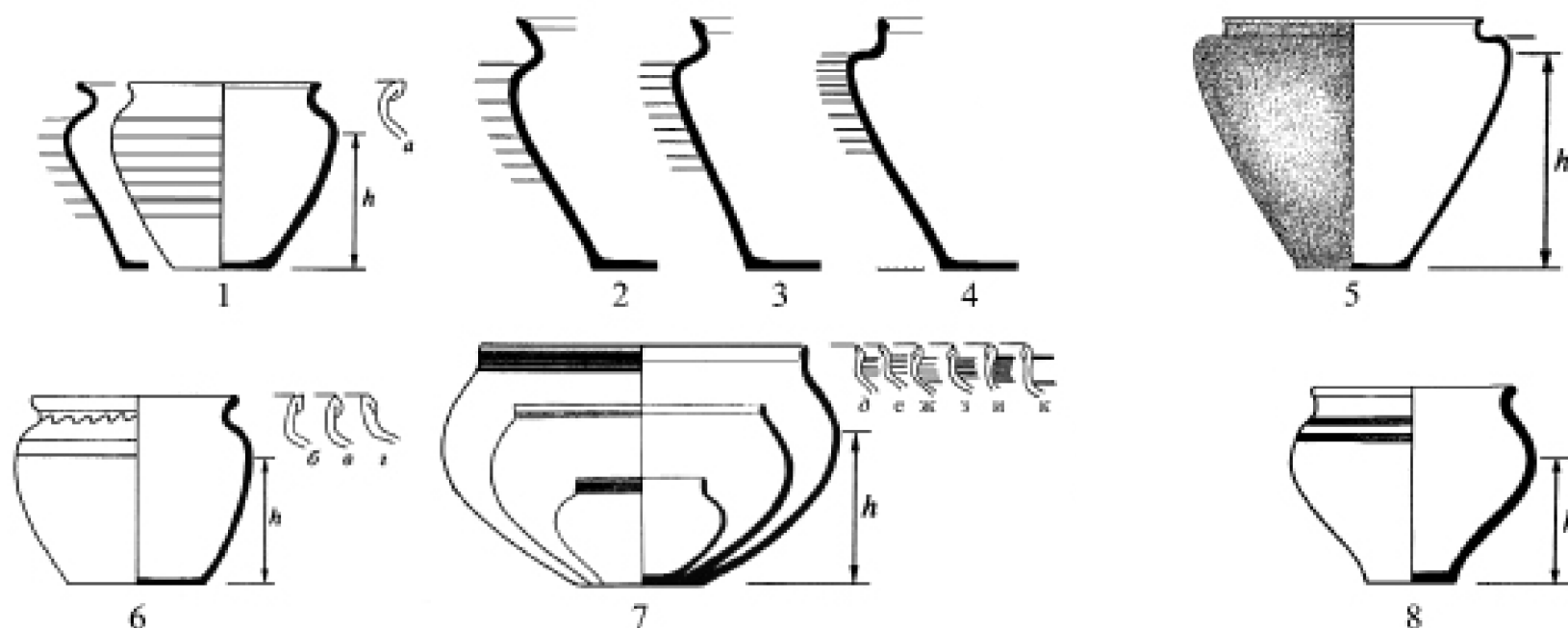

Рис. 2. Формы московских горшков XIII–XVIII вв. различных типов: 1 — группа т.н. серых, раннемосковских, XIII–XIV вв.; 2 — группа т.н. красных грубых, с середины XIV в.; 3 — группа т.н. красных гладких, ранняя, конец XIV–начало XV в.; 4 — группа т.н. красных гладких, с середины XV в.; 5 — группа т.н. красных гладких, с начала XVI в.; 6 — группа гжельских (МБК-1), вторая половина XVI в.; 7 — группа коломенских (МБК-2), вторая половина XVII в.; 8 — группа гжельских (?) МБК-3, середина XVIII в.; а–к — варианты венчиков с заворотом «чернового» края наружу [47, табл. 34, 85, 123, рис. 1, с. 37; 71, табл. 15, 16, табл. 16, 17; 36, рис. 1, с. 99]

Группа	Класс	Тип	Вариант
Вертикальные	3	1	 Д-20 см
		2	 Д-10 см
	6	1	 Д-16 см
		2	 Д-16 см
Отогнутые наружу и изогнутые	24	1	 Д-16 см
		2	 Д-12 см
	29	1	 Д-20 см
		2	 Д-20 см
Наклоненные внутрь сосуда	39	1	 Д-28 см
		2	 Д-14 см
	41	1	 Д-14 см
		2	 Д-14 см

Рис. 4. Белоглиняная керамика конца XV — начала XVI в. городища Боровский курган: классификация венчиков горшков гжельской группы (МБК-1) [63, рис. 6, с. 339–340]

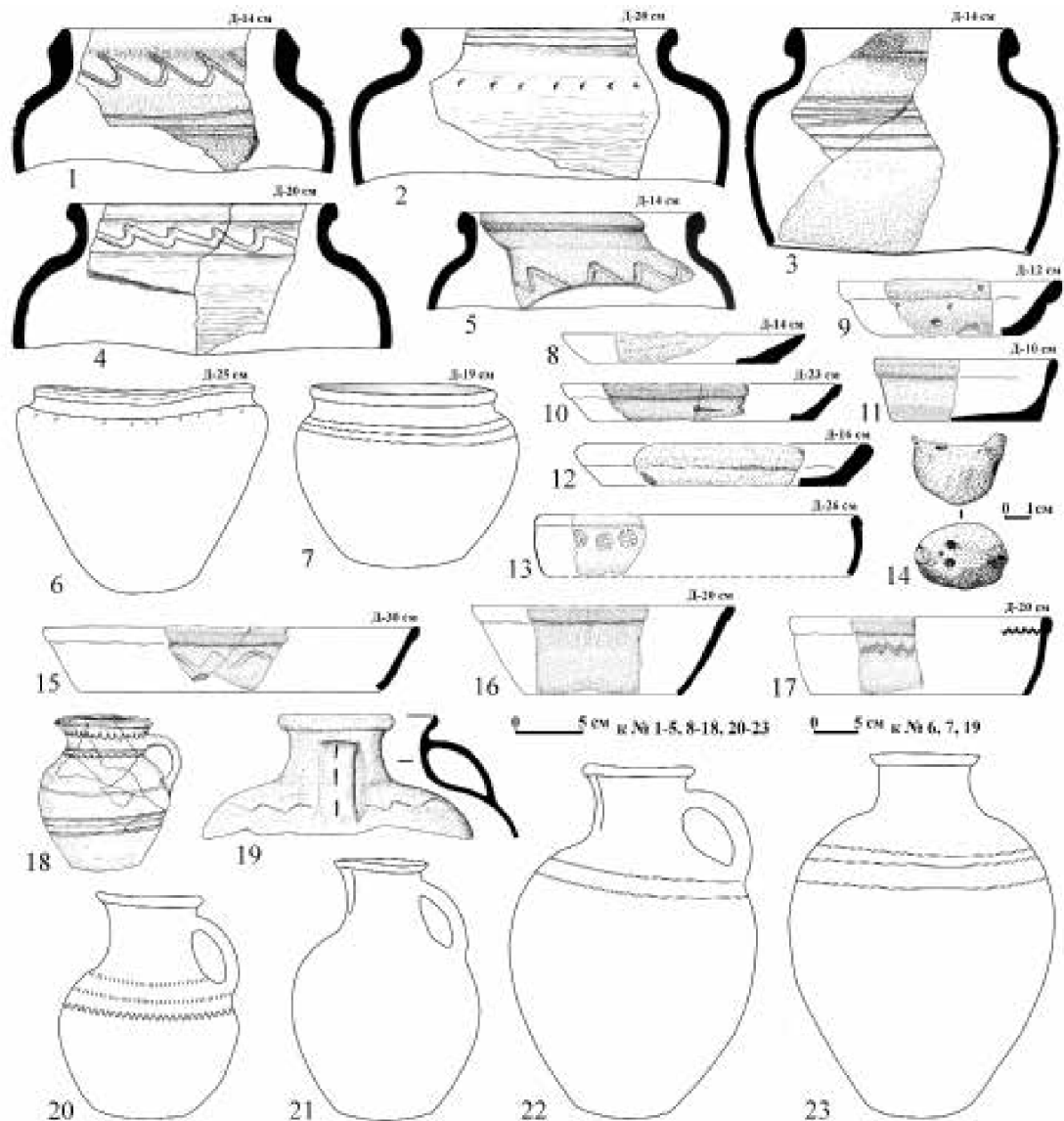

Рис. 5. Белоглиняная керамика Гжели XVI в.
из раскопок Никитского погоста (Метко-
мелинского II-го селища) и Бахтеевского селища

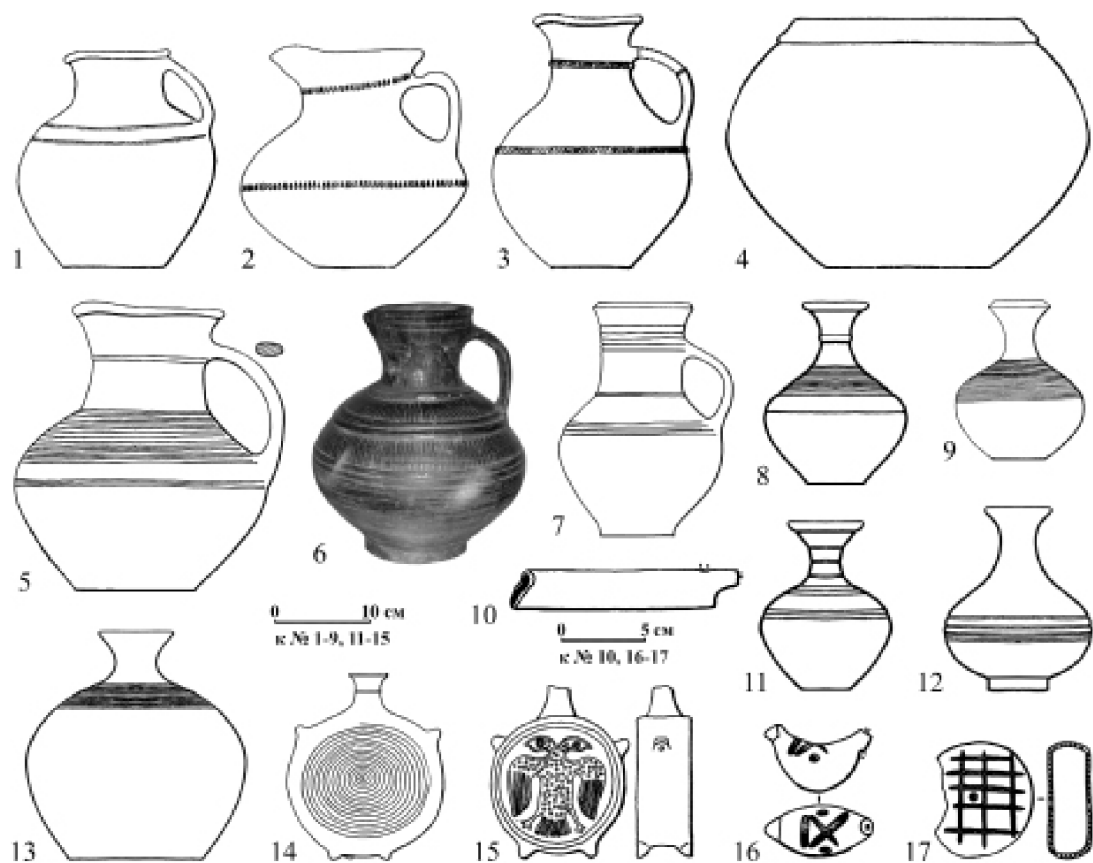

Рис. 6. Гончарная керамика Гжели XVI–XVIII вв.:
1–4 — белоглиняная, 5–14 — чернолощеная, 15 —
поливная, 16–17 — белоглиняная расписная [71,
табл. 15, 16, табл. 16, 17]

Рис. 7. Гончарная керамика Гжели XIX — начала XX в. (1–13) и изделия кустарей 1920-х гг.: игрушки (14–16, 19, 20), кукольная головка (17), скульптуры (18, 21, 22, 24), ваза (23), копилки (25–26)

1.

2.

4.

5.

7.

8.

3.

6.

9.

1. Копейка «М». О.с. на «русском языке». Иоганн Пост. Копенгаген, Дания. 0,48. М. 2012. Т. 11, 4-4. Кл., Гр. № 740 (VIII гр.).
2. Копейка «Р». О.с. с именем царя Михаила Федоровича. Иоганн Пост. Копенгаген, Дания. 0,55. М. 2012. Т. 11, 7-7. Кл., Гр. № 730 (VII гр.).
3. Копейка «Р». О.с. с именем царя Михаила Федоровича. Иоганн Пост. Копенгаген, Дания. 0,72. М. 2012. Т. 11, 7-8. Кл., Гр. № 731 (VII гр.).
4. Копейка «Р». О.с. имеет зеркальное вогнутое изображение всадника. Л.с. Иоганн Пост. Копенгаген, Дания. 0,64. М. 2012. Т. 11, л.с. № 7 (VII гр.).
5. Копейка «М». О.с. с именем короля Христиана IV. Альберт Дионис. Глюкштадт, Шлезвиг-Гольштейн, территория Дании. 0,48. М. 2012. Т. 11, 8-9. Кл., Гр. № 743 (IX гр.).
6. Копейка «М». О.с. с именем короля Христиана IV. Альберт Дионис. Глюкштадт, Шлезвиг-Гольштейн, территория Дании. 0,47. М. 2012. Т. 11, 8-11. Кл., Гр. № 744 (IX гр.).
7. Копейка «М». О.с. с именем царя Михаила Федоровича. Альберт Дионис. Глюкштадт, Шлезвиг-Гольштейн, территория Дании. 0,52. М. 2012. Т. 11, 8-16. Кл., Гр. № 746 (IX гр.).
8. Копейка «М». О.с. с именем короля Христиана IV. Альберт Дионис. Глюкштадт, Шлезвиг-Гольштейн, территория Дании. 0,48. М. 2012. Т. 11, 10-9. Кл., Гр. № 761 (IX гр.).
9. Копейка «М». О.с. с именем царя Михаила Федоровича. Альберт Дионис. Глюкштадт, Шлезвиг-Гольштейн, территория Дании. 0,48. М. 2012. Т. 11, нет-13 (М. 2012. Рис. 81). Кл., Гр. о.с. № 13, № 763 (IX гр.).

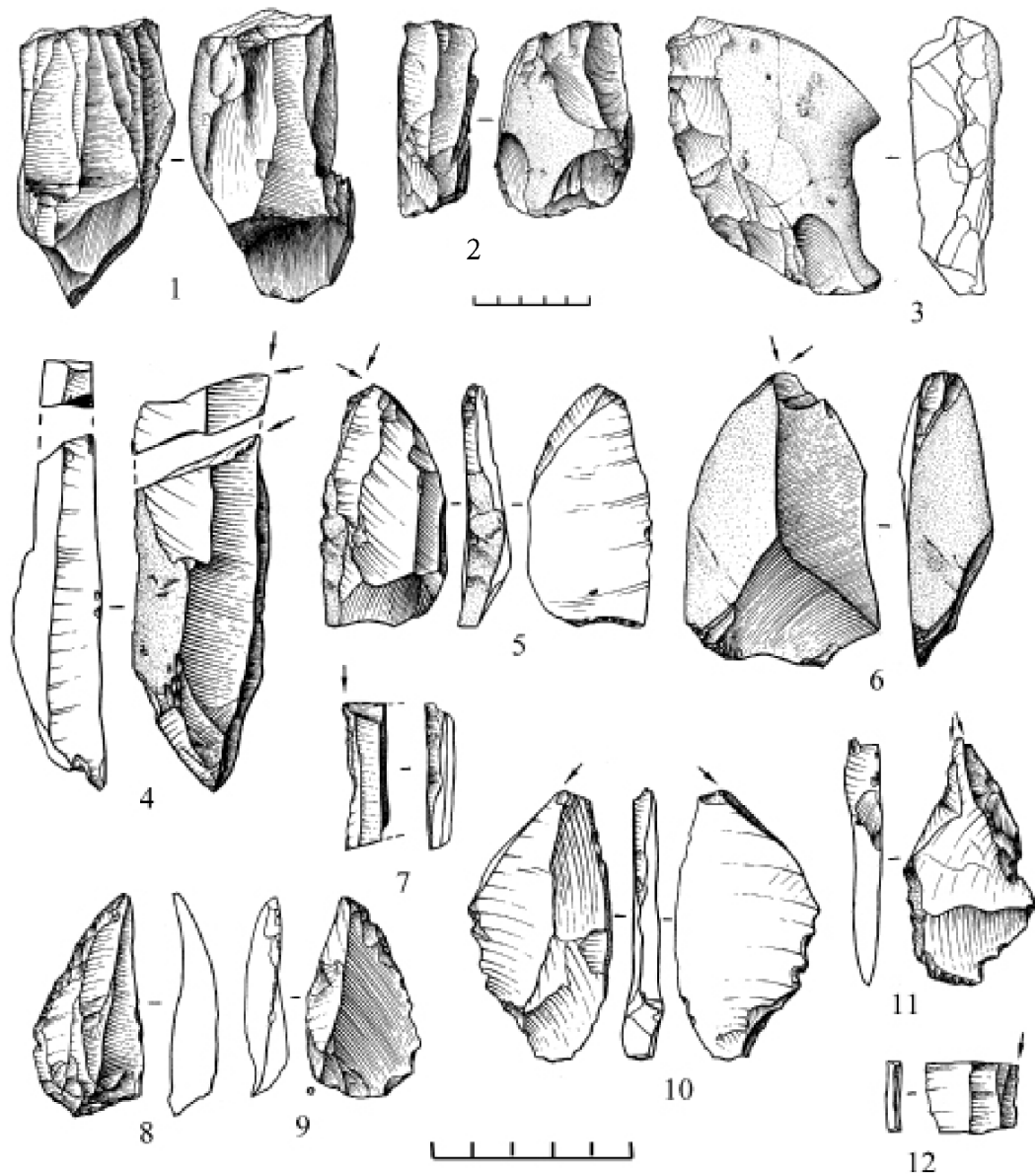

Рис. 1. Стоянка Трегубово. Кремневые изделия (Трусов, 2004): 1–12

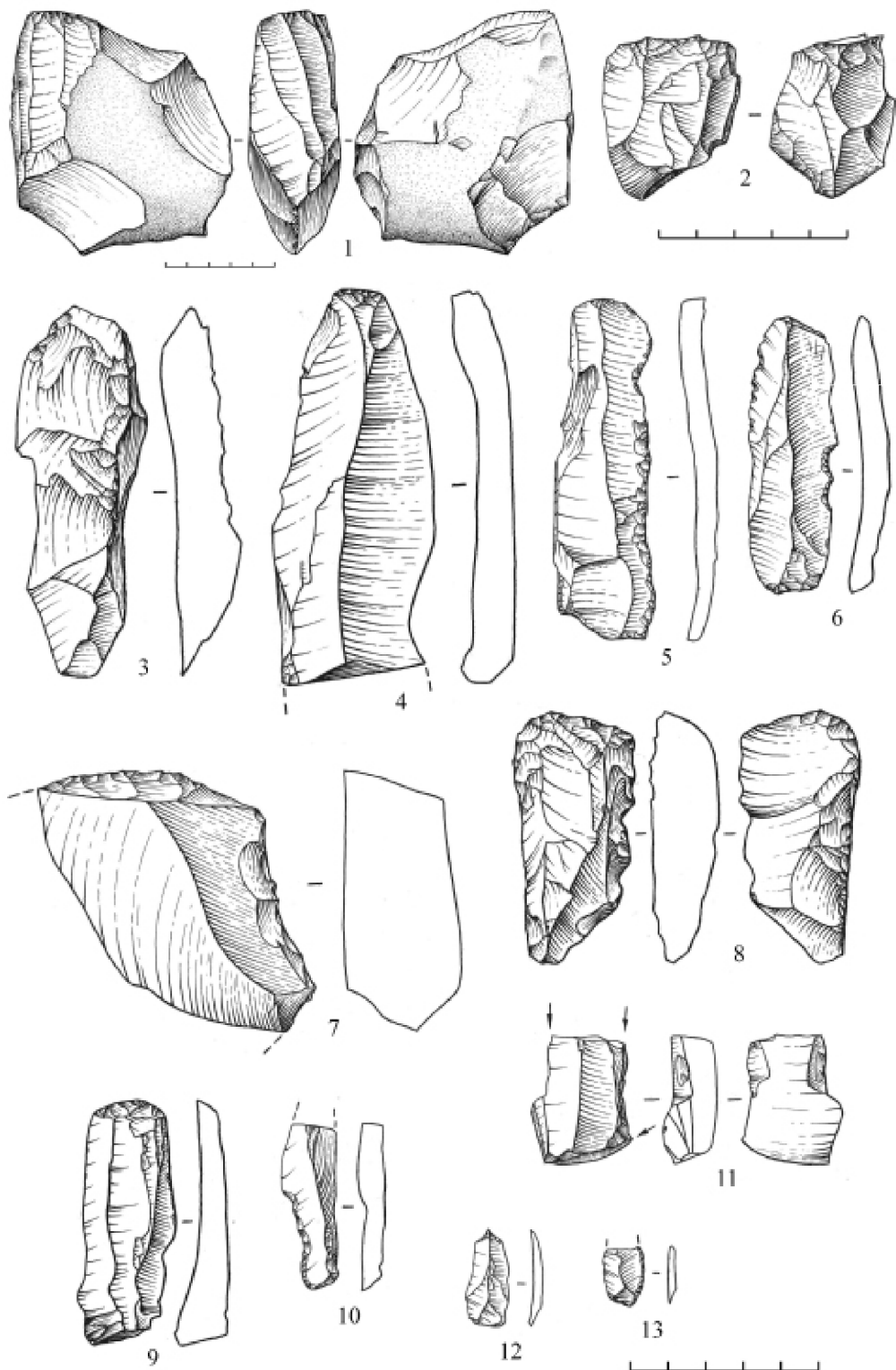

Рис. 2. Стоянка Клушино. Кремневые изделия (Трусов, 2009): 1–13

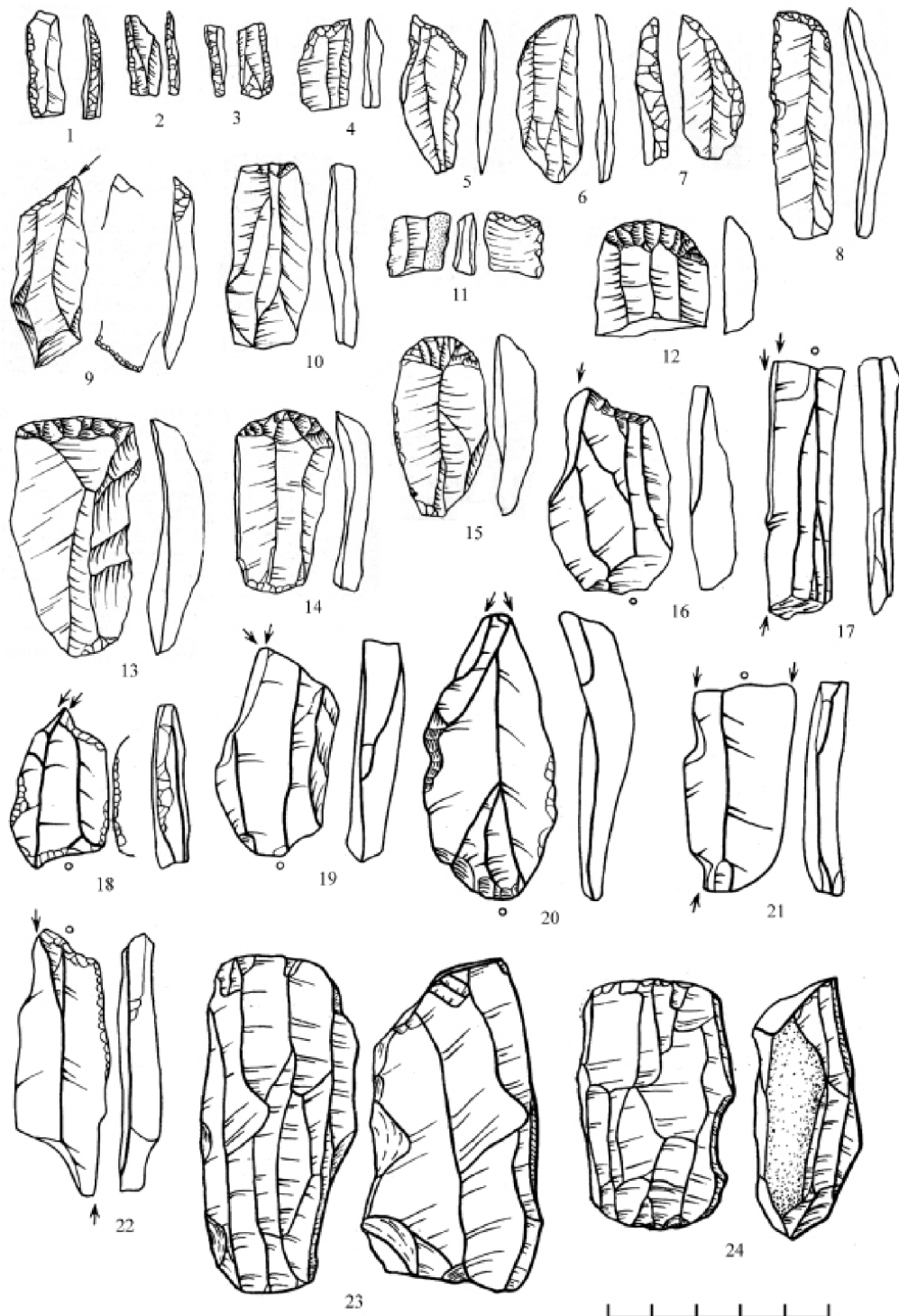

Рис. 3. Стоянка Заозерье. Кремневые изделия (Фролов, 1987а): 1–24

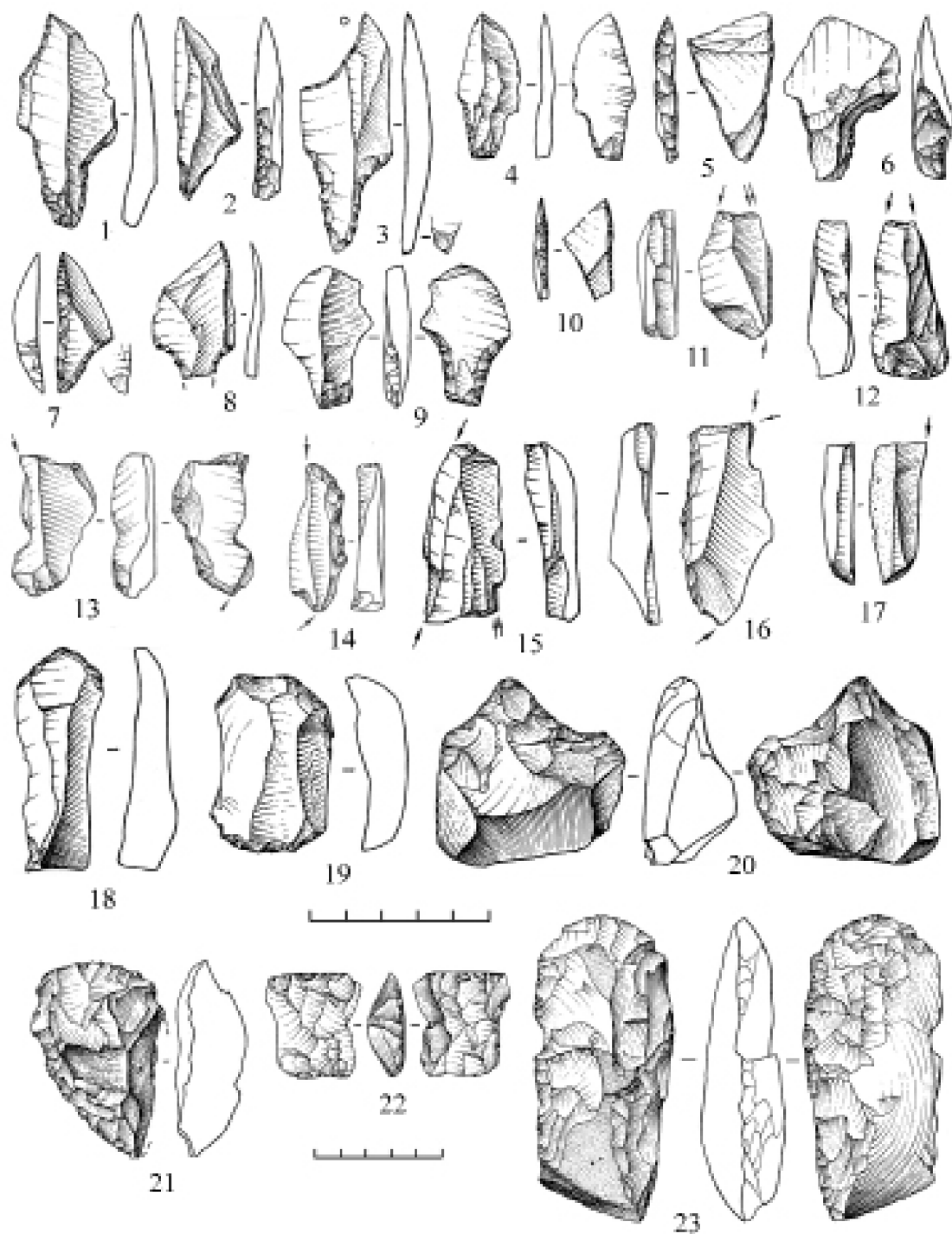

Рис. 4. Стоянка Ростиславль. Кремневые изделия
финальнопалеолитических скоплений А и Б
(Трусов, 2011, с. 208–214): 1–23

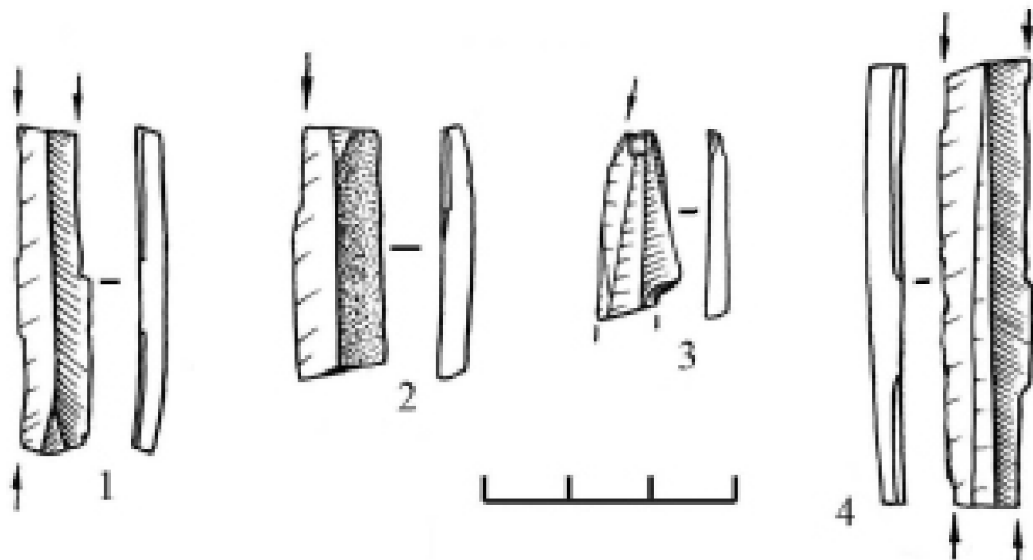

Рис. 5. Орудия мезолитического времени
стоянки Ростиславль. Скопление Б
(раскоп 2): 1–4

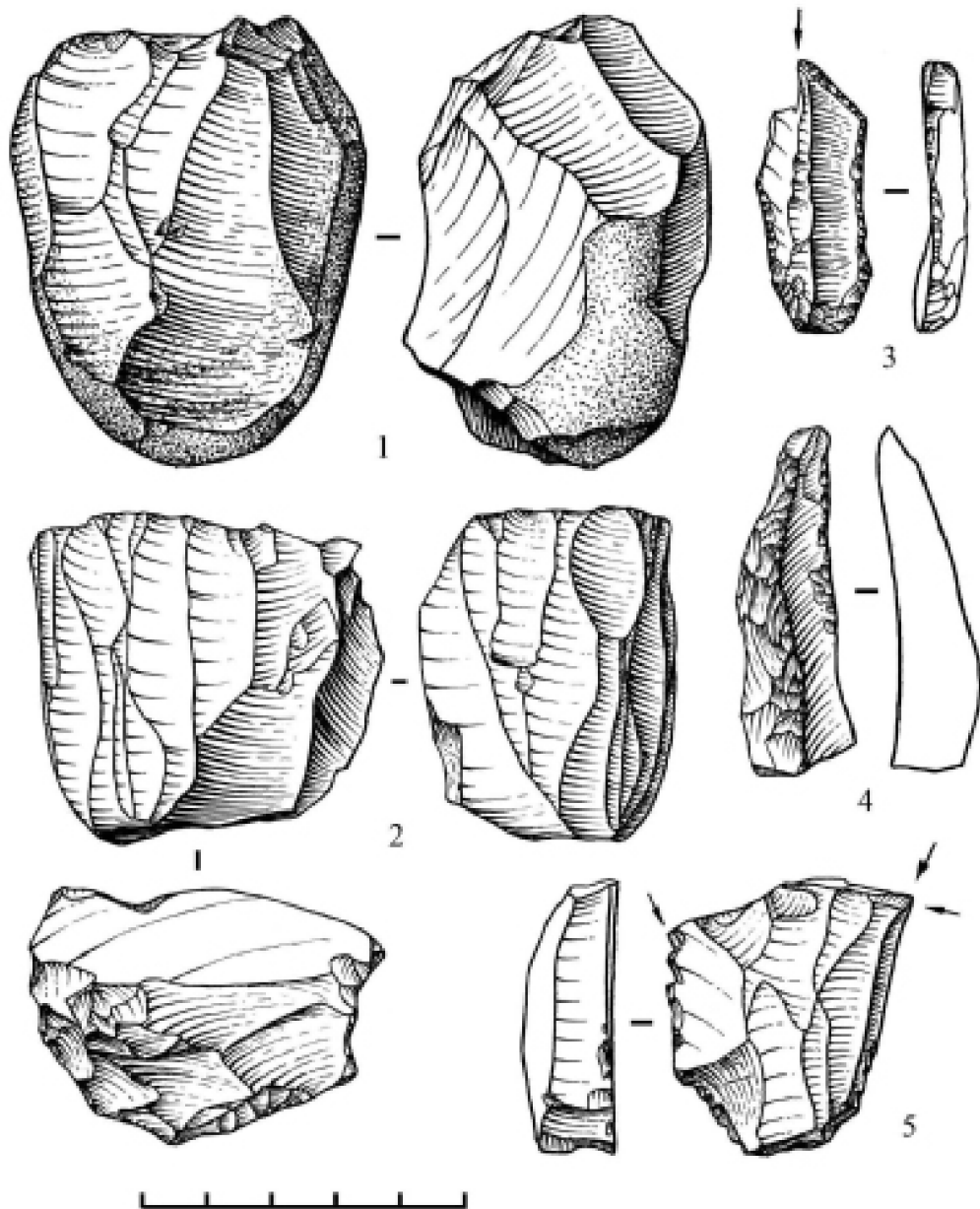

Рис. 6. Стоянка Ростиславль. Кремневые изделия верхнепалеолитического комплекса (Трусов, 2001, с. 204): 1–5

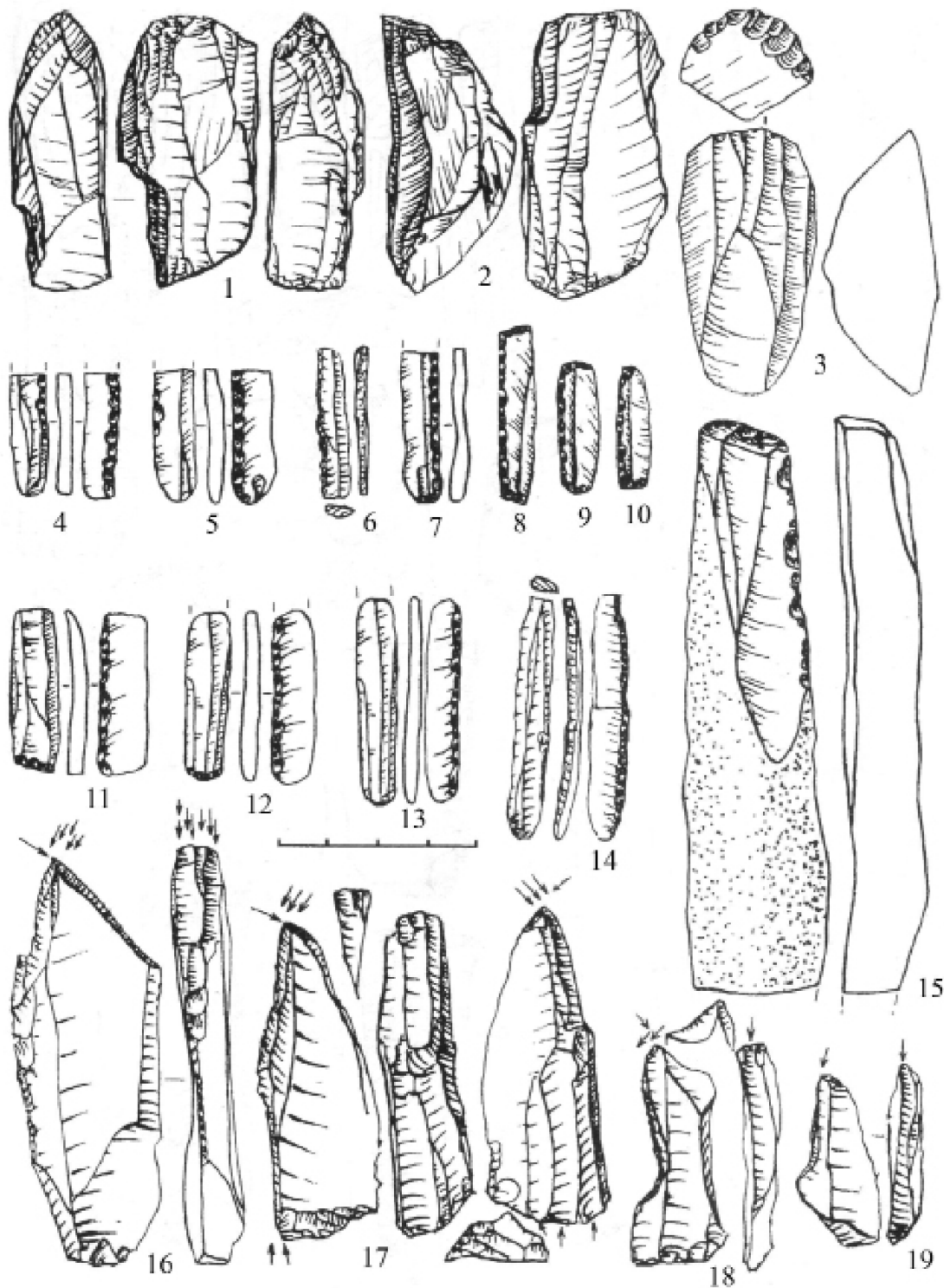

Рис. 7. Колтово. Кремневые изделия
(Сидоров, 2002): 1–19

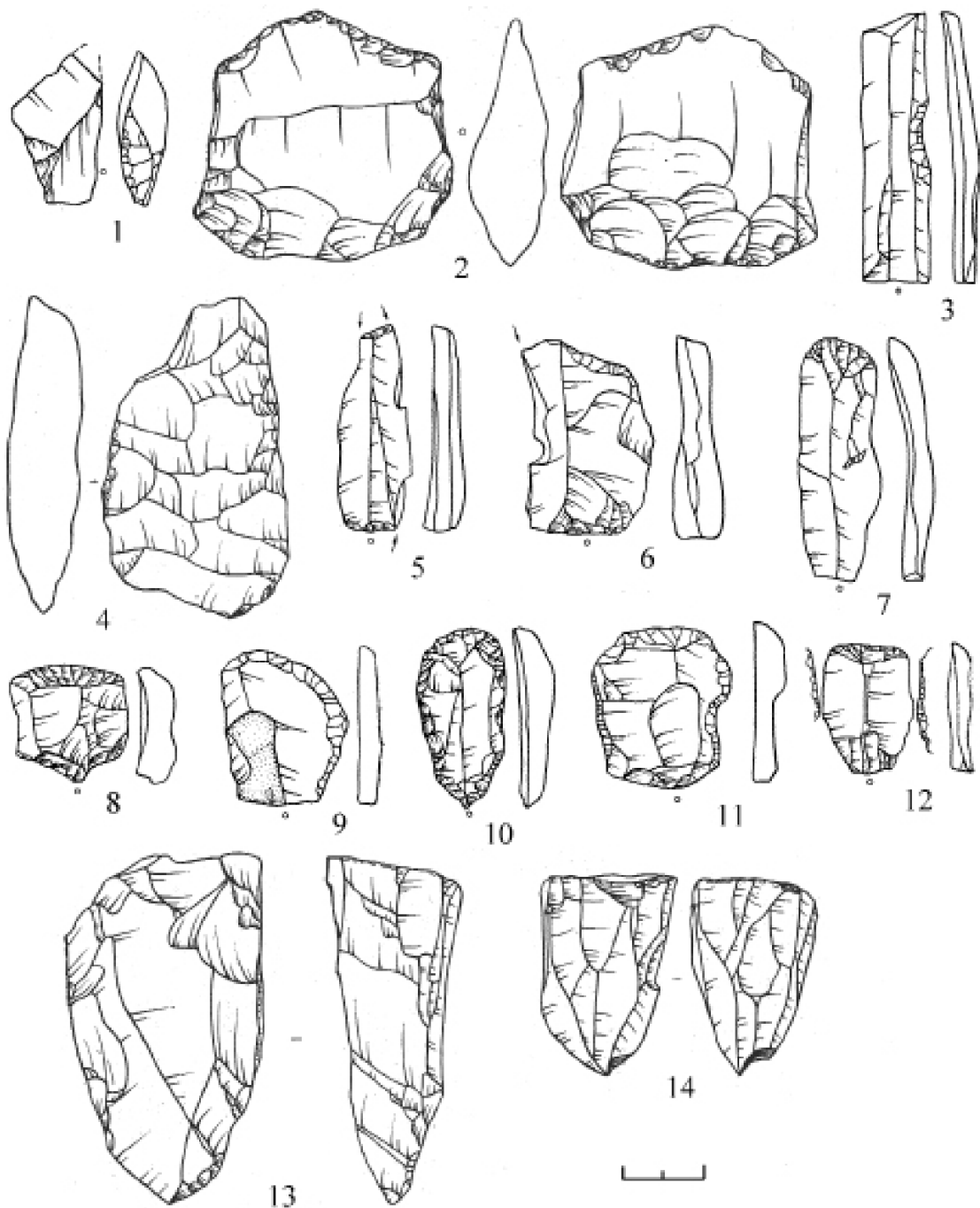

Рис. 8. Стоянка Заозерье 2. Кремневые изделия (Фролов, 1987 6): 1–14

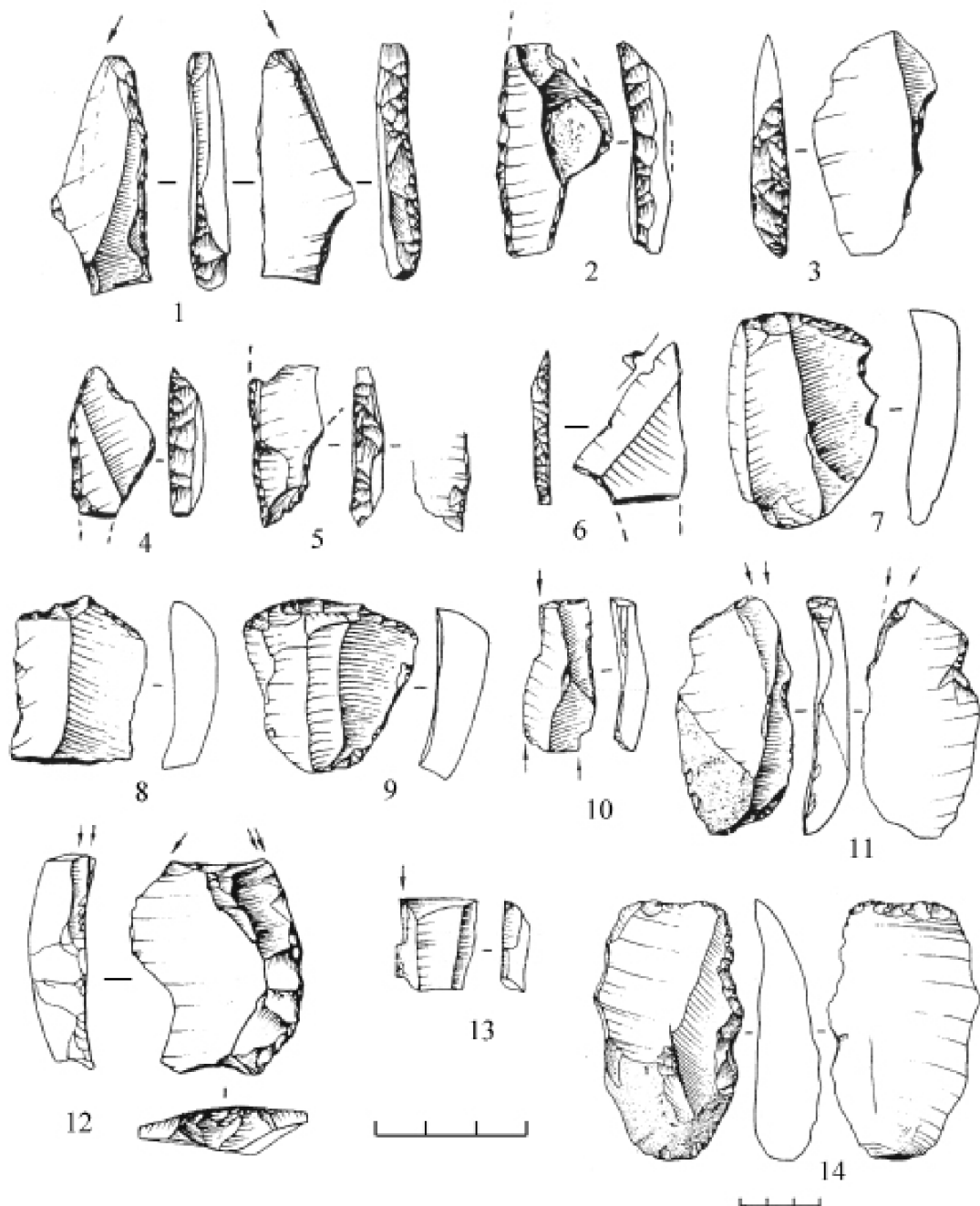

Рис. 9. Стоянка Поречье. Кремневые изделия (Трусов, 2000, с. 21–24): 1–14

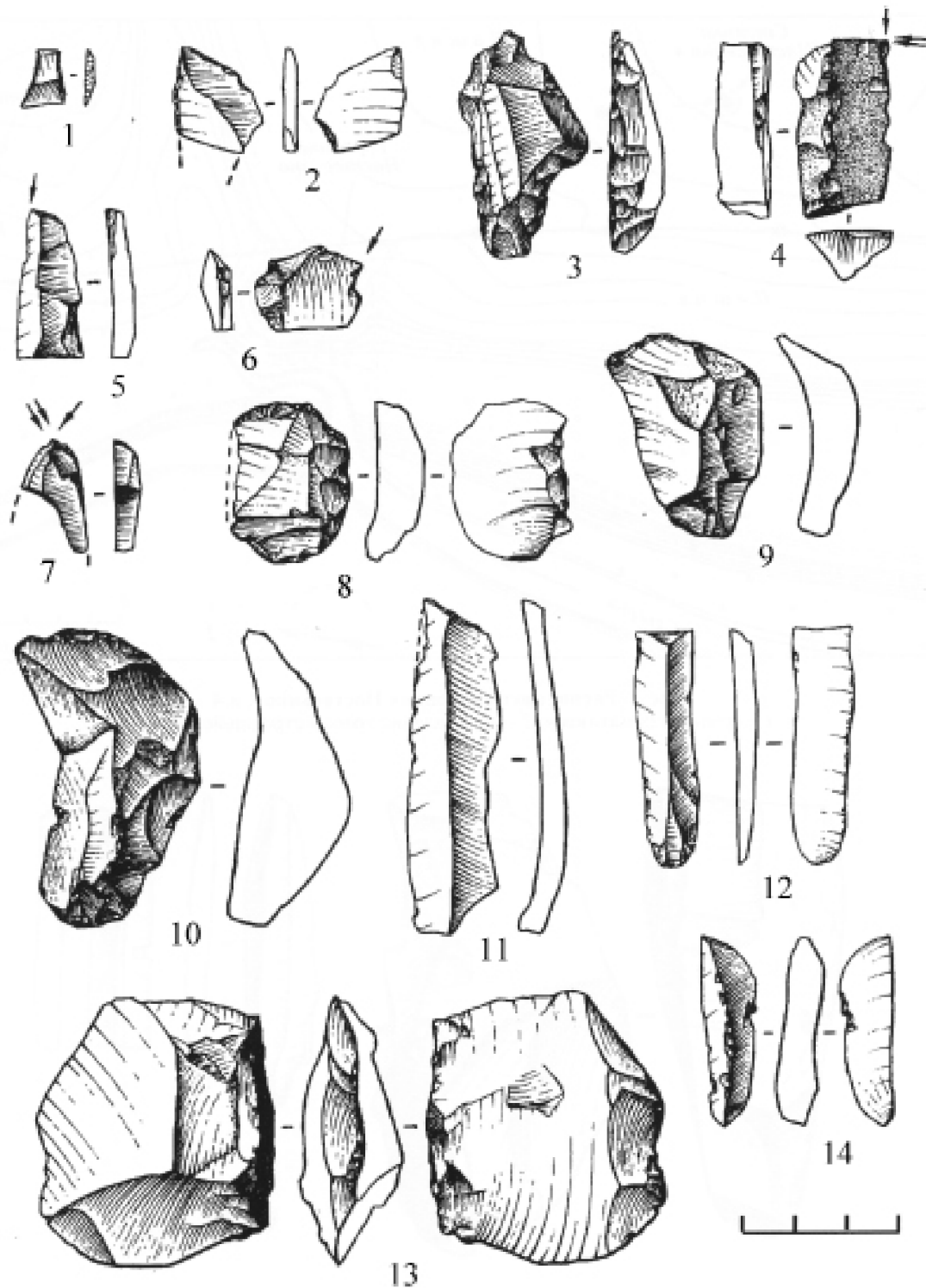

Рис. 10. Настасьино 2. Кремневые изделия
(Трусов, Энговатова, Панченко, 2004, с. 92):
1-14

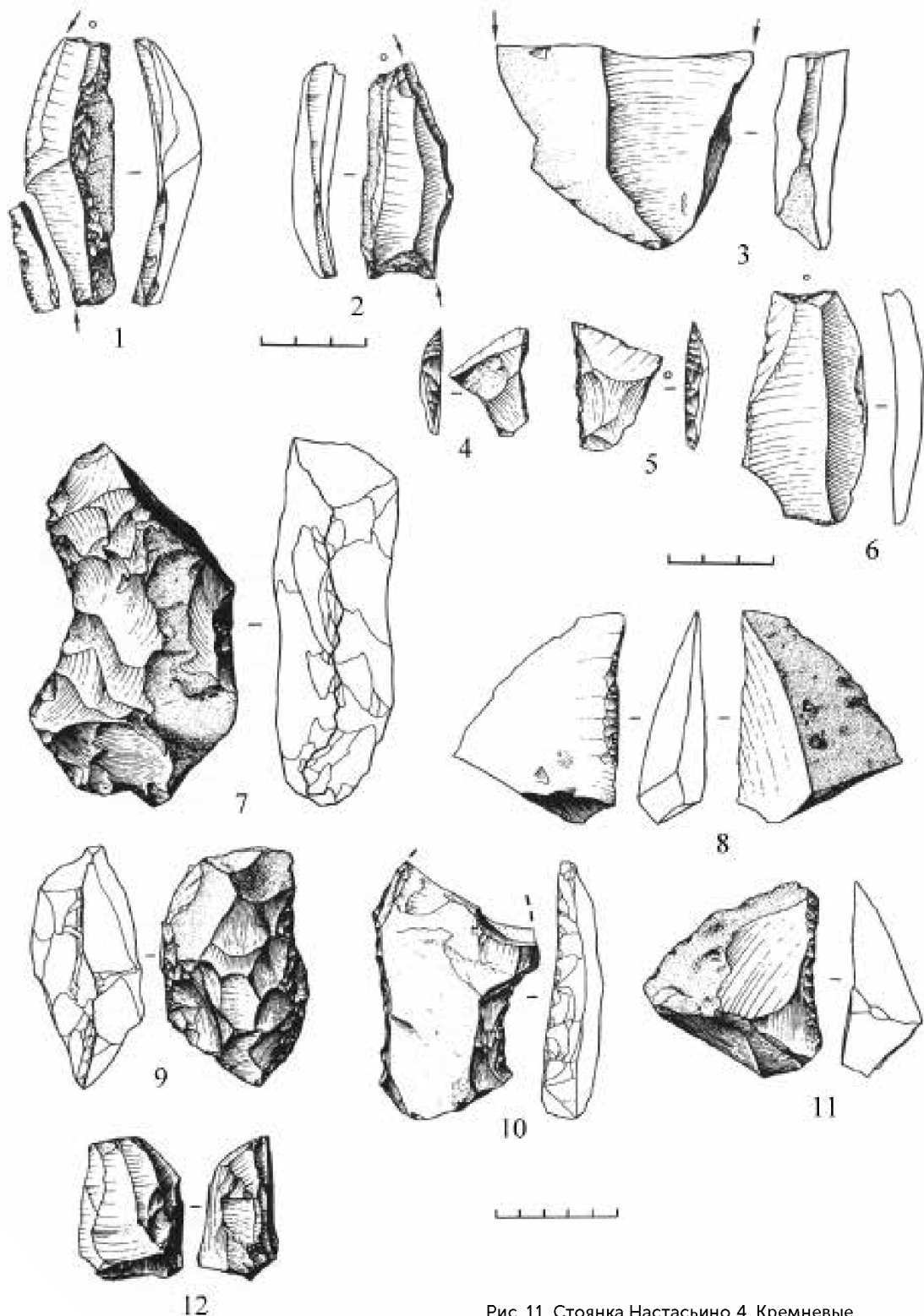

Рис. 11. Стоянка Настасьино 4. Кремневые изделия (Трусов, Энговатова, Панченко, 2004, с. 94–95): 1–12

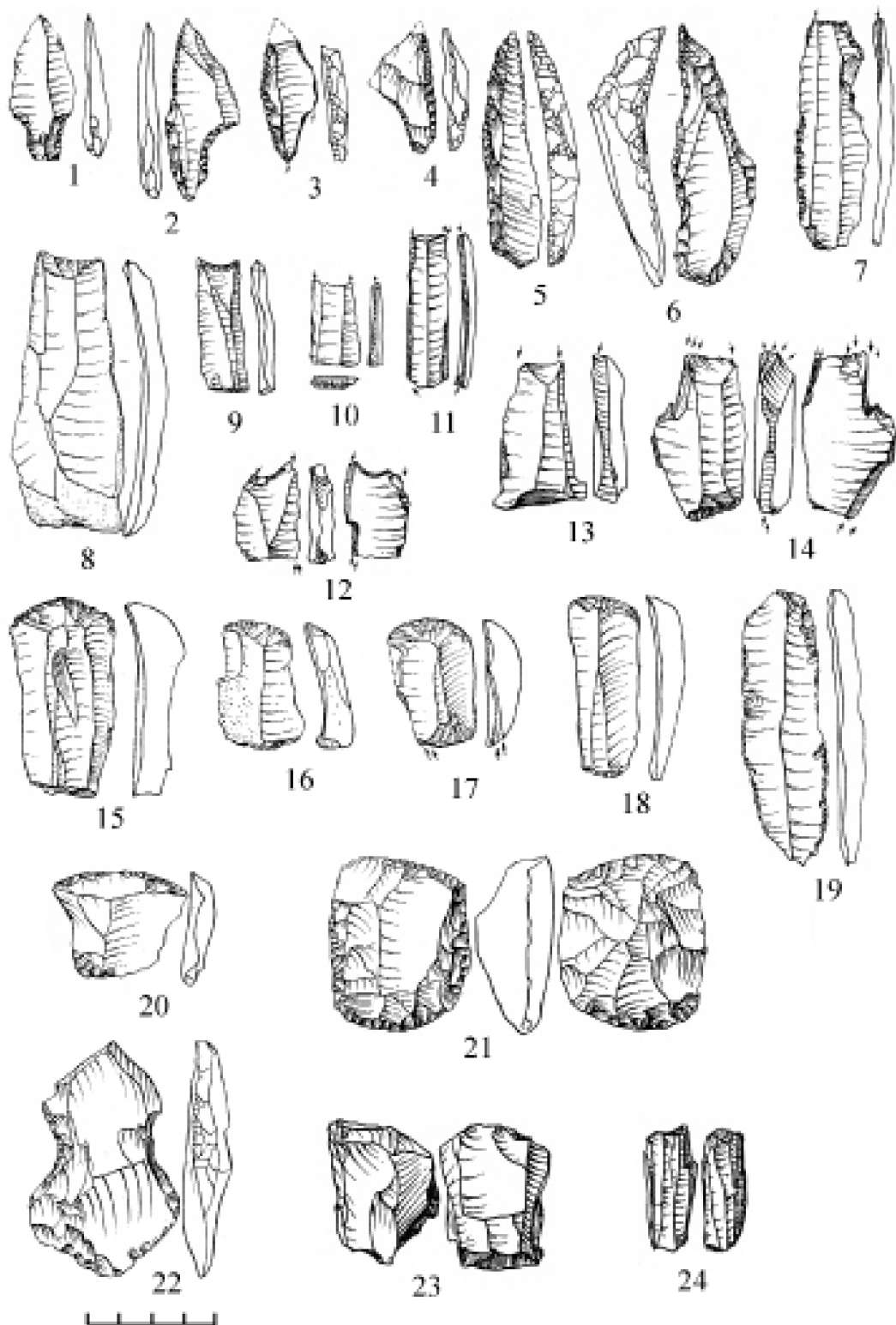

Рис. 12. Кремневые изделия стоянки Дальний Остров (Сидоров, Жилин): 1–24

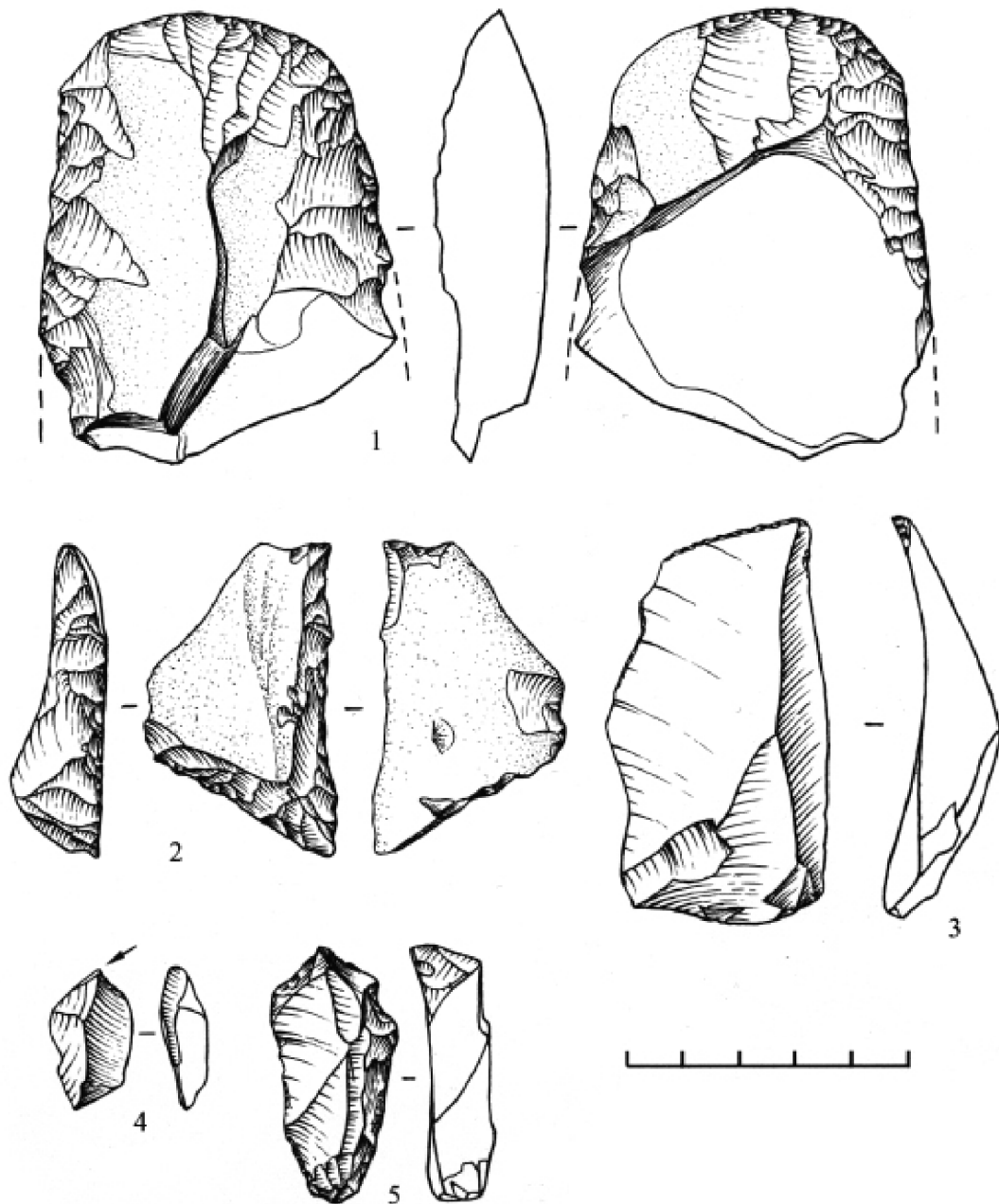

Рис. 13. Стоянка Хатунь. Кремневые изделия
(Трусов, 2006): 1–5

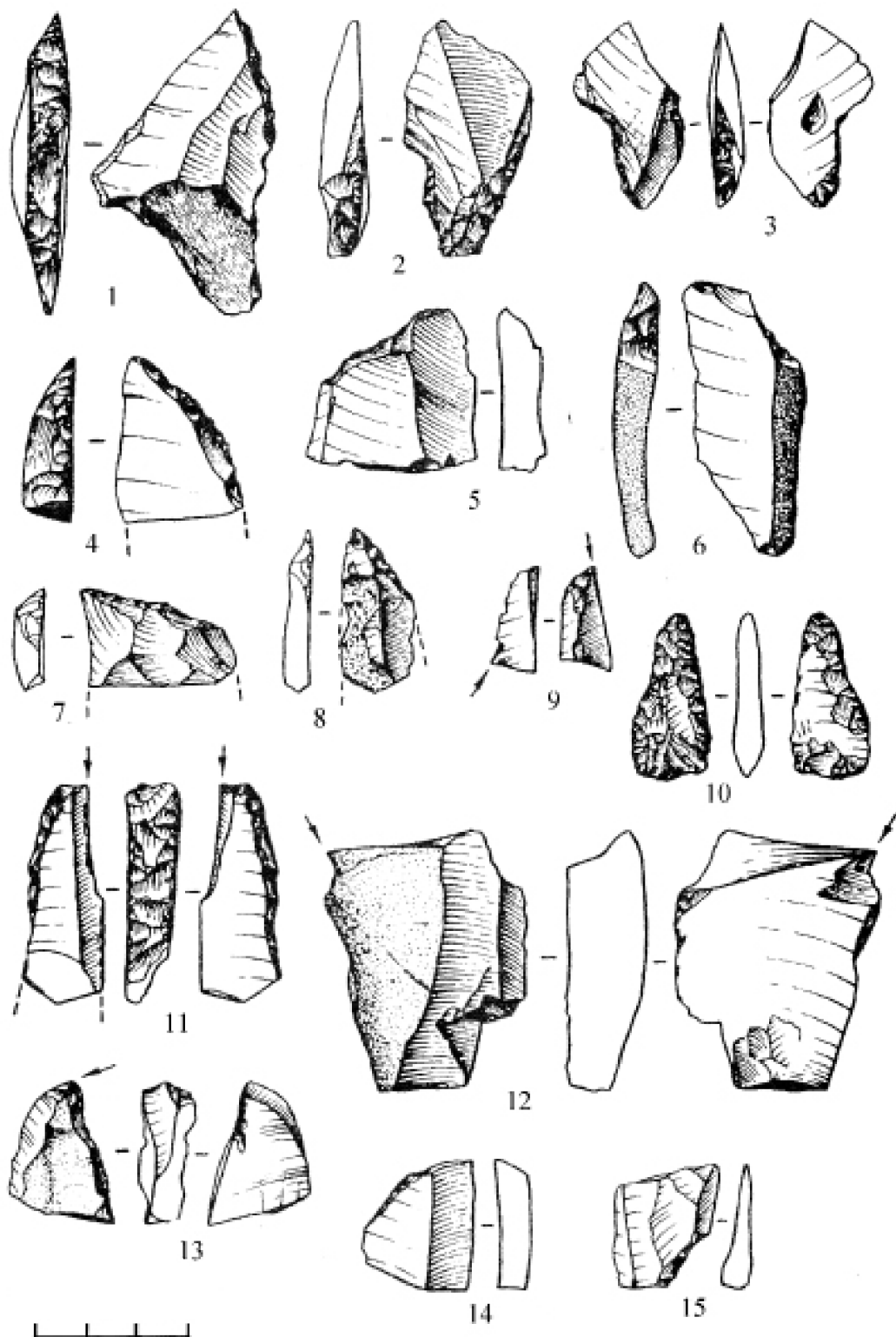

Рис. 14. Стоянка Куково 1. Кремневые изделия (Трусов, 2000, с. 13): 1–15

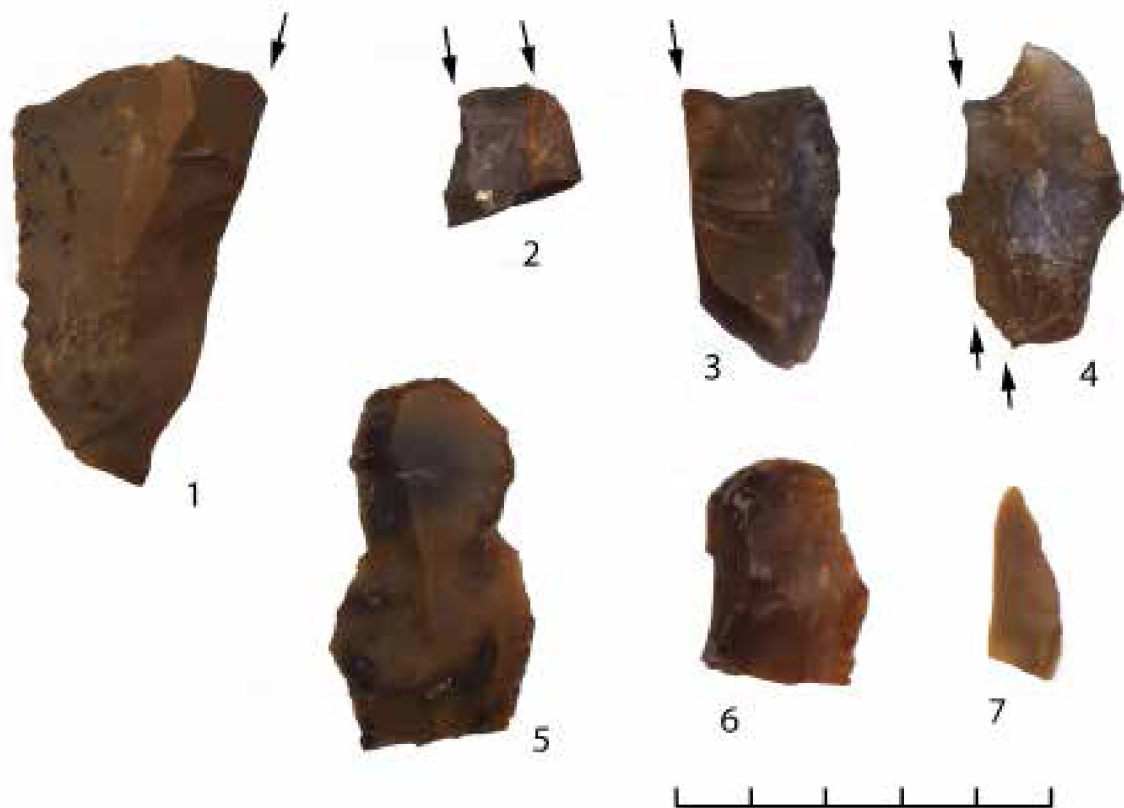

Рис. 15. Иванчиково 1. Кремневые изделия:
1–7

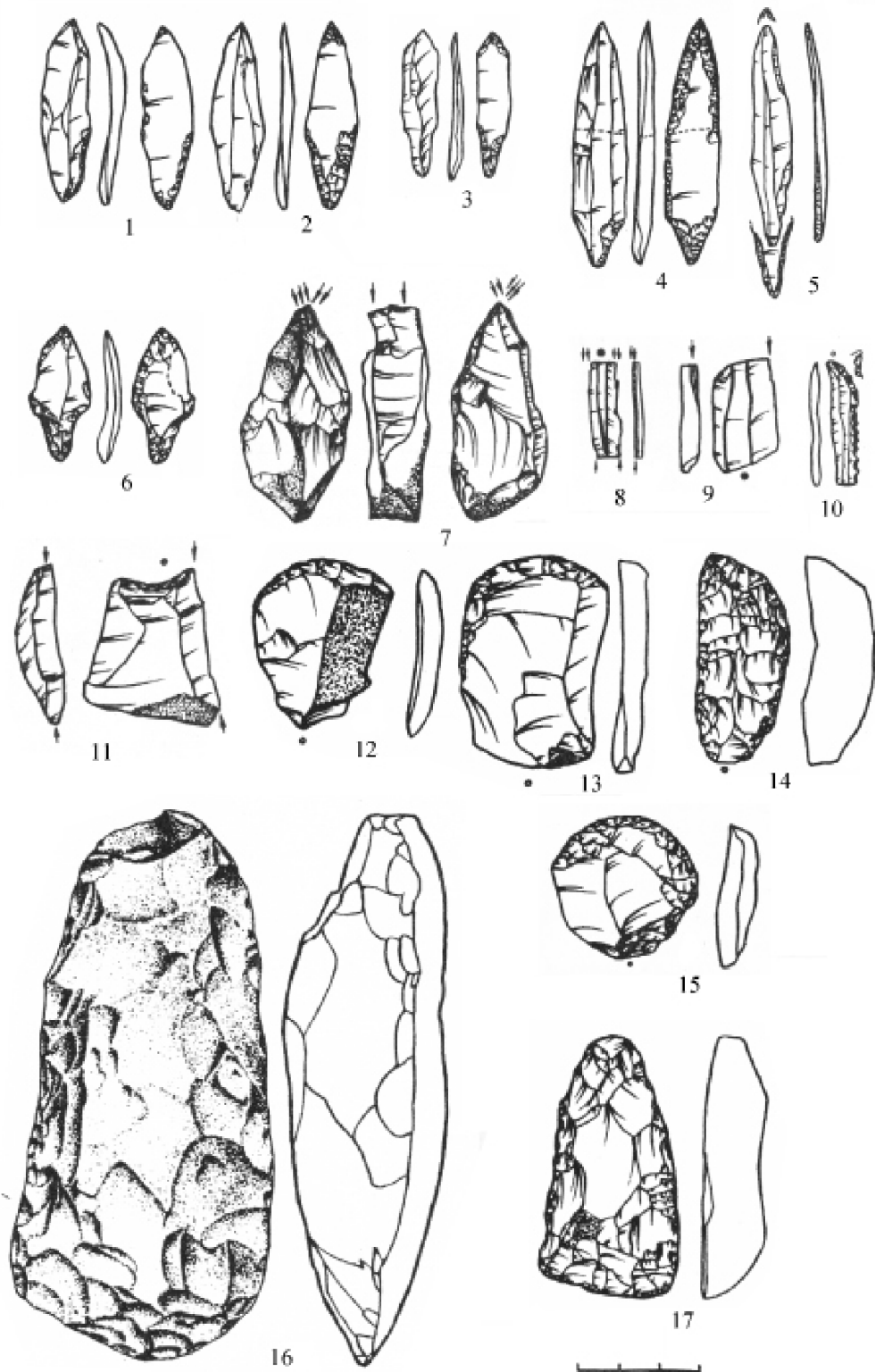

Рис. 16. Стоянка Черная 1. Кремневые изделия (Трусов, 2006): 1–17

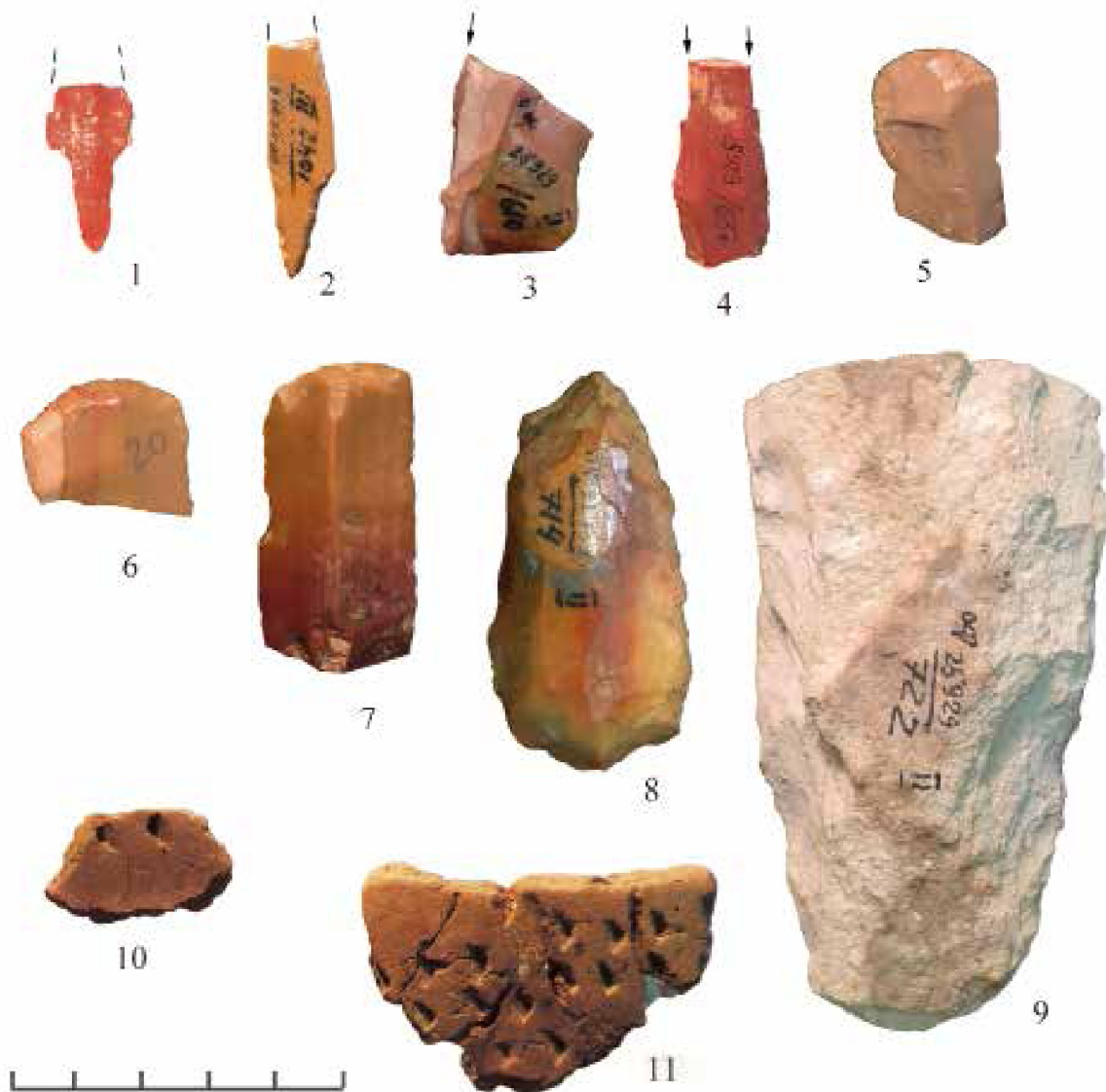

Рис. 17. Стоянка Жабки 3. Каменные изделия и керамика: 1–11

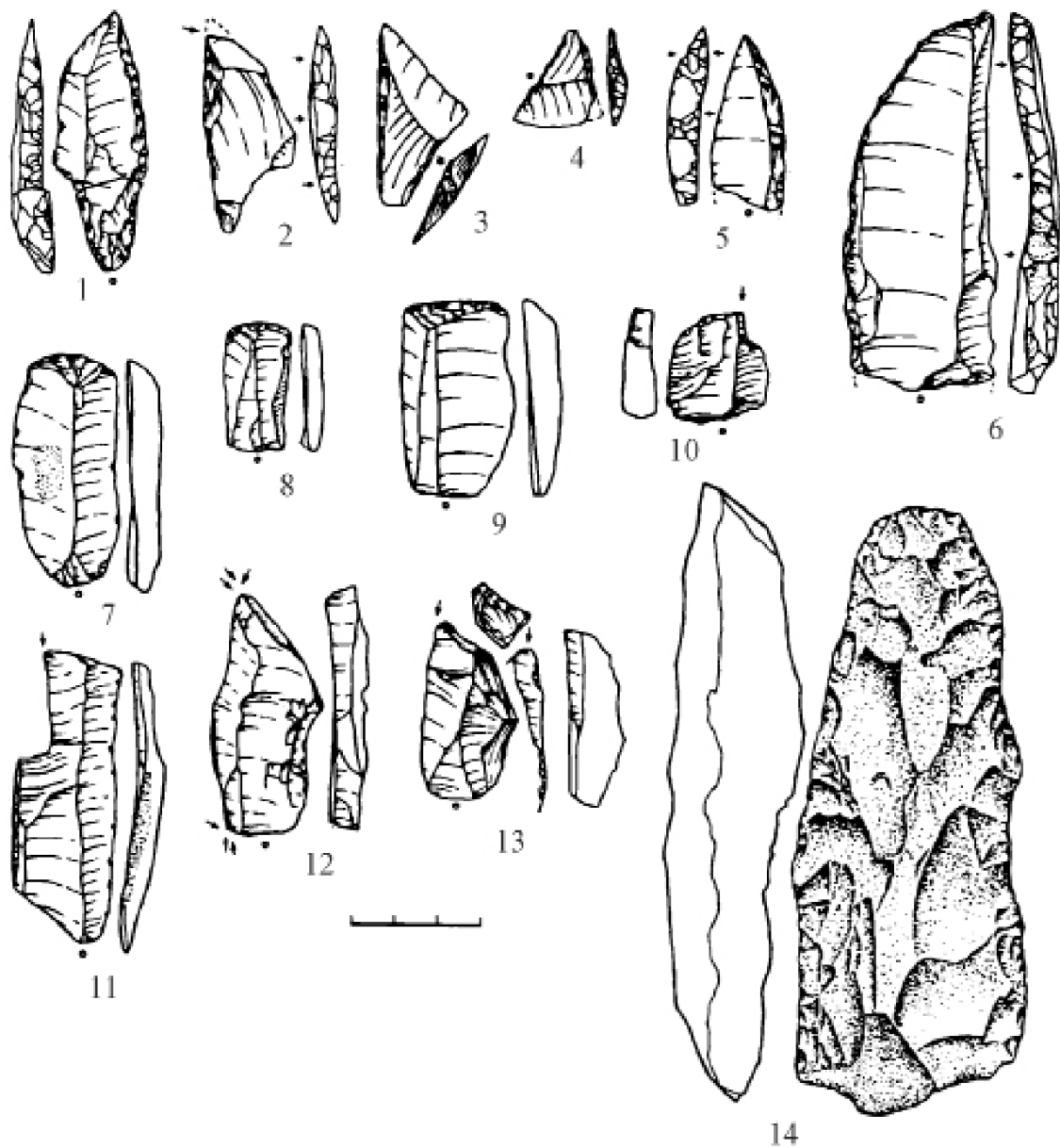

Рис. 18. Каменные изделия стоянки Беливо 4г
(Кравцов, Жилин, 1995): 1–14

Рис. 1. Двускатно-пластинчатая
гrywна из собрания Музея
Москвы

Рис. 2. Оборот двускатно-
пластинчатой gryвны

Рис. 3. Центральная часть двускатно-
пластинчатой gryвны

Рис. 1. Клад железных колец из Троицкого городища. Ранний железный век

Рис. 3. Монеты из испанского клада XVII в.

Рис. 4. Медный таз. В этом тазу московские археологи нашли более 3000 испанских монет XVII в.

Рис. 2. Ипатьевский хозяйственно-оружейный клад

Рис. 5. Интерьер выставки

Городской голова Н.А. Алексеев и благоустройство МОСКОВСКИХ МОСТОВЫХ В КОНЦЕ XIX века

Резюме

В статье исследована проблема благоустройства мостовых Москвы городским самоуправлением. Особое внимание уделено личности московского городского головы Н.А. Алексеева (1852–1893) — энергичного руководителя Московской городской думы и управы в 1885–1893 гг., внесшего значительный вклад в развитие древней столицы России. Статья написана на основе материалов Центрального исторического архива г. Москвы, статистических данных, с привлечением материалов периодической печати, мемуаров современников.

Ключевые слова

Московские мостовые, Московская городская дума, московский городской голова Н.А. Алексеев.

«Мостовые всегда были египетскою казнью москвичей»

«Транспортный коллапс»... Это понятие вошло в жизнь москвичей в начале XXI столетия. К сожалению, дорожные проблемы во все времена были актуальны для древней столицы России. В первой половине XIX в. состояние московских дорог удручало москвичей. Изъяны были присущи даже главной улице города. Вспомним пушкинское: «...вот уж по Тверской возок несется чрез ухабы» [16, с. 307]. Эти строки были написаны в середине 1820-х гг. Но и через полвека картина почти не изменилась. Редкий очевидец не бранил московские мостовые. По свидетельству И.А. Слонова, вспоминавшего дороги Первопрестольной 1870-х — начала 1880-х гг., «самым главным московским отпечатком были московские мостовые. Это было нечто невозможное. Выезденные крупным булыжником, всегда грязные и пыльные, с большими ямами, а зимой глубокими ухабами, они всегда были египетскою казнью москвичей. На них часто происходили аварии, калечились лошади, ломались экипажи. Часто страдали и седоки, ломая себе руки и ноги» [17, с. 210]. Особенно трудно было передвигаться в межсезонье. По словам историка М.М. Богословского, в 1870-х гг. «весной, когда начиналось таяние снега, езда по улицам становилась крайне затруднительной... в столичном городе совершенно, как в деревне, приходилось на время весенней распутицы отказываться от далеких переездов». Лето принесли лишь незначительное облегчение: «...в сухую погоду при малейшем дуновении ветра по улицам поднимались... облака пыли» [3, с. 395].

Справедливости ради, отметим, что и за границей ситуация с дорогами далеко не везде была удовлетворительной. «Еще недавно Англия была страной жалких проезжих путей и отвратительных городских улиц» — таково мнение американского историка А. Шоу о британских дорогах 1870-х — 1880-х гг., высказанное в 1895 г. [23, с. 175]. Однако к середине 1890-х ситуация в корне изменилась. Были построены мостовые «из гранитных кубиков, асфальтовые или деревянно-торцовые, одинаково устроенные на прочном цементном фундаменте; шоссированные пути также построены весьма прочно и просуществуют целые века». В то же время подобное коммунальное благополучие стало возможным при условии заключения английскими муниципалитетами городских займов на дорожное благоустройство. В конце XIX в. задолженность английских городов по этой статье составила 275500000 руб. [там же].

Благоустройство московских мостовых являлось одной из наиболее актуальных проблем, стоявших перед городским общественным управлением во второй половине XIX столетия. В соответствии с нормами «Городового положения» 1870 г. к предметам ведомства городского общественного управления относилось «заведование... устройством и содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров» [7, с. 7]. В 1875 г. Главное управление путей сообщения передало в ведение Московской городской думы мостовые в количестве 5230000 кв. м [10, с. 7]. Московская дума неоднократно обращалась к «дорожной» проблеме.

В 1876 г. думцы организовали специальное отделение для заведования мостовым делом [24, с. 72]. Основным материалом для покрытия улиц в то время являлся булыжный камень — «самый несокрушимый, самый сподручный и выгодный». Замоещение производили как целым, так и разбитым булыжником, укладывая камень на песчаное основание. Работы велись через подрядчиков, руководивших артелями мостовщиков. Обычно такая артель состояла из тридцати рабочих, людей «умелых, взрослых, трезвых и не моложе шестнадцати лет». Они использовали разнообразные инструменты: молотки, кувалды, ломы, носилки, метлы, шнур, ватерпас. Подвоз камня осуществлялся подводами, запряженными ломовыми лошадьми. Само мощение производилось следующим образом: камень помещался в песок и вбивался в него молотком, «без прижима песку, плотно один к другому тычком, с подбором камня по величине его. По замощении мостовая утрамбовывается два раза и затем покрывается слоем песка в полвершка» [12, с. 498].

Покрытые булыжником центральные улицы и площади города приобретали более опрятный вид. Однако фактура мостовых оставляла желать лучшего вследствие неравномерности размеров и формы камней [24, с. 72]. На повестку дня встал вопрос об усовершенствованном уличном покрытии — асфальте. С конца 1880-х гг. качество московских дорог стало заметно улучшаться. В большой мере это заслуга Н.А. Алексеева.

«Знаменитый московский городской голова»

С 1885 по 1893 г. самоуправление Москвы — городскую думу и управу — возглавлял московский городской голова Николай Александрович Алексеев (1852–1893). Представитель известной купеческой фамилии золотоканительных фабрикантов, он энергично работал на благо древней столицы. Алексеев был инициатором реконструкции мытищинского водопровода и создания городской канализации, строительства новых городских боен и торговых рядов на Красной площади (Верхние торговые ряды — ныне ОАО «ГУМ»). За годы алексеевского руководства в Москве было открыто 30 городских училищ и несколько больниц [15, с. 274]. Предшественник Алексеева на посту городского головы, знаменитый юрист Б.Н. Чичерин, так характеризовал своего преемника: «Очень умный, необыкновенно живой, даровитый, энергический, неутомимый в работе, с большим практическим смыслом, обладающий даром слова, он как будто создан был для того, чтобы командовать и распоряжаться. Всякому делу, за которое он принимался, он отдавался весь; оно у него кипело, и он упорно и настойчиво доводил его до конца... Меня пленяли блестящие и благородные стороны этой необыкновенно богатой натуры» [22, с. 182–183]. Николай Александрович пользовался популярностью москвичей [6, с. 319]. «Знаменитый московский городской голова» — так охарактеризовал Н.А. Алексеева известный публицист В.М. Дорошевич [8, с. 212].

«И залил улицы асфальт...»

Энергично преобразуя коммунальный быт москвичей, Н.А. Алексеев считал благоустройство городских мостовых одной из первоочередных задач. Вскоре после вступления в должность он поставил перед гласными вопрос о согласовании кредита на проведение ремонта мостовых. Невзирая на плачевное состояние московских дорог, предложение московского бургомистра встретило возражения со стороны некоторых гласных. «Мостовые не так дурны, чтобы быть непроезжими», — заявил уважаемый думский деятель Л.Н. Сумбул, бывший член городской управы. Его поддержал другой авторитетный депутат, экономист, профессор М.П. Щепкин: «Считаю, что мостовые приличны и вполне удобны для проезда. Дума стала часто пользоваться кредитами, которые являются большим злом для города». Предложение городского головы первоначально не получило поддержки думцев [1, с. 143]. Действительно, в 1880-х гг. многие гласные скептически относились к городскому кредиту. Городской голова придерживался диаметрально противоположных взглядов. Алексеев, по примеру многих городов Западной Европы, стремился развивать московское хозяйство, создавая городские предприятия за счет долгосрочных облигационных займов. Передовые воззрения городского головы пугали некоторых думцев, боявшихся «жить в долг», не понимавших объективной потребности Москвы в современных методах организации городского хозяйства [9, с. 547]. Но, отличавшийся упорством в достижении цели, московский «лорд-мэр» все же добился своего. В декабре 1887 г. Алексеев вновь поднял вопрос о масштабном замощении проезжей части улиц и переулков города. Обсуждая с гласными финансовую смету города на 1888 г., он акцентировал невозможность дальнейшего затягивания «дорожного» вопроса: «Мостовые в таком разрушенном виде, что если их не отремонтировать, то придется ставить рогатки на улицах. В смету вносится ремонт 97 тыс. квадратных сажен мостовых, а всего в Москве их один миллион и очередь на окраины дойдет только через 15 лет. Мостовые не могут выдержать такой срок при том интенсивном движении, которое имеет место в городе». На сей раз большинство гласных поддержали предложение городского головы об оформлении целевого кредита на ремонт мостовых [1, с. 143].

Благоустройство московских дорог являлось одной из значимых расходных статей городского бюджета.

Таблица 1 Расходы на мостовые, 1886–1892 гг., руб. [13, с. 90–91; 14, с. 82–83]

Год	Расходная часть городского бюджета	Расходы на мостовые
1886	5 758 965	500 210
1892	8 615 733	556 779

Как видно из приведенных данных, сумма затрат города на благоустройство мостовых была значительной, колебалась от 10 до 7% расходной части бюджета Москвы. Расходы были стабильны на протяжении всего периода алексеевского руководства городским хозяйством, составляя около полумиллиона рублей.

Рассмотрим расходы на мостовые в 1890 г. в Москве в сравнении с крупнейшими городами Российской империи.

Таблица 2 Расходы на мостовые в 1890 г. (руб.); в скобках — на душу населения (коп.) [5, с. 100]

Статьи расхода	Петербург	Москва	Варшава	Одесса	Рига
Булыжные мостовые	188 160,24 (20)	500 688,14 (59)	111 574,61 (24)	219 566,31 (65)	126 062,81 (64)
Шоссе	94 855,21 (10)	17 464,12 (2)	20 175,13 (4)	16 152,00 (5)	39 159,93 (20)
Тротуары	8727,63 (1)	15 666,08 (2)	59 711,13 (13)	—	3745,13 (2)
Итого	291 743,30 (31)	533 818,34 (63)	191 460,87 (41)	235 718,31 (70)	168 967,87 (86)

Так, в конце 1880-х гг. Москва лидировала по абсолютным показателям финансовых затрат на мостовые среди крупнейших городов империи. Однако в пересчете на душу населения (63 коп.) город занимал срединное положение, уступая Риге и Одессе, но опережая Варшаву и Петербург. Из 533818 руб., израсходованных на благоустройство дорог в 1890 г., 9/10 (86%) составили расходы на булыжные мостовые. Благоустраивая московские дороги, Н.А. Алексеев уделял приоритетное внимание булыжному замощению. Прочные и сравнительно дешевые, булыжные мостовые по-прежнему преобладали на дорогах Первопрестольной столицы. Материалы Центрального исторического архива г. Москвы свидетельствуют о масштабных работах, проводившихся московскими дорожниками под руководством городской управы. Ремонт дорог и новое замощение производились в центральных и окраинных районах города, вдоль набережных, в парках [21. Оп. 21, 51]. По окончании работ труд дорожников освидетельствовала комиссия экспертов городской управы. Так, 23 июля 1890 г. думская комиссия во главе с инженером В. Кастальским осматривала дорожное покрытие, устроенное артелью подрядчика Мишина в Малом Никитском переулке. Согласно резолюции экспертов, мостовая была «перемощена согласно правилам, соблюдаемым Управою при мостовых городских работах». К акту освидетельствования прилагались «подробное

означение и ведомость» произведенных работ. По окончании проверки артель получала расчет [21. Оп. 51. Д. 586. Л. 14].

Дополнительным стимулом к благоустройству московских дорог явилось одно из важнейших начинаний городского головы — строительство канализации. Работы были начаты в 1892 г. и были связаны с массовым разрытием улиц и последующим ремонтом мостовых. Эти работы охватили центральные районы, затем дошли до Садового кольца, Мещанских (начало проспекта Мира), Тверских-Ямских улиц [24, с. 74]. С конца 1880-х гг. в Москве появилась поливка улиц [3, с. 395].

В России XIX столетия важную роль в деле благоустройства больших городов играл обер-полицмейстер. Помимо руководства полицией и охраны правопорядка он возглавлял пожарную охрану, надзирал за благоустройством и санитарным состоянием в городе. Улучшая состояние московских дорог, Н.А. Алексеев находил поддержку и взаимопонимание со стороны А.А. Власовского, исполнявшего должность московского обер-полицмейстера в 1891–1896 гг. Голова сам рекрутировал талантливого помощника. Будучи в Риге, Алексеев обратил внимание на внешний порядок в городе, где в то время полицмейстером был полковник Власовский. По приезду в Москву он доложил об этом генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу. Августейший хозяин Первопрестольной столицы вызвал Власовского в Москву и назначил его обер-полицмейстером. По свидетельству современника, «Власовский оказался замечательным администратором с необычайной энергией... При нем полиция была всегда на своих местах, улицы очищены от ухабов, грязи, тоже тротуары» [7, с. 359–361]. А.А. Власовский жестко наказывал нерадивых подчиненных, заставляя их на себе испытать дорожные мытарства москвичей. Мемуарист описывает подобную экзекуцию. Обер-полицмейстер, побывав как-то на Донской улице, обратил внимание на ухабы мостовой. Власовский заехал к приставу этого участка и предложил вместе осмотреть подведомственную ему территорию. Во время инспекционной поездки лошади понесли дрожки. Обер-полицмейстер встал в экипаже, чтобы уменьшить неприятный эффект, производимый тряской. Однако когда его подчиненный хотел сделать то же самое, Власовский заставил его сидеть: «...пристав был очень тучный человек, и... страшно страдал. Когда проехали значительную часть участка, Власовский... предложил ему оставить его экипаж, прибавив: «Если к завтрашнему утру эти выбоины не будут уничтожены, то придется вам еще раз со мной покататься». Выбоины были уничтожены через два часа [там же, с. 362]. Благоустраивая городские мостовые, Алексеев и Власовский действовали осторожно, учитывая интересы простых москвичей и жителей Московской губернии. В этом смысле показательна переписка городского головы и обер-полицмейстера в августе 1892 г. по вопросу ремонта шоссе на Пустой улице. Планируя ремонт, городские власти привязывали начало работ

к завершению сезона движения по улице обозов крестьян-отходников [21. Оп. 51. Д. 621. Л. 90].

Невзирая на преобладание булыжных мостовых, Н.А. Алексеев уделял особое внимание новому виду замощения — асфальту. Природный асфальт — смесь битумов с песчаником, известняком — человек использовал еще в глубокой древности. Например, в Месопотамии асфальт применяли для устройства дорог еще во II тысячелетии до н.э. Асфальт использовали в качестве материала для гидроизоляции в Древней Индии, Палестине, Древней Руси. Однако современное использование асфальта в качестве дорожного покрытия началось в России в 1830-х гг. На рубеже 1830–1840-х гг. в Петербурге и Москве появляются первые асфальтовые тротуары [24, с. 99]. В 1875 г. член московской городской управы А.Н. Петунников представил в городскую думу доклад «Мостовые в главных городах Западной Европы», предлагая «раз и навсегда... отказаться от булыжника», ратуя за асфальтовое покрытие» [12, с. 499]. В 1876 г. на Тверской улице были устроены четыре опытных участка асфальтовой мостовой. К сожалению, новое покрытие плохо приживалось на улицах Москвы.

Н.А. Алексеев дал делу новый импульс. Сторонник технического прогресса, городской голова стремился активно внедрять удобное асфальтовое покрытие на улицы Москвы. С 1886 г. асфальтовые тротуары стали устраивать в местах перехода через улицы и площади. За десять лет построили 9840 кв. м таких тротуаров, при средней ширине 180 см [24, с. 101]. Асфальтовые тротуары появились на Каланчевской площади, площади Тверской заставы. Асфальтом покрылась и главная площадь города. 4 ноября 1886 г. инженер В.Д. Воронцов-Вельяминов представил в городскую управу счет по работам, проведенным на Красной площади. В трех местах — от Исторического музея к Казанскому собору, от Исторического музея к Верхним торговым рядам и от Спасских ворот к улице Ильинке были устроены асфальтовые переходы общей площадью 378 кв. м. Стоимость работ составила 2501 руб. [21. Оп. 51. Д. 328. Л. 111, 128].

«Мэр-новатор» (определение, данное Алексею репортером-современником. См.: 4, № 34, с. 5) закупал для московских дорожников современную технику. Так, в 1891 г. в Англии был приобретен паровой шоссейный каток системы «Авелинг и портер». Сумма, необходимая для приобретения машины — 4045 руб., — отсутствовала в казне города. Распоряжением Н.А. Алексеева деньги были предоставлены товариществом «Владимир Алексеев», директором которого являлся городской голова. Сумма подлежала последующему возврату товариществу [21. Оп. 51. Д. 626. Л. 1–2, 2 об.]. Однако нередко участие московского бургомистра в финансировании городских проектов было чистой благотворительностью: «...алексеевские капиталы были громадною кредитною кассою, откуда город в затруднительных случаях мог всегда черпать средства своею рукою-владыкою без отдачи» [2, с. 259]. К сожалению, каток недолго работал в исправности.

Донесение заведующего московскими водопроводами инженера К. Карельских в городскую управу от 4 ноября 1892 г. проливает свет на судьбу машины. В ночь с 1 на 2 ноября 1892 г. машинист И. Волчков вел каток из Петровского парка к Сокольничьей заставе. На Каланчевской площади произошла нештатная ситуация: от движения по скользкой дороге произошла поломка тормозной системы. К сожалению, машинист, «оказавшийся в нетрезвом виде, не остановил каток на площади, как следовало, а продолжал ехать вперед при передаче силы одному заднему колесу, вследствие чего около Красного пруда у катка сломалось это заднее колесо и он уже не мог продолжать свой путь и был доставлен на Алексеевскую водокачку лошадьми». Незадачливого водителя сурово наказали — он был «уволен от городской службы навсегда», лишившись жалования в 40 руб. в месяц [21. Оп. 51. Д. 621. Л. 41, 150–150 об.].

Энтузиазм городского головы в «асфальтовом» вопросе вышучивала пресса. Так, в 1889 г. сатирический журнал «Будильник» поместил на обложку одного из летних номеров карикатуру «Десять летних казней московских». Среди бедствий, которые подстерегают «безвыездного» москвича в городе наряду с пожарами, безводьем, нищими, малярами, дворниками, называется и «вонь асфальта». При этом в центре рисунка изображен дорожный рабочий, помешивающий черпаком кипящий в котле асфальт [4, № 28]. Дорошевич в одном из фельетонов вспоминал Алексеева, решившего «сразу, одним мановением руки, сделать Москву:

— Всю асфальтовой» [8, с. 212].

Обсуждая расходы на мостовые в финансовой смете 1892 г., Алексеев выступал за максимально возможное количество асфальтовых тротуаров на улицах и площадях Москвы. «Это та роскошь, к которой мы стремимся» — так городской голова обозначил свою позицию, выступая на заседании Московской городской думы 26 ноября 1891 г. [19, с. 706]. Оппоненты критиковали подобные устремления лидера городского самоуправления. Так, на заседании 30 ноября 1890 г. гласный И.И. Шаховской обрушился на Алексеева с обвинениями в излишней расточительности. Напомнив коллегам о том, что устройство усовершенствованных тротуаров через площади и улицы началось с 1885 г., оратор назвал сумму, израсходованную городом на это удобство, — 83 тыс. руб. Шаховской заявлял о недопустимости подобных излишеств, когда в городе существуют 200000 сажен (908000 кв. м) незамощенных площадей [18, с. 689].

Очевидно, в доводах оппонентов была своя правда. Но ясно и другое. Промышленник передовых взглядов, Алексеев энергично развивал городское хозяйство на современном уровне. В деле городского благоустройства он стремился использовать новейшие технологии, последние достижения технического прогресса, среди которых было и внедрение асфальта в качестве наиболее комфортного для москвичей дорожного покрытия. По свидетельству писателя

Н.Д. Телешова, «за кратковременный срок своей службы городским головой Алексеев сдвинул с места многие дела, лежавшие годами в канцелярии думы, и разрешил долгожданные насущные вопросы [20, с. 443]». Одним из несомненных достижений городского головы было улучшение состояния московских дорог. Не будь этого, не родились бы строки поэта Мартыанова, посвященные Николаю Александровичу Алексееву:

При нем Москва обстроилась на диво:
Возник бульваров новых ряд,
Водопровод, пассажи высятся красиво,
Главу подъяла дума горделиво
И залил улицы асфальт [11, с. 8].

Список использованных источников и литературы

1. Агеева З.М., Добрынина Н.А. Николай Александрович Алексеев. М., 2012.
2. Амфитеатров А.В. Московский городской голова Алексеев // Амфитеатров А.В.: Недавние люди. СПб., 1901.
3. Богословский М.М. Москва в 1870–1890-х годах // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
4. Будильник. 1889.
5. Бычков Н.М. Финансы крупнейших русских городов. М., 1894.
6. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011.
7. Городовое положение 1870 г. М., 1871.
8. Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008.
9. История Москвы в 6 т. М., 1952–1955. Т. 4.
10. Кротков П.В., Щекотов М.П. Исторический очерк инженерных сооружений города Москвы. М., 1896.
11. Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции: Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях и эпиграфках. Изд. 3-е. СПб., 1893.
12. Никольская Т. Московские мостовые // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1996.
13. Отчет о движении сумм г. Москвы за 1886 г. М., 1887.
14. Отчет о движении сумм г. Москвы за 1892 г. М., 1893.
15. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010.
16. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения в 3 т. М., 1985–1986. Т. 2.
17. Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
18. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за октябрь, ноябрь и декабрь 1890 г. М., 1890.
19. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за ноябрь и декабрь 1891 г. М., 1892.
20. Телешов Н.Д. Москва прежде // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
21. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21, 51.
22. Чичерин Б.Н. Земство и Московская дума: Воспоминания. М., 1934.
23. Шоу А. Городские управления в Западной Европе. М., 1898.
24. Щербо Г.М. Московские мостовые за 900 лет. М., 1996.

2. Публикации, обзоры, базы данных, указатели

Памятники эпох палеолита и мезолита в собрании Музея Москвы

Резюме

В данной статье приведены краткие сведения о коллекциях предметов с памятников эпох палеолита и мезолита, хранящихся в фондах Музея Москвы (месторасположение памятника, когда и кем исследовался, состав коллекции). Описание находок сопровождается таблицами рисунков наиболее выразительных предметов коллекции. Предлагаемая статья будет интересна исследователям эпохи камня Центральной России.

Ключевые слова

Коллекция, мезолит, палеолит, стоянка.

Иллюстрации на с. 92–109

История Музея Москвы насчитывает уже более ста лет. За это время он неоднократно менял свое название и место пребывания. Археологические коллекции начали формироваться в музее с середины 1920-х гг., когда в музей были переданы материалы раскопок Б.С. Жукова и Б.А. Куфтина, исследовавших стоянку на Святом озере (раскопки 1924 г.).

К настоящему времени археологические коллекции, относящиеся к эпохе каменного века (палеолит, мезолит, неолит), насчитывают более 70 тыс. предметов как основного, так и вспомогательного фондов.

В формировании этих фондов (раскопках и сборах) принимали участие как упомянутые выше Б.С. Жуков и Б.А. Куфтин, так и А.Г. Векслер, А.Е. Кравцов, Е.В. Леонова, В.В. Сидоров, А.В. Трусов, А.В. Энговатова, А. Фролов, Н. Кренке.

Эпоха палеолита представлена стоянками Трегубово 2, Клушино 1, Ростиславль (открыты и исследовались А.В. Трусовым), Заозерье 1 (открыта А.С. Фроловым), Колтово 7 (открыта В.В. Сидоровым). Коллекций мезолитических памятников больше. Значительная часть их поступила в фонды музея при руководстве отделом археологии музея А.Е. Кравцовым (1978–1993 гг.). Это ряд стоянок Беливо 1а, 1б, 1в, 2в, 4а, 4б, 4г, Жабки 3, Черная 1.

Материалы мезолитических стоянок Поречье, Настасьино 4, Хатунь, Куково 1, Иванчиково 1 найдены А.В. Трусовым, Дальний Остров — В.В. Сидоровым, Заозерье 2 — А.С. Фроловым.

1. Палеолитические памятники

1.1. Трегубово 2. Основной фонд (ОФ 33285) — 713 предметов. Научно-вспомогательный фонд (НВФ 16826) — 2100 предметов

Стоянка расположена в 8 км юго-юго-западнее г. Зарайска на левом берегу реки Осетр, на краю приводораздельного склона, обращенного в сторону речки Невидимки, приблизительно в 0,5 км от впадения ее в реку Осетр. Высота расположения стоянки над уровнем воды в речке Невидимке — около 20 м и около 50 м над уровнем воды в реке Осетр [22]. Стоянка открыта А.В. Трусовым в 1998 г. и раскапывалась в 1999–2001 гг., общая вскрытая раскопами площадь составила 100 кв. м. Культурный слой представлен горизонтом находок мощностью до 10 см, залегающих в покровном коричневом суглинке на глубине до 20 см от уровня подошвы пахотного слоя. Всего на площади раскопа встречено 2134 кремневых изделий (не считая 112 «морозобойных»¹

1 Своеобразный процесс выветривания, при котором замерзающая при сильных морозах вода, находящаяся в трещинках и полостях кремневых изделий, разрывает эти изделия (как правило, после нескольких циклов промерзания и оттаивания).

осколков). Из них 1900 были сосредоточены в пяти скоплениях, где находились изделия, связанные как с подготовкой нуклеусов, так и с их расщеплением.

В качестве кремневого сырья использовался хорошего качества коричнево-желтый карбонатный и плитчатый кремнезём. Преобладали нуклеусы для пластин одноплощадочные торцевые — 9 экз., двухплощадочных торцевых со встречным скалыванием было найдено 7, вторичных торцевых нуклеусов на отщепах — 2. Из 17 морфологически выраженных форм орудий выделяются следующие категории предметов: резцы — 8 (5 двугранных, 3 — на углах сломанной заготовки; скребок — 1; различного рода острий — 6, два из которых относятся к скошенным (режущим) остриям; микропластинка с усеченным ретушью концом — 1, индивидуальные формы — 2 (рис. 1). Трегубово 2 по особенностям культурного слоя и набору изделий полностью удовлетворяет критериям, выработанным для мастерских по первичному расщеплению кремневого сырья.

По культурной принадлежности стоянка Трегубово 2 наиболее близка Зарайской палеолитической стоянке. По времени (исходя из залегания в верхах покровных суглинков) она позднее Зарайской стоянки (относится к концу палеолита).

1.2. Клушино 1. Основной фонд (ОФ 33284) — 330 предметов. Научно-вспомогательный фонд (НВФ 16825) — 710 предметов

Стоянка Клушино 1 расположена в 1,2 км к северо-западу от д. Клушино (Солнечногорский район Московской области), на мысу первой надпойменной террасы левого берега реки Клязьмы. Стоянка открыта в 1971 г. А.Н. Неклюдовым. На основании собранных материалов памятник был датирован А.Н. Неклюдовым эпохой неолита.

В результате охранных работ, проведенных в 2008 г. отдельным отрядом (руководитель А.В. Трусов) Подмосковной археологической экспедиции (начальник А.В. Энговатова) ИА РАН, был выделен горизонт находок, залегающих в верхней части покровного коричневого суглинка и на границе этого суглинка и современного пахотного слоя [23].

В этом слое кроме отдельных предметов были найдены два скопления кремневых изделий, представляющие собой мастерские по первичной обработке кремневого сырья (получение крупных широких пластин). В мастерской 1 было найдено 607, а в мастерской 2 — 80 кремневых изделий (в основном пластин и отщепов). Большая часть кремневых изделий изготовлялась из серо-зеленого высококачественного желвачного кремня.

К нуклеусам отнесено три предмета: торцевой косоплощадочный от крупных широких пластин, небольшой истощенный одноплощадочный односторонний нуклеус от мелких пластин и отщепов и небольшой осколок нуклеуса со следами параллельного скалывания. Пластин с ретушью и следами использования 8. Скребок два, оба концевые

на пластинчатых заготовках. Найден фрагмент крупного скребла на массивном крупном отщепе, а также миниатюрная проколка с тонким жалом, происходившая из мастерской 1.

Определенный интерес представляет фрагмент пластины с ретушированной боковой выемкой, которая носит скорее формообразующий, нежели функциональный характер и напоминает аналогичные выемки наконечников с боковой выемкой, хорошо представленные на Зарайской палеолитической стоянке. К сожалению, другой конец изделия обломан, что затрудняет его окончательную идентификацию (рис. 2).

Исходя из топографического положения и условий залегания (других данных, к сожалению, нет), материалы Клушино 1, вероятно, относятся к несколько более позднему времени, чем Зарайск и Трегубово 2, датирующиеся от 20 до 15 тыс. лет назад. Вероятная дата — не древнее 15 тыс. лет назад.

1.3. Заозерье 1. Основной фонд (ОФ 27990) — 569 предметов. Научно-вспомогательный фонд (НВФ 13976) — 685 предметов

Стоянка Заозерье 1 находится на левом берегу реки Москвы в 1,5 км от д. Заозерье (Раменский район Московской области).

Первые находки кремневых изделий (несколько ножевидных пластин и скребков) с территории стоянки Заозерье 1 были сделаны А.К. Станюковичем в 1975 г. В 1983 г. стоянка посещалась А.К. Станюковичем совместно с А.С. Фроловым, ими в результате сборов на пашне было собрано 680 каменных изделий. Собранные изделия концентрировались на двух скоплениях, расположенных приблизительно в 50 м одно от другого.

Летом 1984 г. А.С. Фроловым на площади первого скопления был заложен раскоп площадью 42 кв. м. В результате раскопок было получено 1262 кремневых предмета, 142 предмета было найдено при сборах подъемного материала [28, 30]. Судя по данным отчетов, на стоянке было собрано 1646 предметов (1262 из раскопа, плюс 142 из подъемного материала — за 1984 г., плюс 242 — подъемный материал 1983 г.). По опубликованным данным, на стоянке было найдено всего 1402 кремневых предмета. Вероятно, в публикацию попали только материалы сборов и раскопок автора 1984 г.

В фондах Музея Москвы хранится большая часть коллекции — 944 предмета из раскопа и 262 — из подъемных сборов. Судьба остальной части коллекции неизвестна.

Для кремневого комплекса в целом можно отметить очень высокий процент орудий — не менее 13%. Ведущей формой среди орудий являются резцы (в среднем около 71%). Среди резцов доминируют ретушные формы, несколько уступают им резцы на углах сломанных заготовок. На третьем месте по количеству идут двугранные формы резцов. Для резцов в целом нехарактерны многофасеточные.

Если для изготовления резцов использовалась главным образом пластина (около 94% сделано на пластинах), то для изготовления скребков достаточно широко использовался отщеп. Так, из 21 скребка 9 (более 42%) изготовлены на отщепах. Есть также микропластины с притупленным ретушью краем. Это три микропластинки, имеющие притупленные ретушью края, и одна с тронкированными ретушью концами.

Третья по численности категория изделий после резцов и скребков — это пластины со скошенным ретушью концом. Эти изделия можно отнести к разряду так называемых «скошенных острий» или «режущих острий» (рис. 3).

Палеолитический возраст стоянки Заозерье 1, по А.С. Фролову, определяется прежде всего характером археологического материала, не имеющего аналогов среди мезолитических памятников Волго-Окского междуречья, и наоборот, имеющего свои аналогии в материалах деснинских палеолитических памятников и прежде всего в материалах стоянки Тимоновка 1 [28, с. 76, 82].

1.4. Ростиславль 2003–2006 гг. Основной фонд (ОФ 33310) — 458 предметов

Первые упоминания о находках каменных орудий на городище Ростиславль имеются у А.А. Мансурова [10, с. 142], ссылающегося на незаконченную рукопись зарайского краеведа И.П.Перлова.

Однако научное открытие стоянки Ростиславль произошло во время раскопок В.Ю. Ковалем средневекового городища Ростиславль в 2002 г., когда в результате вскрытия очередных участков на раскопах 1 и 2 в культурном слое городища, и с поверхности материка при его зачистке, была собрана достаточно представительная коллекция кремневых изделий, относящихся к каменному веку.

В 2004–2005 гг. автором в составе Ростиславльской экспедиции произведены раскопки культурного палеолитического слоя стоянки [21; 24, с. 199–215]. На площадях 1-го и 2-го раскопов было открыто два скопления (А и Б) кремневых изделий, соответствующих жилым площадкам древних людей.

Основной содержащий находки слой на обоих раскопах представлял собой прослойку сильно оподзоленной супеси (горизонт вымывания)² мощностью 5–10 см, залегавшей непосредственно под городищенским почвенно-культурным слоем.

Раскопки 2005 г. позволили несколько расширить хронологические рамки ростиславльского местонахождения. Так, в пределах скопления Б

2 Горизонт вымывания — специфический горизонт почвы, который также называют элювиальным горизонтом. У него белесая, напоминающая цвет золы окраска, он обеднен илистыми частицами, гумусом вследствие вымывания их в нижележащие слои почвы.

кроме материалов, датирующихся финальнопалеолитическим временем, выявлена примесь как кремневых изделий верхнепалеолитического облика, так и предметов, относящихся к мезолиту.

В основном (финальнопалеолитическом) комплексе среди орудий преобладают резцы, среди резцов — резцы ретушные, среди которых преобладают поперечно и выемчаторетушные формы. Второе по количеству место среди орудий занимают скребки, среди которых преобладают различные формы концевых.

Третье по количеству место принадлежит наконечникам стрел. Абсолютно преобладают различные варианты черешковых наконечников, изготовленных как на пластинах, так и на отщепах (рис. 4). Подобные наконечники получают широкое распространение на памятниках Северной Германии, Польши в период алерд — поздний дриас (13–10 тыс. лет назад).

Можно предполагать финальнопалеолитический возраст стоянки Ростиславль, как наиболее вероятный, — 10–12 тыс. лет до н.э.

Кроме того, на небольшом участке раскопа 2 был выделен комплекс предметов, относящихся к мезолитическому времени: 30 микропластин, три скола с площадки конического нуклеуса от микропластин и три резца (два на углах сломанных микропластинок и один выемчаторетушный) (рис. 5).

Также на участке раскопа 2 площадью около 20 кв. м обнаружен ряд предметов (18 отщепов, 12 пластин, четыре нуклеуса от пластин, пластина с ретушью, скребок и резец), залегающие преимущественно в верхах покровного суглинка. Эти находки имеют хорошо выраженную патину. Сам характер находок также не противоречит их предполагаемому верхнепалеолитическому возрасту (рис. 6).

1.5. Колтово 7. Основной фонд (ОФ 32739) — 676 предметов. Научно-вспомогательный фонд (НВФ 16756) — 1099 предметов

Как местонахождение кремневых изделий было обнаружено в 1990 г. автором, проводившим отдельным отрядом в составе Подмосковной археологической экспедиции (начальник А.В. Энговатова) охранные археологические разведки по проектируемой трассе автодороги Москва — Кашира. Местонахождение располагалось по левому борту ручья Завальского (небольшой речки, являющейся правым притоком реки Оки), по правому борту оврага, прорезавшего коренной берег. Расстояние до впадения ручья в Оку — 2 км [18].

В 1995 г. обследование местонахождения было продолжено В.В. Сидоровым, открывшим здесь же (на участке 7а) древнерусское селище начала XIII в. Во время раскопок селища под подстилающей средневековой слой прослойкой светлой супеси мощностью 5–15 см им были открыты мастерские по первичной обработке кремневого сырья.

Всего В.В. Сидоровым было раскопано до 9 таких мастерских (скоплений кремневых изделий — в основном отщепов и пластин). Размер скоплений от 0,5 до 2 м в поперечнике [12, 13].

Судя по опубликованным данным, мастерские служили для получения пластин и микропластинок, причем последние в комплексе значительно преобладают. Для получения микропластин использовались нуклеусы торцевого типа скалывания, часто двуплощадочные со встречным скалыванием.

Орудий мало, среди них преобладают микропластинки с притупленным краем, некоторые имеют усеченные ретушью концы.

Следующая по численности категория изделий представлена резцами, среди которых обращает на себя внимание классический образец двугранного многофасеточного резца на крупной пластине, хорошо известный по находкам в Зарайске (рис. 7).

Скребки по данным В.В. Сидорова отсутствуют. По времени он ставит памятник между Зарайском и Реситинским комплексом — примерно 14–12 тыс. лет назад [12, с. 24].

В целом, имеющийся набор каменных изделий, а также залегание их в верхах покровных суглинков не противоречат предложенной датировке, то есть кремневый комплекс Колтово 7 может быть финальнопалеолитическим.

2. Памятники эпохи мезолита

2.1. Заозерье 2. Основной фонд (ОФ 27991) — 192 предмета. Научно-вспомогательный фонд (НВФ 13977) — 206 предметов

Стоянка Заозерье 2 находится в 1,5 км к юго-западу от села Заозерье (Раменский район Московской области). Стоянка расположена на склоне останца второй надпойменной террасы. Культурный слой разрушен распахкой.

Стоянка открыта в 1975 г. А.К. Станюковичем, в 1983, 1984 гг. обследовалась А.С. Фроловым (сбор подъемного материала). Собранная коллекция насчитывала 825 предметов (в фонды Музея поступило 398 предметов). Здесь, однако, надо учитывать, что в находки (825 предметов) вошли — наравне с отщепами — также и чешуйки, которых было довольно много [29].

Из 825 предметов: нуклеусов — 16, скребков — 21, резцов — 16, скобелей — 7, наконечник стрелы — 1, рубящих орудий — 7, перфораторов — 2, комбинированное орудие (концевой скребок-развертка на пластине), отщепов с ретушью — 38.

Скребки преимущественно концевые как на пластинах, так и на отщепах. Резцы приблизительно в равных пропорциях — как с ретушированной площадкой резцового скола, так и на сломе заготовки. Представленный наконечник — косозевый на отщепе (рис. 8).

По мнению автора, исследовавшего памятник, форма и типы орудий находят аналогии в позднемезолитических памятниках иеневской культуры [29, с. 249].

2.2. Поречье. Основной фонд (ОФ 32740) — 127 предметов. Вспомогательный фонд (ВФ 16757) — 298 предметов

Стоянка находится в 100 м восточнее села Поречье Рузского района Московской области, на левом берегу реки Москвы, на уровне второй надпойменной террасы. Стоянка открыта автором в 1988 г. и обследовалась им в 1988–1989 гг. [26].

Основным слоем, вмещающим находки кремневых изделий, является темно-серая супесь с примесью фрагментов домонгольской и более поздней керамики.

Представленные нуклеусы в основном от грубых пластин и отщепов. Орудия изготавливались как на пластинах, так и на отщепах. Скребки преимущественно концевые. Резцы есть как на углах сломанных пластин, так и косо- и выемчаторетушные. Наконечники, в основном фрагментированные (7 штук), представлены чаще всего типами наконечников с боковой выемкой. В коллекции имеется также топор, выполненный на крупном овальном отщепе (рис. 9).

Памятник относится к иеневской мезолитической культуре.

2.3. Настасьино 2. Основной фонд (ОФ 31696) — 106 предметов

Стоянка находится у села Настасьино (Коломенский район Московской области) на левом берегу реки Северка, на склоне первой надпойменной террасы. Стоянка обнаружена в 1999 г. К.И. Панченко, участвовавшим в раскопках селища Настасьино 2, которое содержит материалы раннежелезного и древнерусского времени (работы Подмошковой экспедиции — начальник А.В. Энговатова) [25].

В коллекцию основного фонда вошли не только изделия с вторичной обработкой, но и отщепы, и осколки кремня.

Находки мезолитического времени залежали в прослойке светло-коричневого суглинка мощностью от 3 до 30 см, подстилавшей слой темно-серого паханого суглинка мощностью до 40 см, который содержал материалы средневекового времени.

Всего было найдено 106 изделий из кремня, из них: 1 нуклеус одноплощадочный торцевого типа от грубых пластин, 2 нуклевидных обломка, 52 отщепа, 14 пластин, 2 ребристые пластины, 1 резцовый отщепок, 11 отщепов с ретушью, 11 пластин с ретушью, 12 орудий.

Из орудий имеются: резцов — 4 (два двугранных на пластинах, один — на углу сломанного отщепа, последний — косоретушный); скребков — 3; пластина со скошенным ретушью проксимальным концом; отщеп с подтесанным на брюшко краем — вероятная вставка в муфту,

изделие могло использоваться как рубящее орудие.

Охотничье вооружение представлено очень мелкой трапецией и двумя асимметричными наконечниками с боковой выемкой (рис. 10). Перечисленный набор изделий характерен для памятников иеневской мезолитической культуры.

2.4. Настасьино 4. Основной фонд (ОФ 33312)— 52 предмета

Стоянка находится у села Настасьино (Коломенский район Московской области) на левом берегу реки Северка, на уровне второй надпойменной террасы (около 20 м над уровнем реки), в 240 м северо-западнее городища Настасьино.

Стоянка открыта А.В. Трусовым, принимавшим участие в работах Подмосковной экспедиции в 2000 г. (начальник А.В. Энговатова) [25].

Раскопом площадью 60 кв. м была вскрыта основная часть скопления материала стоянки. Большая часть находок происходит из пахотного слоя мощностью 25–35 см (497 предметов). В нижележащем слое коричневого суглинка найдено 178 изделий из камня, основная часть которых располагалась в двух скоплениях, заглубляясь не более чем на 5 см ниже уровня распахки.

Со стоянки происходит 691 изделие из камня, из них: 1 нуклеус односторонний косоплощадочный от грубых пластин, 8 обломков желваков, 599 отщепов, 31 пластина, 5 микропластин, 1 ребристая пластина, 4 резцовых отщепков, 27 орудий (включая отщепы и пластины с ретушью).

Среди орудий преобладают рубящие — 6 экз., из которых 3 с перехватом. Вторая по численности категория — резцы — 4 экз., два из которых — двойные поперечно- и вогнуторетушные, один (обломок) на углу сломанной пластины, последний резец — двойной угловой на сломе крупного отщепа. Скребок один концевой на небольшом отщепе. Охотничье вооружение представлено двумя высокими асимметричными трапециями на отщепах и обломком трапеции (форма неопределима). Есть также две пластины с ретушированной выемкой на конце (рис. 11). Данный набор изделий характерен для памятников иеневской мезолитической культуры.

2.5. Стоянка Дальний Остров. Основной фонд (ОФ 28521)— 971 предмет

Стоянка расположена на острове Дальний Остров, расположенном на Тростенском озере. Стоянка открыта в 1972 г. В.В. Сидоровым и М.Г. Жилиным. В этом же году ими был заложен раскоп 30 кв. м [14].

В фонды музея коллекция предметов, найденных на стоянке, поступила в 1989 г. Основной заготовкой для орудий служили пластины (77% орудий изготовлены на пластинах). Среди нуклеусов есть один карандашевидный от микропластин.

Среди орудий преобладают резцы, до 50% которых представлено ретушными формами. Второе место по количеству занимают скребки, в основном концевые, как на пластинах, так и на отщепах.

Наконечников всего четыре: один черешковый на пластине, два другие с боковой выемкой на пластине и отщепе — характерные формы для иеневских памятников, последняя форма близка к наконечникам с боковой выемкой — слабо выраженная выемка оформлена резцовым сколом. Из индивидуальных форм надо отметить нож обушковый на пластине. В коллекции имеются также рубящие орудия — как с перехватом (характерная иеневская форма), так и овальные с двусторонней обивкой, по мнению авторов раскопок, — неолитические формы [14, с. 248] (рис. 12).

Л.В. Кольцов относит стоянку к группе памятников иеневской мезолитической культуры [1, с. 78].

2.6. Хатунь. Основной фонд (ОФ 33283) — 105 предметов.

Вспомогательный фонд (ВФ 16824) — 540 предметов

Стоянка располагается в 0,6 км к северо-западу от села Хатунь (Московская область, Ступинский район), на левом берегу ручья Аночинка, левого притока реки Лопасни. Культурный слой сильно порушен при строительстве дороги и моста через ручей. Памятник открыт Р.Л. Розенфельдом в 1979 г. [11, с. 195; 14, с. 200]. В 2006 г. раскопки стоянки произведены автором (раскоп 2х5 м).

Среди каменных изделий есть фрагмент рубящего орудия овальной формы, острие, косоретушный резец, концевой скребок с выступом (рис. 13). Памятник относится к эпохе мезолита. Малое количество материала на памятнике не позволяет говорить о его культурной принадлежности.

2.7. Стоянка Куково 1. Основной фонд (ОФ 33311) — 130 предметов

Стоянка располагается на северо-западной окраине села Куково, в 6,5 км к югу от г. Зарайска, на правом берегу реки Осетр при впадении в нее речки Осетрика. Памятник был обнаружен автором в 1990 г. В этом же году был произведен сбор подъемного материала и заложен шурф 1х2 м. В 1998 г. автором на стоянке был заложен шурф 1х3 м [17].

Находки происходят из разных слоев: несколько кремней найдены в слое темно-серой супеси — гумусовом слое современной почвы, значительно больше найдено в лежащем ниже слое подзола. Основной же содержащий находки слой — темно-бурый покровный суглинок (глубина 0,48–1,0 м).

В качестве сырья использовались желваки коричневого карбонового кремня. Представленные нуклеусы преимущественно от отщепов и грубых пластин, косоплощадочные односторонние.

В коллекции имеются три наконечника с боковой выемкой, пластины со скошенным ретушью концом, косоретушные резцы и резцы на углах сломанных заготовок (рис. 14).

Предварительные данные говорят о том, что здесь мы имеем дело с достаточно ранним (рубежа плейстоцен — голоцен), чистым, расположенном на выходах кремневого сырья памятником иеневской культуры.

2.8. Иванчиково 1. Основной фонд (ОФ 32741) — 209 предметов. Вспомогательный фонд (ВФ 16758) — 945 предметов. Памятник располагается у д. Иванчиково (Зарайский район Московской области). Открыт и исследовался автором в 2001 г. [20].

Процент орудий составляет 1,5%, что характерно для мастерских. В коллекции имеются шесть резцов, три из которых ретушные, один на углу сломанной пластинки и один плоский на отщепе. Скребок два — концевые на пластине и отщепе. Есть микропластинка со скошенным ретушью краем и острием (рис. 15).

2.9. Стоянка Черная 1. Основной фонд (ОФ 26552) — 65 предметов. Вспомогательный фонд (ВФ 13920) — 105 предметов. ОФ 26959 — 1467 предметов. ОФ 27083 — 415 предметов. ВФ 13921 — 3204 предмета

Стоянка находится в 5 км к северу — северо-востоку от села Жабки Егорьевского района Московской области, на берегу реки Цна, между устьями ее притоков — рек Черная и Панюшенка [7]. Открыта А.Е. Кравцовым и В.М. Лозовским в 1979 г. и исследовалась ими в 1982–84 гг.

Орудия изготавливались в основном из отщепов. Наиболее многочисленная категория изделий — резцы (главным образом на углах сломанных заготовок и ретушные). Найдены также скребки различных форм, скребла, скошенные острия, наконечники стрел на пластинах постсвидерского и постаренсбургского типов, сверла, проколки, топоры и тесла из кремня и опоки, нуклеусы подконические и подпризматические, шлифовальный камень из песчаника (рис. 16). Встречена также лепная керамика, орнаментированная мелкими наколами, верхневолжской культуры.

Памятник относится к поздней стадии бутовской мезолитической культуры и ранней стадии раннеолитической верхневолжской культуры [15, с. 167].

2.10. Стоянка Жабки 3. Основной фонд (ОФ 25929) — 2917 предметов, ОФ 26086 — 640 предметов, ОФ 26523 — 1849 предметов. Вспомогательный фонд (ОФ 13917) — 1189 предметов

Стоянка находится в 2,4 км к северу — северо-востоку от села Жабки Егорьевского района Московской области. Стоянка открыта

А.Е. Кравцовым в 1980 г. Вскрытая им на памятнике площадь составляет 269 кв. м [2].

В западной части памятника под слоем торфа мощностью 0,8 м зафиксированы два культурных слоя, разделенные стерильной прослойкой: верхний — с ранненеолитическим материалом (верхневолжская культура), нижний — с мезолитическим (отнесен к позднему этапу развития бутовской культуры 7–6 тыс. лет до н.э.). Исследованы остатки овального мезолитического жилища.

Среди каменных орудий, изготовлявшихся на отщепах и пластинах, присутствуют концевые скребки, резцы, ножи, сверла, проколки, асимметричные и постсвидерские наконечники стрел. Есть рубящие орудия из кремня и опоки, иногда со шлифовкой (рис. 17).

**2.11. Беливо 2. Основной фонд (ОФ 27325) — 551 предмет.
Вспомогательный фонд (ВФ 13924) — 866 предметов**

Стоянка находится у д. Беливо Орехово-Зуевского района Московской области. Памятник открыт и исследован А.Е. Кравцовым. Среди орудий в основном резцы, среди которых преобладают сделанные на углах сломанных заготовок. Среди скребков доминируют выполненные на отщепах. Есть пластины со скошенным ретушью концом. Наконечники стрел отсутствуют. Культурная принадлежность не определена [4].

**2.12. Беливо 4а. Основной фонд (ОФ 27360) — 697 предметов.
Вспомогательный фонд (ВФ 13916) — 1425 предметов**

Стоянка находится у д. Беливо Орехово-Зуевского района Московской области. Памятник открыт и исследован А.Е. Кравцовым. Имеющиеся в коллекции нуклеусы преимущественно от пластин. Резцов несколько больше, чем скребков. Среди резцов преобладают орудия на сломах заготовок, но есть и ретушные. Есть наконечники на пластинах и наконечники с боковой выемкой. Материал стоянки представляется смешанным (иеневской и бутовской или ранненеолитической культур —?), есть несколько фрагментов лепной керамики и отщепов, снятых со шлифованных орудий [4].

**2.13. Беливо 4 г. Основной фонд (ОФ 27643) — 130 предметов,
(ОФ 27976) — 130 предметов. ВФ 13915 — 186 предметов,
ВФ 13928 — 404 предмета**

Стоянка находится близ д. Беливо Орехово-Зуевского района Московской области на левом берегу реки Нерской. Памятник открыт и исследовался А.Е. Кравцовым в 1986–87 гг. (раскоп 332 кв. м) [5].

Нуклеусы в коллекции отсутствуют, большая часть орудий выполнена на пластинах. Среди орудий преобладают резцы, среди которых много косо- и поперечноретушных, есть двугранные и на углах

сломанных заготовок. Скребки преимущественно концевые на пластинах. Встречено два косолезвийных наконечника стрел с боковой выемкой. Есть две высокие асимметричные трапеции из пластин (рис. 18).

Памятник относится к иеневской мезолитической культуре.

Итак, анализируя описанные здесь материалы, можем отметить, что некоторые из представленных мезолитических памятников содержат примесь ранненеолитического материала (Жабки 3, Черная 1, Беливо 4а и 4б). Тем не менее, принадлежность основного материала этих памятников к эпохе мезолита у их исследователей сомнений не вызывает. С другой стороны, в собраниях музея, о чем говорилось выше, среди материалов памятников, относящихся к неолиту, также встречается некоторая примесь, которую можно было бы относить к более раннему мезолитическому времени. Мы планируем продолжить эту работу в дальнейших публикациях, посвященных непосредственно неолитическим материалам, хранящимся в фондах музея.

В заключение хочется отметить, что хранящиеся в фондах Музея Москвы материалы эпохи каменного века в наиболее выразительной и представительной своей части демонстрируются на экспозиции «Древняя и средневековая Москва», предоставляя как обычным посетителям музея, так и специалистам возможность наглядного ознакомления с ними.

Список использованных источников и литературы

1. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 78.
2. Кравцов А.Е. Отчет о работе Северо-Мещерской экспедиции на территории Егорьевского р-на Московской области в 1980 г. № 7832.
3. Кравцов А.Е. Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М., 1988. Вып. 1. С. 15–21.
4. Кравцов А.Е. Работы в западной части Мещерской низменности // АО-1984. М., 1986.
5. Кравцов А.Е., Жилин М.Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г—северная // РА. 1995. № 2.
6. Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмоскovie // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992. С. 3–13.
7. Кравцов А.Е., Лозовский В.М. Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. 1989. № 4.
8. Кравцов А.Е. Отчет о работах Подмосковного (Мещерского) отряда археологической экспедиции МИРМ в Егорьевском и Орехово-Зуевском районах Московской области в 1984 г. № 10893.
9. Кравцов А.Е. Отчет о раскопках стоянки Дальний Остров в Рузском р-не Московской области, раскопках и разведках на р. Нерской в Орехово-Зуевском р-не Московской области в 1989 г.
10. Мансуров А.А. Список археологических памятников и сведений об археологических находках в районах Средней Оки/Архив ИА РАН. 1933. Ф-5. № 1.
11. Розенфельд Р.Л., Юшко А.А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973.
12. Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Археология. Кашира,

2002. Вып. 1. С. 22–45.
13. Сидоров В.В. Колтово 7—стоянка-мастерская // Каширский край. Археология. Кашира: Краеведческий музей, 2006. Вып. 2. С. 107–114.
14. Сидоров В.В., Жилин М.Г. Стоянка Дальний Остров в Подмоскowie // СА. 1975. № 3. С. 244–249.
15. Сорокин А.Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий // Труды отдела охранных раскопок. М., 2006. Т. 5.
16. Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
17. Трусов А.В. Куково 1—новый памятник иеневской культуры на р. Осетр в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. Труды музея истории города Москвы. М., 2000. Вып. 10. Ч. 3. С. 7–14.
18. Трусов А.В. Отчет о работе в Каширском, Ступинском и Зарайском р-нах Московской области в 1990 г. № 15908–15909.
19. Трусов А.В. Поречье 1—памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмоскowie. Труды музея истории города Москвы. М., 2000. Вып. 10. Ч. 3. С. 19–25.
20. Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московская обл., Зарайский р-н), шурфовке стоянки Иванчиково 2 (Московская обл., Зарайский р-н) и раскопках стоянки Шатрище 2 (Рязанская обл., Спасский р-н) в 2001 г. № 24984.
21. Трусов А.В. Финально-палеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмоскowie. Материалы научного семинара. М., 2004.
22. Трусов А.В. Трегубово 2—палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 2004.
23. Трусов А.В. Клушино 1—новый палеолитический памятник в Подмоскowie // Российская археология. 2009. С. 107–112.
24. Трусов А.В. Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
25. Трусов А.В., Энговатова А.В., Панченко К.И. Настасьино 2 и 4—стоянки иеневской культуры на реке Северке // Археология Подмоскowie. 2004. С. 89–97.
26. Трусов А.В. Отчет о раскопках Зарайской палеолитической стоянки и обследовании местонахождения кремневых изделий у с. Поречье. 1989. № 14427.
27. Трусов А.В. Отчет о раскопках стоянки Трегубово 2 (Московской обл., Зарайский район) и разведках в Коломенском районе Московской обл. и Шилковском районе Рязанской обл. в 1999 г. № 22485.
28. Фролов А.С. Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке. // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 75–83.
29. Фролов А.С. Позднемезолитическая стоянка Заозерье 2 на юге Подмоскowie // СА. 1987. № 2. С. 246–250.
30. Фролов А.С. Отчет о раскопках в 1984 г. стоянки Заозерье 1 в Раменском р-не Московской области. № 10424.
31. Фролов А.С. Отчет о разведках в 1985 году. № 10761.

Двускатно-пластинчатые гривны в собрании Музея Москвы

Резюме

Основная цель данной статьи — введение в научный оборот музейного предмета: двускатно-пластинчатой гривны. Рассмотрены места находок различного типа гривен на территории России и Белоруссии. На основе комплекса археологических публикаций, полевой и учетной документации, самих археологических находок и контекста их обнаружения дан анализ появления, производства, бытования двускатно-пластинчатых гривен на территории Московского региона. Уточнена датировка времени бытования данного типа украшений.

Ключевые слова

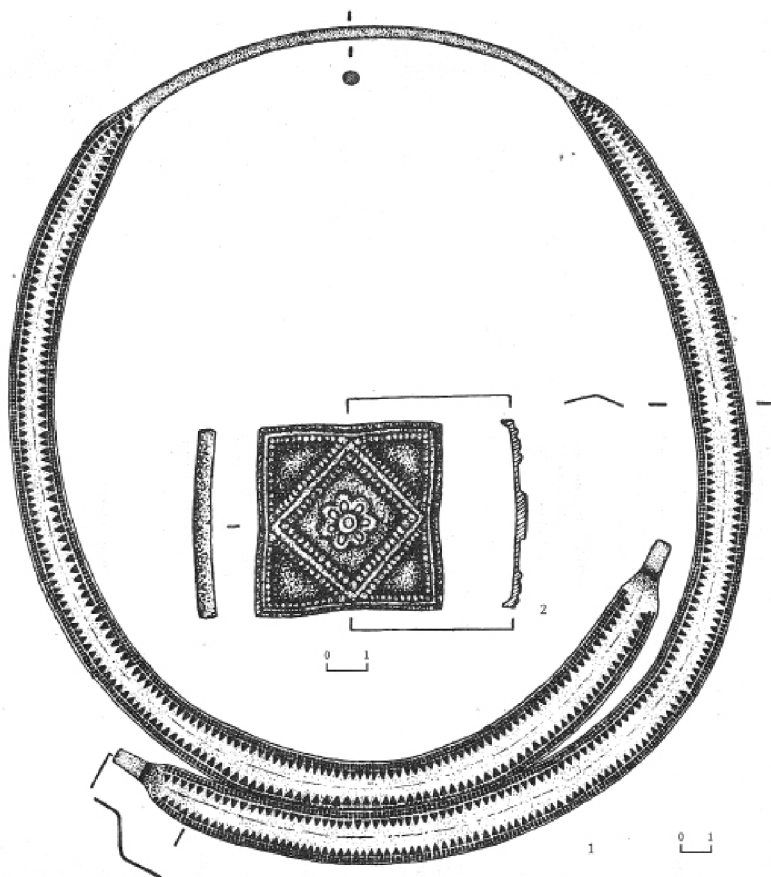
Двускатно-пластинчатая гривна, гривна «радимического» типа, вятичи, «земля вятичей», ювелирное дело вятичей, радимичи.

Иллюстрации на с. 110

В собрание Музея Москвы на данный момент входят материалы с более чем 20 курганных комплексов, расположенных в Москве и Подмоскowie, объединенных в 3 музейных коллекции. Большая часть материалов этих коллекций никогда не публиковалась. Можно вспомнить только общие публикации о московских раскопках и наблюдениях [5; 7; 10]. Между тем район Москвы и Подмоскowie является довольно интересным с точки зрения исследования ранней славянской истории, поскольку представляет собой ядро так называемых земель вятичей — волго-окское междуречье [15, с. 145].

Вопрос этнической атрибуции славянских древностей был поднят еще в середине XIX в. Александр Андреевич Спицын в своей классической работе «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», увидевшей свет в 1899 г., наметил основные пути дальнейшего развития истории и археологии в этом направлении — соотнесение археологических находок, а позднее памятников, с летописными источниками [16]. По распространенному мнению, высказанному еще в 30-х гг. XX в. А.В. Арциховским, вятичи характеризуются определенным вещественным набором, в который входят: височные кольца, хрустальные и сердоликовые бусы, решетчатый перстень и витые браслеты [2, с. 18], позже автор представил интереснейший сборник, который обобщил

Рис. 1.
Двускатно-
пластинчатая
шейная гривна
из раскопок
Тушино

все вятические курганные комплексы, известные на тот момент [1]. В настоящее время благодаря работам археологов, которые продолжают до сих пор, накоплен достаточно большой фактический материал, опубликованный отчасти фрагментарно, но позволивший сделать ряд интересных выводов. В частности, был подробно рассмотрен погребальный обряд вятичей и кривичей [6], что подтвердило предположение Арциховского о том, что культурно эти племена достаточно близки и различить их можно только по набору женских украшений, которые были подробно проанализированы в диссертации Т.В. Равдиной [9], которая выяснила, что только семилопастные височные кольца являются этническим маркером вятических племен. Карта расселения восточно-славянских племен была довольно детально разработана В.В. Седовым [14; 15].

Безусловно, представить четкую картину славянской колонизации волго-окского междуречья — проблема достаточно сложная, особенно при скудности как письменных, так и опубликованных археологических материалов. Именно эту задачу, в известной степени, попытается решить данная работа.

Раскопки одинцовских курганов и близлежащего к ним селища были начаты в 1958 г. и с перерывами продолжают до сих пор. Но коллекция, хранящаяся в музее, включает в себя материалы курганных раскопок 1958, 1960, 1962 и 1965 гг., а также раскопки селища 1974 г. Среди довольно богатого набора стандартных для курганных древностей вещей есть и ряд необычных предметов, в частности интересное шейное украшение.

В одинцовских курганах таких украшений было найдено два и оба — в курганный группе Одинцово VI. Первая находка датируется 1958 г.,

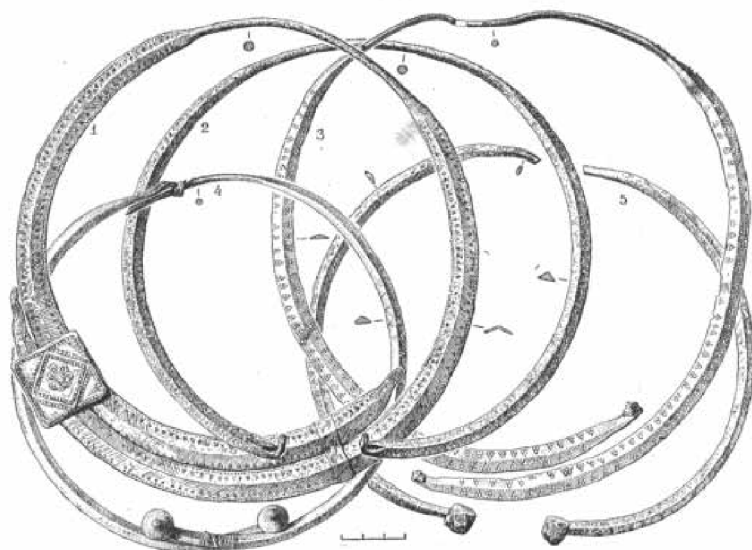
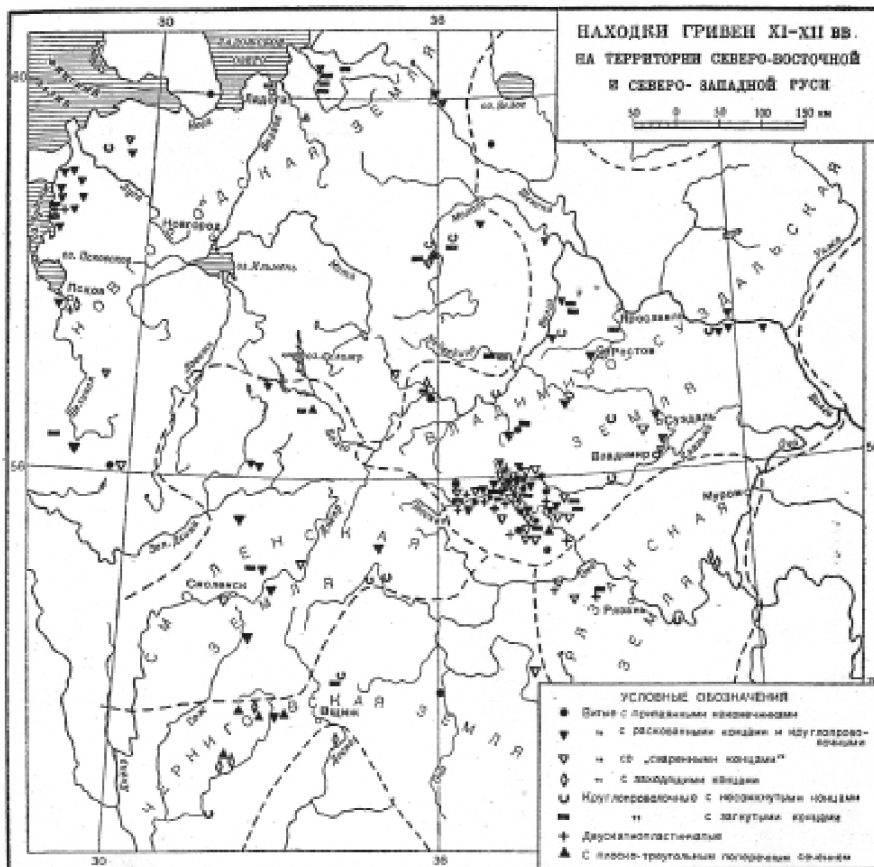

Рис. 2. Типы двускатно-пластинчатых гривен по М.В. Фехнер

Рис. 3. Распространение двускатно-пластинчатых гривен первого типа на территории Московской области

найдена была в кургане № 24, вторая находка—1960 г., найдена в кургане № 91 (фондовые номера ОФ 24678/565 и ОФ 24678/283).

По определению М.В. Фехнер, шейное украшение, найденное в Одинцово, относится к типу двускатно-пластинчатых гривен с бляхами в виде розеток [17, с. 65].

Подобный тип шейных украшений М.В. Фехнер отнесла к «радимичскому» типу, хорошо известному по классической работе Б.А. Рыбакова «Радимичи» [13, с. 90], но между тем имеет свои особенности.

На рис. 2 [17, с. 64] представлены типы двускатно-пластинчатых гривен, встречающиеся в центральной части Восточно-Европейской равнины. Для региона радимичей, бассейна реки Сожа [15, с. 151], характерен тип 3, представленный на рис. 2 [13, с. 52; 3, с. 77]. Шейные украшения, представленные на рисунке типами 2–5, найдены в Брянской (у д. Влазовичи), в Тверской (у д. Песочная и Согожа), а также в Ленинградской (д. Городище) и Смоленской (д. Кузьмичи, Сукромля, Христово) областях [17, с. 72–73]. В Московской области встречен только один экземпляр, относящийся к типу 2, найденный в Воскресенском районе у д. Маришкино [17, с. 72]. Тип 1 между тем довольно широко представлен именно в Московской области.

По данным, приведенным М.В.Фехнер, из 15 известных двускатно-пластинчатых гривен 14 найдены на территории Московской области (одна гривна найдена на территории Псковской области в составе сборного клада [17, с. 72]), более того, на период XII–XIII вв. 12 из них происходят с территории Владимиро-Суздальского княжества и связаны, в первую очередь, с бассейном Москвы-реки.

Но обратимся конкретно к двум гривнам, хранящимся в коллекции музея. Первая из них была обнаружена в 1958 г. в курганном могильнике Одинцово VI в кургане № 24 (ОФ 24678/284), помимо нее в кургане были найдены 3 семилопастных височных кольца (ОФ 24678/285–287), 6 сердоликовых бипирамидальных бусин (ОФ 24678/288–293), 3 стеклянные шаровидные бусины (ОФ 24678/298–300) и бронзовая пряжка (ОФ 24679/297).

Вторая гривна была найдена в 1960 г. в той же курганной группе, курган № 91. (Стоит отметить некую проблему в учетно-хранительской документации. На самой гривне и в полной описи находок стоит 1960 г. раскопок, между тем в таблицах керамики, которые идут сопроводительным материалом к кургану № 91, указан 1965 г. Возможно, они делались позднее и на них стоит год создания именно таблиц, а не производства раскопок. В свою очередь, в коллекционной описи курган № 91 записан в курганную группу Одинцово VII и раскопки датируются 1962 г., но поскольку это не единственная ошибка в описи, то следует ориентироваться на полевую документацию.) В том же кургане было найдено 3 височных семилопастных кольца (ОФ 24768/471–473), обломок ножа, фрагмент шиферного пряслица из розового шифера (ОФ 24768/475), точильный камень (ОФ 24768/476) и витой медный браслет 2х3 (ОФ 24768/474).

В обоих захоронениях обнаружены семилопастные височные кольца типа 1—простые [1, с. 49, 51], по типологии Т.В. Равдиной—развитые семилопастные [8, с. 140]. По набору предметов, характерному для обоих курганов: семилопастные височные кольца, бипирамидальные бусы и витой браслет, их можно характеризовать как вятические, и только, казалось бы, гривны выделяются в этом ряду.

Большая часть известных на данный момент двускатно-пластинчатых гривен происходит из московского региона; подавляющее количество—с территории Владимиро-Суздальского княжества [17, с. 66], что совпадает с территорией расселения вятических племен в X—XII вв. [15, с. 147].

М.В. Фехнер на основании вышеописанных факторов делает вывод, что центр производства данного типа гривен находился где-то в районе Москвы и распространены они были в XII в. [17, с. 65–66]. Датировку подтверждают и другие предметы, найденные в комплексах с гривнами—простые семилопастные височные кольца, бипирамидальные сердоликовые бусы, а также фрагмент шиферного пряслица с предположительным диаметром внутреннего отверстия 8 мм [11, с. 223]. Т.В. Равдина в своих исследованиях ограничивает период существования двускатно-пластинчатых гривен 30–60-ми гг. XII в. [9, с. 86–87].

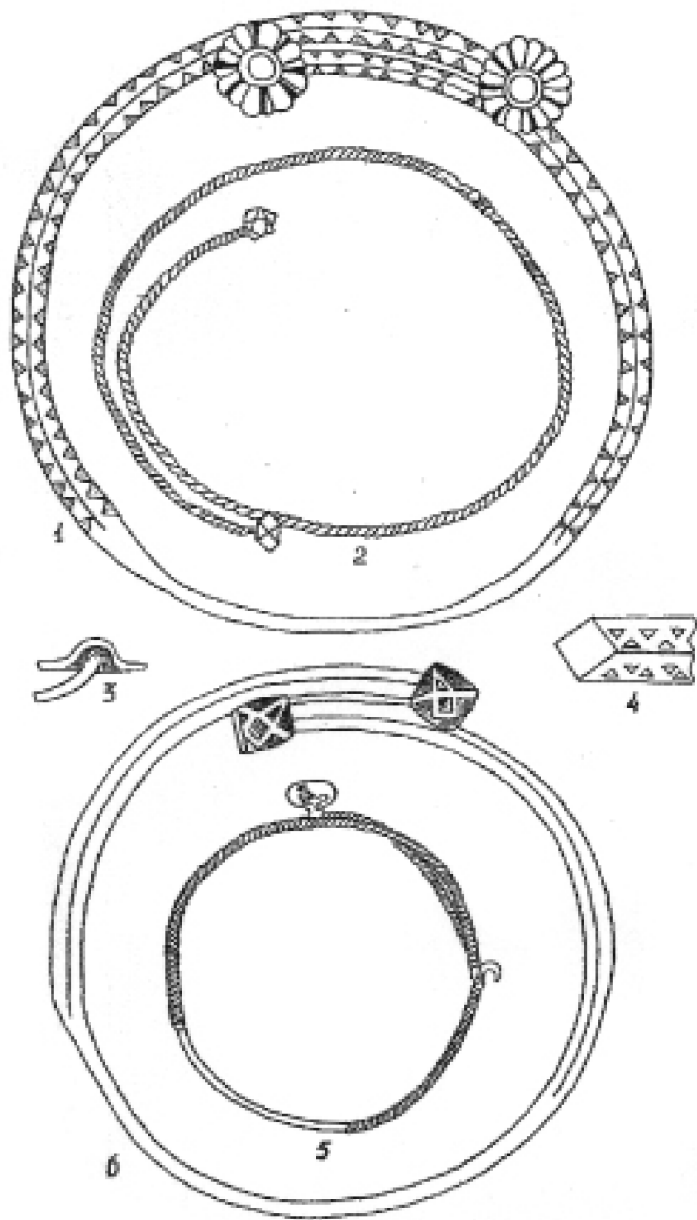

Рис. 4. Типы радимических двускатно-пластинчатых гривен:

1. двускатно-пластинчатая с бляхами в виде розеток;
2. дрототвал торцованная с концами в виде многогранников;
3. способ крепления бляхи к гривне;
4. окончание двускатно-пластинчатых гривен;
5. двускатно-пластинчатая с квадратными бляхами;
6. круглопроволочная с заходящими концами, обвитая проволокой с привесками.

Ближайшие аналогии подобного рода гривнам можно найти в курганных древностях радимичей [13, с. 52], что отмечала и М.В. Фехнер, но между тем даже в радимических курганах данный вид шейных украшений не нашел широкого распространения. В.В. Седов в своей книге [15] не выделяет данный тип украшений как этнически маркирующий радимические племена.

В радимических древностях подобного типа гривны известны. Но на сегодняшний момент найдено всего 9 экземпляров подобного

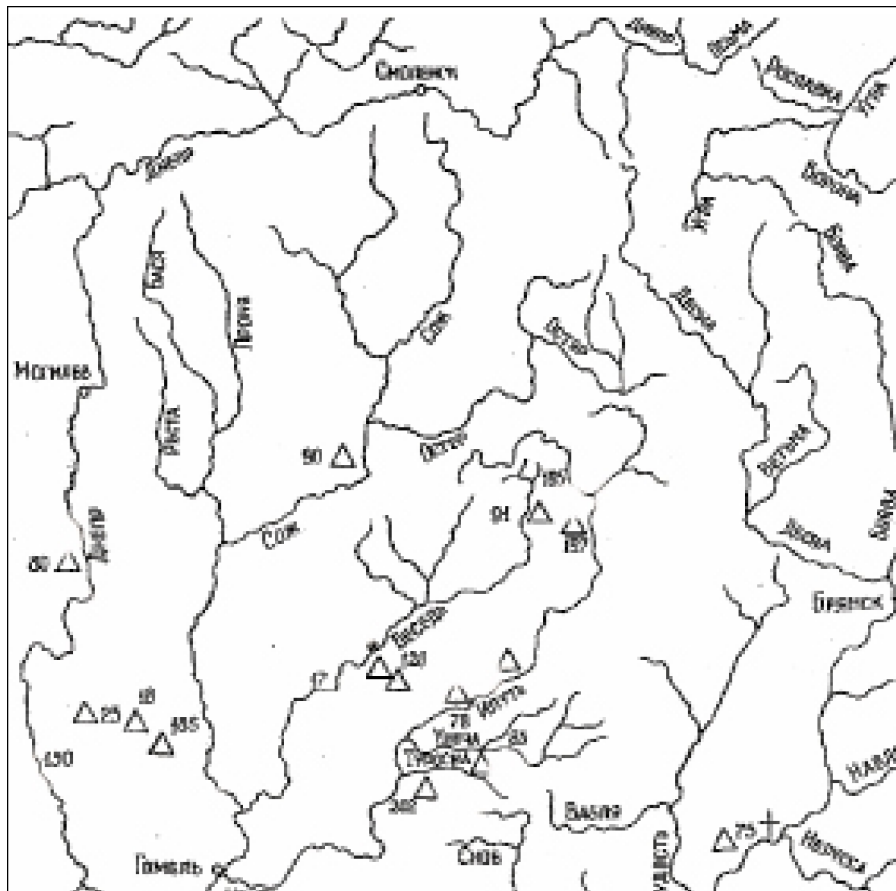

Рис. 5. Распространение двускатно-пластинчатых гривен на территории расселения

типа украшений [Гривны. Двускатно-пластинчатые бронзовые. С розеточными концами. Веточка 5 Влазовичи 25, 26, 29, Кветунь, 25, Козаричи 48, Кричев. Медные. Туровичи 2. Серебряные. Новая Новицкая 5 [3, с. 77]], и большая часть из них, как видно из приведенного списка, изготовлена из более простых дешевых сплавов, чем те, что найдены в Подмоскowie.

Находки сосредоточены в междуречьях Днепра и Сожи — 3 экземпляра, и в междуречье рек Беседа и Ипутъ — 6 экземпляров [3, с. 217]. Гривны отличаются формой декоративных розеток, что говорит о другой традиции производства. Датируются подобные гривны на территории расселения радимических племен также XII в., что говорит об одновременном сосуществовании данного типа украшений у потомков летописных радимичей и вятичей.

Гривна из собрания Музея Москвы представляет собой билоновый обруч с заходящими друг за друга концами, которые крепятся между собой плоскими коваными полосками с маленькими заклепками (с. 110, рис. 1, 2, 3). Чтобы скрыть элементы крепления концов, изготавливались розетки прямоугольной формы. Плоские концы после крепления декоративных элементов загнуты.

Внутренний диаметр гривны практически однороден; максимальный—196, минимальный—193 мм; внешний колеблется в пределах 222–231 мм. Ширина плоской части изогнута, но в проекции составляет 15 мм. Край пластинчатой части украшает точечная борозда, нанесенная методом чеканки. По краю борозды идет узор типа «волчий зуб» с высотой «зуба» 2 мм.

Диаметр самой заготовки 4,5 мм, наблюдается в верхней части шейного украшения. Следов вальцевания в виде бороздок не наблюдается. Также нет признаков искусственного соединения плоской части и проволоочной. Толщина пластины минимально составляет 1,5 мм.

Края пластинчатой части неровные, видны следы обработки краев. И.Е. Зайцева предполагает изготовление данного типа гривны путем холоднойковки с применением промежуточного отжига [4, с. 191], и внешние признаки на рассматриваемой гривне подтверждают данное предположение.

Гривна имеет следы лужения и шлифовки. В месте сгиба, где металл был наиболее истончен в момент изготовления, наблюдаются существенные следы коррозии вплоть до утраты части металла.

Декоративные розетки — квадратные. Имеют размер 45х45 мм. Сохранилась только одна из розеток, вторая восстановлена реставраторами. Розетки изготовлены из того же материала, что и гривна, методом литья. У разных двускатно-пластинчатых гривен рисунок на розетке может отличаться, но форма для всего подмосковного региона остается неизменной.

Б.А. Рыбаков предполагал литье накладок в многоцветной форме [12, с. 84–85], установив тождественность двух пар накладок на гривнах из Троицкого и Тушина. И.Е. Зайцева предполагает наличие одноразовых литейных форм, поскольку на изделиях видны четкие следы подрезки по восковой модели [4, с. 190]. Добавим, что если принять во внимание сложность технологического процесса изготовления двускатно-пластинчатых гривен, довольно узкую полосу их распространения, ограниченный период бытования [9, с. 86–87] и небольшое количество экземпляров, то можно поддержать точку зрения Ирины Евгеньевны Зайцевой и Татьяны Григорьевны Сарачевой.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что двускатно-пластинчатая гривна из собрания Музея Москвы не является единичной находкой на территории Подмосковья. На данный момент известно 14 подобного рода украшений, которые имеют происхождение с территории Московской области, то есть с территории расселения вятических племен, и только 9 с территории радимичей. В радимических древностях есть похожие шейные украшения, но сделаны они из тордированного дрота и имеют несколько другую форму плоской части, а также розетки завершения в виде кубов [3, с. 216], но и их количество невелико [3, с. 77].

По времени появления и бытования двускатно-пластинчатые гривны на территории вятичей и радимичей одновременны, что может

говорить о довольно тесных связях между двумя этими племенными союзами вплоть до конца XII в.

Технологически двускатно-пластинчатая гривна — достаточно сложное в изготовлении шейное украшение, одно из самых сложных в ювелирном производстве «вятической земли» [4, с. 192]. Районом производства большинство исследователей предполагают именно Московский регион [4, с. 192; 12, с. 85; 17, с. 66]. Для изготовления данного типа украшений ремесленник-ювелир должен был обладать навыками вальцевания, холодной и горячейковки, литья по восковой или деревянной модели, чеканки, лужения и шлифовки. При этом для изготовления гривны необходимы были специального рода клише дляковки. Все это позволяет предположить именно городской характер производства двускатно-пластинчатых гривен, а следовательно, связать их именно с Москвой и, таким образом, ограничить период их бытования второй половиной XII в.

Список использованных источников и литературы

- Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
- Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1947. № 7. С. 7—22.
- Богомольников В.В. Радимичи: По материалам курганов X—XII вв. Гомель, 2004.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI—XII вв. М., 2011.
- Латышева Г.П. Раскопки курганов у ст. Матвеевской в 1953 г. // Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1954. Вып. 5.
- Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XII—XIII вв. М., 1974.
- Рабинович М.Г. Основные итоги археологического изучения Москвы / КСИИМК. М., 1951. Вып. 41. С. 59—67.
- Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 136—143.
- Равдина Т.В. Хронология вятических древностей. М., 1975.
- Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки вятических курганов в Подмоскowie // Археологические открытия 1967. М., 1968. С. 52—53.
- Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. 1964. № 4. С. 220—224.
- Рыбаков Б.А. О сбыте городских ремесленников // Ученые записки МГУ. Сер. История. 1946. Кн. 1.
- Рыбаков Б.А. Радимичи. Минск, 1932.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНИ. 1899. Август.
- Фехнер М.В. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ. М., 1967.

3. Критика, библиография, научная и выставочная жизнь музея

Выставочный проект «От клада к вкладу» — яркая страница деятельности Музея Москвы в 2013 году

Резюме

В 2013 году Музей Москвы представил выставочный проект «От клада к вкладу», посвященный истории сбережения различных ценностей, небольшой по площади (120 кв. м), но очень насыщенный информационно. Творческая группа проекта подготовила более 500 экспонатов, которые осветили историю сбережения предметов, представлявших для людей особую ценность в разные периоды. На выставке были представлены вещевые, денежно-вещевые и монетные клады, а также экспонаты, связанные с формированием и развитием банковской системы России в XVIII–XXI вв.

Ключевые слова

Клад, выставочный проект, вклад, Музей Москвы.

Иллюстрации на с. 111–112

В 2013 г. ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы» представило выставочный проект «От клада к вкладу», посвященный истории сбережения различных ценностей как вещевого, так и денежного характера. Творческая группа проекта, в которую входили научные сотрудники Музея Москвы — З.И. Бахтина, Е.Н. Святицкая, С.Н. Таценко, М.Н. Фурсов, под руководством заместителя Генерального директора музея по научной работе Т.П. Горбачевой, разработала и воплотила в жизнь концепцию небольшой по экспозиционной площади (всего 120 кв. м), но информационно насыщенной выставки. Спонсором ее проведения стал ОАО АКБ «РОСБАНК». Всего на выставке было представлено около 500 экспонатов.

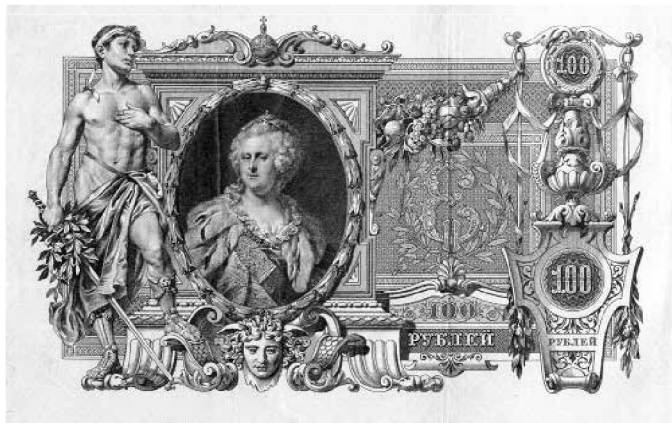
Выставочный проект предоставил творческому коллективу замечательную возможность показать восприятие людьми своей истории сквозь призму материальных ценностей. В современном обществе вопрос приобретения, накопления и сохранения материальных ценностей, на первый взгляд, стоит острее, нежели раньше. Однако это не совсем так. На протяжении многих столетий люди копили, хранили и вкладывали заработанное. Благодаря кропотливому труду музейных сотрудников Музею Москвы удалось собрать уникальную коллекцию экспонатов, которая способна представить практически любой аспект жизни столицы в его развитии — материальное благополучие москвичей, воплощенное в конкретных предметах, не является исключением.

Самой ранней и простой формой хранения ценностей считаются клады. По своему составу они подразделяются на три основные группы: вещевые, денежно-вещевые и денежные клады. На достаточно значительном отрезке истории человечества эти группы не выступают последовательно, сменяя друг друга, они сосуществуют. И лишь в так называемый домонетный период можно говорить только о вещевых кладах.

Прежде чем человечество облекло свои сбережения в привычные для нас монеты и разнообразные бумажно-денежные знаки, прошло не одно тысячелетие. У каждой людской общности была своя система ценностей.

Слово «клад» появляется в русском языке не ранее XVII в., до этого использовалось слово «сокровище», но московская земля хранила клады еще задолго до того, как здесь начали говорить на русском языке.

История московских кладов насчитывает более 20 тыс. лет. Первые подобия кладов, которые состояли из спрятанных кремневых заготовок для орудий, были сокрыты в эпоху верхнего палеолита и в Подмоскovie известны на территории Зарайской палеолитической стоянки. Наиболее ранний клад из собрания музея датируется бронзовым веком. Это клад кремневых заготовок и орудий труда, который был найден на территории Звенигородского района Московской области археологической экспедицией под руководством Н.А. Кренке. Эпоха бронзового века богата на спрятанные сокровища. Наиболее знамениты клады боевых сверленых топоров или клады ювелирных украшений, к примеру, Бородинский

Купюра
в 100 рублей

клад, хранящийся в ГИМе и широко известный специалистам [3]. Реконструкция клада боевых топоров была представлена и на выставке.

В фондах Музея Москвы хранятся также клады эпохи раннего железного века. Наиболее презентабельными, конечно, являются «дьяковские» клады ювелирных женских украшений, такие как клад с Щербинского городища, включавший в свой состав полный женский головной убор и экспонирующийся на основной экспозиции музея [3, с. 30].

Также интересен клад металлических колец с Троицкого городища (рис. 1). Такие клады характерны для «дьяковских» городищ, поскольку железо являлось довольно дорогим материалом в те далекие времена [3, с. 32–34].

Клады в современном понимании появляются позднее, когда люди стали прятать изделия из серебра и золота, ранние монеты — арабские дирхемы и европейские денарии. Но наши предки ценили не только деньги и драгоценности, но и вещи, которые являлись частью их повседневного обихода.

Состав кладов всех видов может рассказать о многом. Например, монетные клады — о составе денежного обращения в целом и о его местных особенностях. Клад времени Ивана Грозного, найденный в 1952 г. на улице Марксистской, состоял из 370 монет. Почти все монеты в нем — копейки. После денежной реформы Елены Глинской (1535–1538) в обращение вошли копейки, денги (полкопейки) и полушки (полденги). Особую ценность среди них представляли именно копейки, они и «выпали» по воле владельца в клад [3, с. 30; 11].

К тому же времени относится и вещевой — хозяйственно-оружейный клад из Ипатьевского переулкa в Китай-городе. В нем нет ни одной монеты, зато много разнообразных предметов: хозяйственные топоры, столовые ножи, братина, сковорода, латунный рукомойник, ствол ручной пицали, шлем (рис. 2). Эти изделия из металла стоили на рынке довольно дорого. Бережливый владелец сложил вещи в погребе в бочонк, где их и застиг пожар [2; 3; новейшее исследование: 5, с. 303–321].

Денежно-вещевые клады по своему составу самые сложные. Монеты позволяют определить время их бытования, показать их значимость для владельца, а иногда и понять, почему они оказались сокрыты. Чаще всего клады прятались владельцем целенаправленно. Однако назначение клада, найденного на территории Старого Гостиного двора в 1996 г., было совсем иное. Он содержал столовую серебряную посуду, европейские талеры, более 92 тыс. русских копеек и мог быть передан в казну, а оттуда в Денежный и Серебряный приказ. Копейки, отчеканенные в период от Ивана Грозного до Василия Шуйского, высоко ценились: они были тяжелее и более высокой пробы, чем в царствование Михаила Федоровича. Казне было крайне выгодно отправлять их на переплавку. А изделия из серебра и европейские талеры издавна служили сырьем для чеканки русских «проволочных» копеек. Доставить содержимое клада на Денежный двор его владельцу не удалось. По всей видимости, причиной тому стал пожар, который в старой деревянной Москве был явлением частым [3, с. 129–131].

В 1970 г. в Ипатьевском переулке в Китай-городе при строительстве нового здания был обнаружен один из крупнейших денежных кладов. В широком тазу из красной меди оказалось 3398 испанских и испано-американских монет (около 75 кг серебра): крупные песо достоинством в 8 реалов и более мелкие — в 4, 2 и 1 реал (рис. 3, 4). Судя по датировке, монеты чеканились в течение длительного периода, с 1500 по 1628 г., от Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского до Филиппа IV. Подавляющее большинство их было отчеканено в южноамериканских владениях испанской короны — Мексике, Боливии, Колумбии. Эти монеты отличают неровная форма, небрежное, грубое исполнение. Таз с содержимым хранился в подвале дома и оказался погребенным во время крупного московского пожара 1629 г. [2; 3; 10].

Денежная реформа Петра I положила начало введения в обращение крупной и мелкой серебряной и разменной медной монеты. Об этом времени и более позднем рассказывают два клада из собрания Музея Москвы. Первый из них по месту находки и составу относится к категории крестьянских кладов. Он был найден у деревни Богослово Ногинского района Московской области. Клад состоял из 96 медных денежек и полушек 1730–1754 гг. и одной медной копейки 1755 г. Владелец сокрыл свои сбережения в год денежной реформы, когда в обращение вводилась медная монета нового образца. Более состоятельным оказался владелец другого клада: в нем хранилось 106 рублевиков. Он спрятал их на окраине Москвы в 1810 г., как раз в начале очередной денежной реформы. Содержимое клада дает возможность более точно определить время его сокрытия и указать его причины. Указ о реформе был издан 20 июня 1810 г. К этому времени выпуск ассигнаций достиг таких размеров, что они стали вытеснять из обращения не только медную, но и серебряную монету, которая оседала в кладах. Для оздоровления финансов правительство ввело новые ассигнации, значительно сократив их выпуск, а также уменьшило вес новых медных монет. Указом

была окончательно установлена основная счетная денежная единица — серебряный рубль. С 1798 г. он весил 20,73 г, это был самый низкий вес рублевой монеты за весь XVIII в. Судя по всему, меры правительства не внушали особого доверия кладовладельцу. Доказательством тому и явился сокрытый им клад [3, с. 30; 11, с. 220–229].

Существует мнение, что клады зарывали в минуту опасности, откладывая на «черный» день, для накопления нужной суммы. Нередко кладовладелец преследовал и совсем иную цель. Отложенные им деньги не пополнялись. Но если владелец (ремесленник или торговец) следил за конъюнктурой рынка, колебанием цен, наличием или отсутствием того или иного товара, за составом денежного обращения вплоть до погодных условий, то вовремя вынутые сбережения могли принести ему выгоду.

Издревле крупными ростовщиками были монастыри. Они не только давали деньги в рост, но и брали их на хранение. В известной мере эти крупные церковные корпорации можно назвать первыми банками в России. Издавна люди пользовались услугами монастырей, помещая туда ценности на хранение или делая вклады. Как правило, это были вклады «на помин души» родителей, предков, родственников. Как и клады, они делились на определенные категории: земельные, вещевые и денежные. Среди них могли быть рукописные и печатные книги, которые также высоко ценились. В монастырях вклады действительно «работали». Умерших, чьи имена были записаны в синодики, за счет вкладов поминая столетиями. На выставке были представлены две книги с владельческими надписями из собрания музея: «Триодион» (1663 г.) и «Слово и житие святого отца нашего Ефрема Сирина» (1666 г.) (рис. 5).

Ростовщический капитал, собранный в монастырях, был предтечей банковскому капиталу, недостаточно развитому в России. Должно было пройти немало времени, прежде чем вклад стал приносить доход.

Начало этому длительному процессу положили бумажные деньги. В 1769 г. правительство Екатерины II ввело в обращение ассигнации — бумажно-денежные знаки (рис. на с. 150). Вызвано это было той особой ролью, которую стала играть в обращении медная монета. Ее обильная чеканка привела к тому, что серебряные монеты уже реже появлялись на денежном рынке. Мелкие номиналы медных монет требовали их значительного количества, что создавало неудобства и трудности в торговле, во время перевозки, при подсчете. Известному ученому и поэту М.В. Ломоносову денежное вознаграждение от императрицы, в размере 2 тыс. руб. медной монетой, доставили на четырех возах.

При выпуске ассигнаций планировался их свободный обмен на серебряную и медную монету. Однако из-за увеличения военных расходов на войну с Турцией от этого пришлось отказаться и ассигнации стали обращаться с принудительным курсом. Увеличение объема ассигнаций, не обеспеченных медной монетой, привело к обесцениванию бумажных денег. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. складываются два курса российского рубля: рубль серебром и рубль ассигнациями.

В 1839–1843 гг. в России была проведена денежная реформа,

инициатором которой был министр финансов граф Е.Ф.Канкрин. Вместо ассигнаций начали выпускать государственные кредитные билеты, а основной денежной единицей стал серебряный рубль, который и призван был обеспечить новые бумажно-денежные знаки. Реформа Канкринна должна была оздоровить финансовую систему страны, однако этому помешала Крымская война (1853–1856) и очередной виток военных расходов.

Следующей значительной вехой в истории бумажных знаков в России стала денежная реформа С.Ю. Витте, министра финансов Российской империи в 1892–1903 гг. Экономическое развитие страны и иностранные займы позволили скопить значительные запасы золота. Золотой рубль явился основой новой финансовой системы и обеспечением государственных кредитных билетов. Обмен бумажно-денежных знаков на золотую монету объявлялся свободным [7].

Несмотря на отрицательные стороны и последствия нахождения ассигнаций в обращении, они способствовали становлению и развитию банковской системы. В отличие от стран Западной Европы, появление банков в России было не следствием буржуазного развития страны, а стремлением правительства финансово поддержать господствующий класс — дворянство, а также купцов и промышленников. Однако созданные еще в середине XVIII в. по проекту графа И.П. Шувалова Дворянский и Медный банки поставленную перед ними задачу полностью не выполнили. Сфера деятельности их была ограничена в основном Москвой и Петербургом, а кредитные операции продолжали осуществляться медной монетой, запасы которой быстро истощались.

План увеличения денежной массы за счет уменьшения веса монет правительством императрицы Елизаветы Петровны был отвергнут. Не способствовало решению вопроса кредитования и расширение банковской системы, создание ссудных касс по необъятной территории Российской империи. Возникали трудности с подвозом наличности, вызванным отсутствием нужных денежных сумм на местах. Первые шаги к введению в обращение бумажных денег были сделаны Петром III. 25 мая 1762 г. им был подписан указ об учреждении эмиссионного банка и выпуске банкнот на сумму 5 млн руб. Но только через семь лет замысел Петра III начал осуществляться правительством Екатерины II.

В 1769 г. приступили к введению в обращение ассигнации, а в 1786 г. был создан Ассигнационный банк. С этого времени банковское дело в России постепенно получает свое развитие, в 1817 г. был образован Государственный коммерческий банк. С развитием капиталистических отношений в XIX в. формируется система государственных и частных банков. Банки и банковская система «оживили» клады, заставили работать накопленные ценности, предложив своим клиентам то, что мы теперь называем вкладами.

Денежная реформа С.Ю. Витте с ее монометаллизмом, выражением которого являлся золотой рубль, пережила Русско-японскую войну, революцию 1905–1907 гг. и в начале XX в. находилась на подъеме.

Представить тогдашний уровень цен и «потребительскую корзину» среднестатистического москвича конца XIX в. посетителям выставки позволила записная книжка из собрания документального фонда музея, в которой фиксировались ежедневные траты горожанина (рис. 6).

В 1914 г. последовательное экономическое развитие страны было прервано Первой мировой войной, в которую вступила и Россия, оказавшаяся к ней до конца не готовой. Затяжной характер войны вызвал огромные военные расходы, а убыль наиболее работоспособного населения привела к хозяйственным трудностям. Из обращения исчезла золотая, потом серебряная и в итоге медная монета, денежный рынок захлестнула волна ничем не обеспеченных бумажно-денежных знаков.

Из денежного кризиса Россия так и не выбралась: грянула революция, затем Гражданская война. С крушением политического строя прекратила свое существование прежняя финансовая и банковская система.

Время показало, что клады — не только самая простая форма хранения денег, но и самая универсальная. Даже при наличии банков люди не отказались от такого способа хранения своих накоплений. Клады продолжали зарывать и в XVIII, и в XIX и даже в XX в. Особенно ярко это проявлялось в годы социальных и политических потрясений. В состав кладов стали попадать не только монеты, но и ценные вещи и даже обесцененные бумажные знаки. Так, в центре Москвы был найден клад, состоявший из одних бумажно-денежных знаков. Почти половину его составляли деньги царской России, выпущенные в 1898–1910 гг., достоинством 1, 10, 25, 50 и 100 руб. Примерно столько же было в нем украинских карбованцев. Особого внимания заслуживают билеты и знаки Государственного казначейства Главного командования Вооруженных сил Юга России и двух контор Государственного банка в Одессе и Ростове-на-Дону, выпуска 1918–1919 гг. В кладе оказался также один 20-рублевый казначейский знак Временного правительства («керенка»). Примечательно, что среди найденного не было ни одного денежного знака Советской России, хотя клад был сокрыт в 1920 г. Возможно, что кладовладелец спрятал свои накопления на случай возврата прежнего строя.

Придя к власти, советское правительство унаследовало довольно пестрое денежное обращение. В основном это был рынок бумажных денег. В стране обращались кредитные билеты царской России («романовские») и первого республиканского правительства («думки»), казначейские знаки и казначейские расчетные знаки, получившие в народе прозвище «керенки», денежные и расчетные знаки (совзнаки) РСФСР. При этом на территории, охваченной Белым движением и интервенцией, вводилась своя валюта. Она смешивалась со старыми деньгами, вызывая еще большую финансовую неразбериху.

В числе основных задач советской власти стояло проведение денежной реформы. Правительством была проведена национализация частных банков, установлен контроль над государственными банками, создан единый Народный банк РСФСР. Однако Гражданская война

и интервенция, огромные военные расходы лишь усиливали дестабилизацию денежного обращения, вызывали увеличение денежной эмиссии. За этим последовали обесценивание денежной массы и рост цен.

На территории Советского государства стали проводиться мероприятия, получившие название политики «военного коммунизма»: натурализация обмена, введение продразверстки, изъятие ценностей у населения в виде налогов и контрибуций, закрытие Народного банка. Только после окончания Гражданской войны правительство РСФСР смогло перейти к последовательной политике в области финансов.

В 1921 г. осуществился переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике (НЭП). Начался выпуск новых серебряных монет, введены государственные внутренние займы, а в 1922 г. была проведена первая деноминация бумажных денег. С образованием СССР денежная реформа проводилась на всей территории бывшей Российской империи.

Деноминация стала стержнем советских денежных реформ, которые проводились в 1922–1924, 1947, 1961, 1991 гг. Она сопровождалась введением в обращение бумажных денег и монет нового образца.

Наиболее успешной в СССР была реформа 1922–1924 гг. В обращение были введены бронзовые и серебряные монеты мелких и крупных номиналов, а советский рубль обеспечивался запасом драгоценных металлов; для международной торговли был налажен выпуск золотых червонцев [6].

Но в итоге отступление от основных принципов НЭП, ускоренные темпы индустриализации и насильственная коллективизация привели к падению реального курса советского рубля, особенно на международной арене. С этого времени берет свое начало история так называемого деревянного рубля. С конца 1920-х гг. из обращения стала выходить серебряная монета. Несмотря на то, что в стране действовали кредитные учреждения во главе с Госбанком, население предпочитало вновь обращаться к кладам. Завершающая стадия НЭПа стала взлетом процесса кладообразования.

Основные функции по кредитованию и вкладам населения в СССР выполнял Госбанк и его филиалы — сберкассы. В целом население обращалось к их услугам. Купюры советского периода на выставке были представлены вместе с облигациями госзаймов и сберегательными книжками. В условиях социалистического ведения хозяйства не учитывались основные экономические законы, фактически отсутствовало право собственности, в массе своей были невысоки зарплаты и велика непредсказуемость денежных реформ, существовал низкий процент по вкладам. Становилось невыгодным следовать популярному лозунгу «Храните деньги в сберегательной кассе!». В этом проявлялось недоверие советских людей к финансовой политике государства. Выгода вкладов и доверие станут возможны только при иных условиях ведения экономической политики.

Банковская система России в ее современном виде сложилась в начале 90-х гг. прошлого века в процессе перехода к рыночной экономике. Она включает в себя Центральный банк РФ, кредитные

организации (банки), филиалы и представительства иностранных банков. Действующая в стране банковская система непосредственно регулируется Конституцией РФ, федеральными законами «О банках и банковской деятельности», «О Центральном банке Российской Федерации» и другими законами.

Банковская система России имеет двухуровневый характер. Первый уровень — Центральный банк, который является эмиссионным центром страны, главным банкиром федерального Правительства. Он осуществляет рефинансирование коммерческих банков, а также регулирование, контроль и надзор за банковской системой в целом. Второй уровень — сами банки, которые являются основой банковской системы, осуществляют финансово-кредитное обслуживание населения и хозяйствующих субъектов. Это и российские банки, и банки, входящие в иностранные банковские группы.

Генеральным спонсором выставочного проекта «От клада к вкладу» выступило ОАО АКБ «РОСБАНК», которое с 2008 г. входит в международную финансовую структуру — группу «Сосьете Женераль». История деятельности французского банка «Сосьете Женераль», созданного в 1864 г., тесно связана с Россией. Сначала банк участвовал в размещении облигаций русских займов и в поддержке промышленного производства путем финансирования предприятий горной и металлургической промышленности. Затем им были созданы в России дочерние банки — Северный банк (1901 г.) и возникший при его слиянии с Русско-Китайским банком — знаменитый Русско-Азиатский банк (1910 г.), успешно развивавшийся до 1917 г. Возвращение группы «Сосьете Женераль» в Россию произошло в 1973 г., когда было открыто бюро представительства в СССР, а в 1993 г. был создан и банк «Сосьете Женераль Восток», который продолжает традиции активного финансового сотрудничества между Россией и Францией [1].

Список использованных источников и литературы

- Бонен Ю. [Bonin H.]. Сосьете Женераль в России. Париж, 2008.
- Векслер А.Г. Москва в Москве. М. 1982.
- Векслер А.Г., Мельникова А.С. Российская история в московских кладах. М., 1999.
- Векслер А.Г., Мельникова А.С. Московские клады. М., 1973.
- Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в древности. М., 1973.
- Мельникова А.С. Твердые деньги. М., 1973.
- Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Денежное хозяйство России. М., 2000.
- Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964.
- Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970.
- Таценко С.Н. Ипатьевский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII века из собрания Музея истории Москвы: состав и датировка // Нумизматический сборник ГИМ. Труды ГИМ. М., 2012. Т. XIX. С. 93–102.
- Таценко С.Н. Опыт характеристики двух кладов из собрания МИГМ // Нумизматический сборник ГИМ. Труды ГИМ. М., 2005. Т. XVII. С. 220–229.

Сведения об авторах

Дельвиг Владимир Сергеевич

кандидат исторических наук, руководитель отдела «Музей истории «Лефортово» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: v.delvig@mosmuseum.ru

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, ведущий специалист РГАДА,
e-mail: olegkurbatov@yandex.ru

Правдиковская Евгения Николаевна

кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела «Музей истории «Лефортово» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: pra-zen-shen@yandex.ru

Полещук Константин Константинович

старший научный сотрудник, руководитель направления по работе с VIP-клиентами ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: konstantpol@mail.ru

Полюлях Анатолий Александрович

зав. сектором отдела «Археология» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: archeology-migm@mail.ru

Святицкая Екатерина Николаевна

зав. сектором отдела «Археология» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: archeology-migm@mail.ru
e.svyaticкая@mosmuseum.ru

Таценко Сергей Николаевич

зав. сектором отдела «Фонды» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: s.tacenko@mosmuseum.ru

Трусов Александр Васильевич

старший научный сотрудник отдела «Археология» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: archeology-migm@mail.ru

Фурсов Максим Николаевич

старший научный сотрудник отдела «Археология» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»,
e-mail: VfrcbvAehcjd@mail.ru

A. Polulyakh

The origins and nature of the development of Gzhel small-scale pottery production at the end of XV — first third of the XX century.

The origins, development and cessation of Gzhel small-scale pottery production for Moscow market at the end of XV — first third of the XX century is shown on the basis of archaeological and documentary sources. The author examines the range of products, diversified according to the market needs, and the development of a new and more sophisticated technology of pottery production.

Key words: Gzhel, Moscow, Yauza pottery sloboda, argil ceramics, peasants, craft.

8

O. Kurbatov

Moscow garrison in the Time of Troubles: statement of the problem.

The article reveals one of Smuta military history episodes — structure and strength of the Moscow garrison on different stages of civil war and foreign intervention in 1604–1618. This problem is poorly covered in historiography which complicates the study of key events of the Smuta period. The author outlines Moscow garrison structure and strength and names key problems of Smuta history which cannot be studied without knowledge about Moscow garrison.

Key words: History of Moscow, Time of Troubles, military history, Sovereign's yard, Moscow archers.

36

S. Tatsenko

The Dennings from the Old Gostiny Dvor.

The article analyzes the history of Russian-Danish coins circulation, the so-called Denning in Russia in XVII century. The first described Dennings were part of the «great treasure», discovered in 1996 in the Old Gostiny Dvor. According to the author, these coins were intended to be used on disputed or border Russian territories.

Key words: dennings, Russian-Danish coins, treasure of the Old Gostiny Dvor.

44

V. Delwigo

The attitude of Russian authorities to the foreigners from Western Europe (Moscow, late 15th — middle 17th century).

The article gives an overlook on the status of Western European specialists in the State of Russia from the end of XV century till the middle of XVII century on the example of Moscow. The work pays close attention to the response of secular and spiritual authorities on their legal state, social status, confession, employment and household.

Key words: spiritual authorities, law, foreigner, Catholic, Russia Moscovia, «nemets», Nemetskaya Sloboda, right, Orthodoxy, Protestant, State of Russia, secular authorities, Western European countries, tzar.

50

E. Pravdikovskaya

The role Shakhovskoy's personality in the development of «Utoli moyu pechali» community of Sisters of Mercy.

The article is devoted to the history of charity sisters community «Assuage my sorrows», it's activities and interesting details of it's functioning and organization. Special attention is paid to personality of the community founder — princess N.B. Shakhovskoy.

Keywords: community of sisters of charity, princess N.B. Shakhovskaya, Russian Red Cross Society.

62

K.K. Poleschuk

«City head N.A. Alexeev and the improvement of Moscow road-ways in the end of the XIX century».

The article is devoted to the improvement of Moscow road-ways in the end of 19th century. It pays particular attention to the personality of Moscow city head N.A. Alexeev (1852–1893) — energetic leader of Moscow self-government in 1885–1893. The author's analyses of the problem is based on representative cases from various sources.

Key words: Moscow road-ways, Moscow self-government, Moscow city head N.A. Alexeev.

114

A. Trusov

Archaeological sites of Paleolithic and Mesolithic in the collection of the Museum of Moscow.

This article describes the collections of items from Paleolithic and Mesolithic monuments, stored in funds of the Museum of Moscow (location of the monument, when and by whom it was studied, the composition of the collection). Findings' description includes tables of drawings of the most expressive items. The article will be interesting for researchers of the stone age in Central Russia.

Key words: Paleolithic age, Mesolithic, Sites.

124

M. Fursov

The double-plated neck-rings from the collections of Moscow city Museum.

This article is aimed to introduce museum object — dual-plate hryvnia — to the scientific revolution. It tells about the locations of different types of hryvnia on the territory of Russia and Belarus, occurrence and production of the dual-plate hryvnia in Moscow region. The research is based on complex archaeological publications, accounting documentations, archaeological finds and the context of their detection. The article also refines the time when this type of jewelry appeared.

Key words: double-plated neck-rings, hryvnia.

138

K. Svyatitskaya, S. Tacenko

«Exhibition project «From hoard to deposit» — a remarkable period of Moscow City Museum activity in 2013».

In 2013 Moscow City Museum presented the project «From hoard to deposit», dedicated to the history of different values savings. The small (120 sq.m) but very informative exhibition presented more than 500 items which described how people had saved objects in different periods of Moscow history. The exhibition included different types of hoards: monetary ones, hoards for both coins and objects and only of objects. Few items were dedicated to the formation and development of the Russian banking system in the 18th-21th centuries.

Keywords: hoard, exhibition project, Moscow City Museum, deposit.

148

Московия:

материалы и исследования по истории
и археологии Москвы и Московского края

Редактор-составитель: М.М. Моисеев

Макет, верстка: А. Яруллина

Корректор: Н.П. Новикова